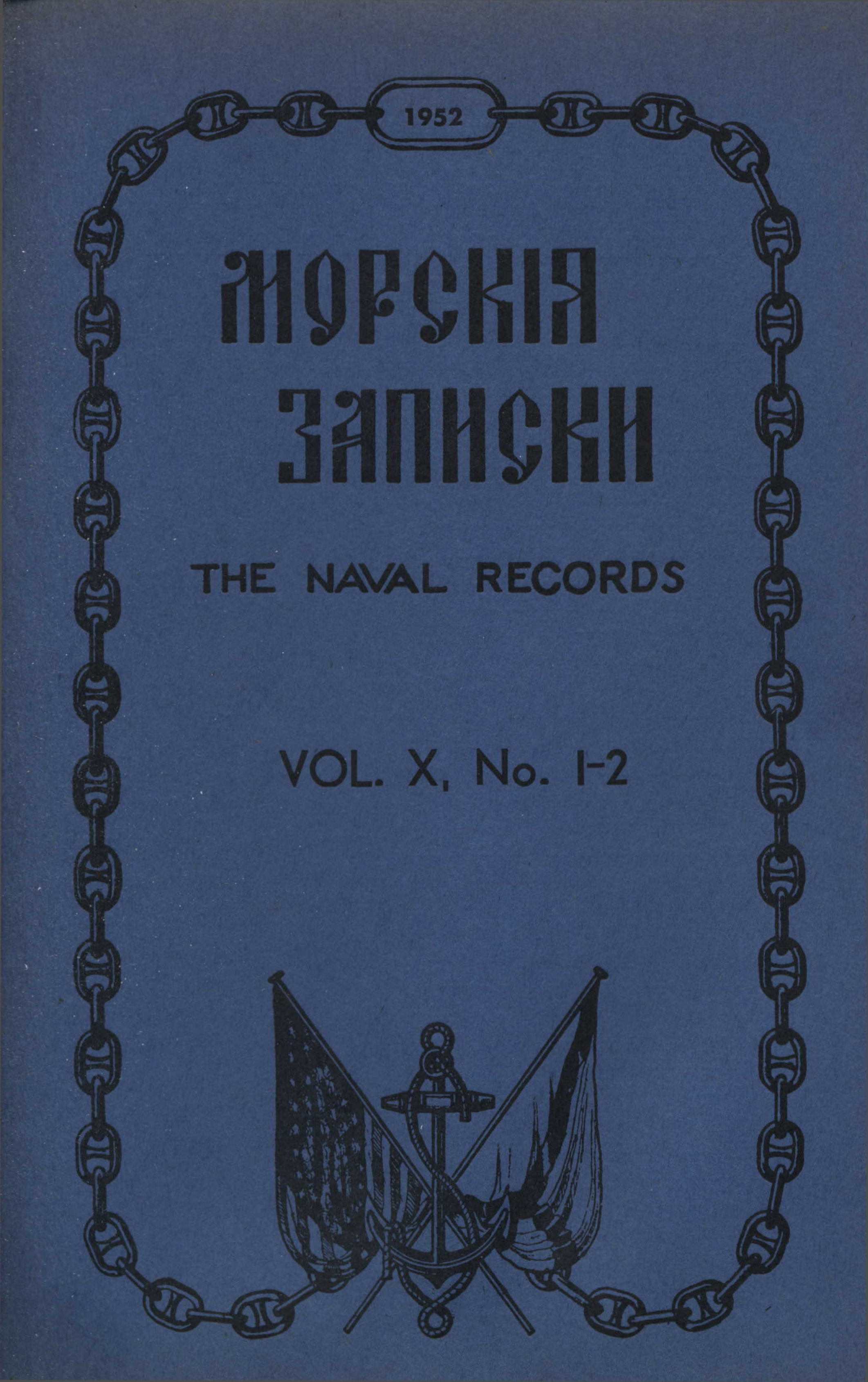

1952
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. X, No. 1-2

СПИСОКЪ

должностныхъ лицъ Общества и адресовъ, по которымъ во избѣжаніе задержки надлежитъ адресовать корреспонденцію.

По дѣламъ Общества:

Предсѣдателю, Петру Евграфовичу Стогову.

P. E. Stogoff, 180 Claremont Ave., Apt. 34, New York 27, N. Y.
89-30 164th St., Jamaica, L. I., N. Y. Tel.: JAmaica 3-5885.

По дѣламъ казначея:

Казначею, Юрію Всеволодовичу Соловьеву.

Yury V. Solovieff, 617 West 143rd Street, Apt. 6
New York 31, N. Y.

Связь, бюллетени, информація:

Юрію Корнельевичу Дворжицкому.

634 West 135th Street, New York 31, N. Y.
Tel. WA-6-9758.

Комитетъ Помощи‘

Предсѣдателю К-та, Владиміру Димитріевичу Погожеву.

V. D. Pogogeff, 141 West 72nd Street, New York 23, N. Y.

По дѣламъ Казначея К-та Помощи:

Казначею К-та, Маринѣ Николаевнѣ фонъ Зонъ.

M. N. von Sonn, 371 95th Street, Apt. 2C, Brooklyn 9, N. Y.
Tel. SH-8-0406.

Выписка Ди-Пи изъ Европы:

Георгію Ивановичу Пухирь.

George J. Pookhir, 41-44 74th Street, Jackson Heights,
Long Island, N. Y.

Историческая Коммиссія, библіотека, архивъ:

Предсѣдателю Истор. Коммиссіи, Сергѣю Владиміровичу Гладкому.

Serge V. Glad, 3604 Broadway, New York 31, N. Y.
Tel. AD-4-8894.

«Морскія Записки»:

Редактору бар. Георгію Николаевичу Таубе.

George N. Taube, 465 Lexington Ave., New York 17, N. Y.

Фондъ для Престарѣлыхъ:

Бар. Г. Н. Таубе

465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y.

Устройство вечеровъ и предпріятій:

Генриху Генриховичу дю Беллэ.

Henry P. du Bellet, 324 West 56th Street, New York 19, N. Y.

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

Издаваемыя О-мъ б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.

465 Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Former Russian Naval Officers in America, Inc.
G. N. Taube, Editor.
465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. X, No. 1-2. **Price $1.50 a copy** **JUNE, 1952**

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

CONTENTS:

Page

Контръ-Адмиралъ Ю. К. Старкъ.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ ВЪ ПЕРІОДЪ 1921–1922 ГГ.

Трудъ Контръ-адмирала Ю. К. Старкъ по своему объему слишкомъ великъ, чтобы быть полностью помѣщенъ въ «Морскихъ Запискахъ». Поэтому редакція печатаетъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся организаціи и дѣятельности Сибирской флотиліи, и принуждена ограничиться только выдержками, касающимися политической обстановки.

Къ веснѣ 1921 года, Русскій Дальній Востокъ полностью входилъ въ предѣлы «буфернаго» государства Дальневосточной Республики. Въ предѣлахъ этого «буфера», въ Приморской области, въ зонѣ оккупаціи японскихъ войскъ, существовалъ автономный отъ Дальневосточной Республики «буферъ» — съ правительствомъ Приморской Области во главѣ, и съ резиденціей этого правительства во Владивостокѣ. Взаимоотношенія этого правительства съ японскими оккупаціонными властями, опредѣлялись соглашеніемъ о перемиріи, заключеннымъ между мѣстной властью, тогда еще именовавшейся «Правительствомъ Приморской Земской Управы» и японскимъ военнымъ командованіемъ послѣ 4-го Апрѣля 1920 года, когда мѣстная власть была вынуждена принять продиктованныя японцами условія.

Это соглашеніе, и дополненіе къ нему, касающееся Морскихъ силъ, являлось во все время существованія Приморской государственности крупнѣйшимъ факторомъ нашей военной обстановки.

Ниже сего полностью приводится дополненіе, касающееся Морскихъ силъ:

Протоколъ о русскихъ военныхъ судахъ на Дальнемъ Вотокѣ

1. Всѣ задержанныя во время апрѣльскихъ событій японской эскадрой русскія военныя суда, со всѣмъ ихъ снабженіемъ, передаются обратно русскимъ морскимъ властямъ, причемъ исключаются боевые припасы и оружіе: дальнѣйшая судьба этихъ снабженій подлежитъ рѣшенію въ будущемъ.

2. Русскія военныя суда, какъ возвращенныя, такъ и вновь пріобрѣтаемыя, не могутъ быть въ вооруженномъ состояніи въ

территоріальныхъ водахъ, отъ устья рѣки Тюмень-Ула до мыса Поворотный (заливъ Петра Великаго) безъ вѣдома японскаго морского командованія во Владивостокѣ).

Примѣчаніе: В раіонахъ, указанныхъ въ этомъ пунктѣ, теперь же допускается организація охраны изъ русскихъ вооруженныхъ военныхъ судовъ, базирующихся на Владивостокъ, съ вѣдома японскаго морского командованія и въ мѣрѣ дѣйствительной потребности.

3. При выходѣ русскихъ военныхъ судовъ въ плаваніе изъ Владивостокскаго порта, на срокъ свыше однихъ сутокъ, русскія морскія власти ставятъ объ этомъ, заблаговременно, въ извѣстность японское морское командованіе во Владивостокѣ съ указаніемъ цѣли плаванія и маршрутъ.

4. Вытекающія изъ вышеизложенныхъ трехъ пунктовъ этого соглашенія отдѣльныя детали обсуждаются особо.

Всѣ вышеизложенныя условія носятъ временный характеръ и подлежатъ пересмотру по заявленію одной изъ сторонъ и измѣняются по соглашенію.

3-го Августа 1920 г.
г. Владивостокъ.

Уполномоченные: со стороны Японской Специальной Эскадры, Капитанъ 2 ранга Юрійчъ Эдахра. Со стороны Сибирской флотиліи, Начальникъ Штаба, С. Ф. Тыртовъ.

Утверждается сей протоколъ: 10/8 1920 г.

Контръ-Адмиралъ КАВАХАРА.

Командующій войсками Вр. Пр-ва Д. В. Прим. Земск. Управл.
В. БОЛДЫРЕВЪ.

Тѣмъ временемъ, тенденція къ сокращенію автономіи Приморья и постепенному сліянію его съ Дальневосточной республикой ощущалось все болѣе и болѣе. Такъ, въ концѣ 1920 г., или началѣ 1921 г., командованіе военное и морское и министерство финансовъ, сдѣлались прямо подчиненными соотвѣтствующимъ органамъ Читы.

Это обстоятельство, а также начавшіеся переговоры японскаго правительства с Д. В. Р. чрезвычайно безпокоило несоціалистическіе круги Приморья, побуждая ихъ вождей къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Тѣ же чувства испытывало и командованіе Дальневосточной бѣлой арміи, расквартированной, къ этому времени, въ Приморьѣ вдоль линіи Уссурійской жел. дор., начиная отъ ст. Гродеково (близко отъ Маньчжурской границы) до ст. Раздольное (въ 80 верстахъ къ западу отъ Владивостока). Эта армія состояла изъ двухъ, соперничавшихъ между собой, группъ; изъ которыхъ 1-ую составляли остатки арміи адмирала Колча-

ка, послѣ крушенія Омскаго правительства отступившихъ въ Забайкальѣ, а 2-ую — собственно Забайкальскія части, сформированныя атаманомъ Семеновымъ. Первая группа, по имени одного изъ вождей, генерала Каппеля, начавшаго борьбу еще на Волгѣ в 1918 г., и погибшаго во время великаго отступленія арміи, называлась «Каппелевцы», а вторая — «Семеновцы», по имени атамана Семенова, или «Гродековцы», по мѣсту расквартированія.

Армія, послѣ крушенія фронта въ Забайкальѣ, отступила въ Маньчжурію, гдѣ была разоружена китайцами и отправлена безъ задержки въ Приморье. Армія сохранила организацію и довольствовалась, сначала, на средства атамана Семенова. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ переворотомъ, командованію Каппелевской группы удалось получить поддержку изъ другихъ источниковъ, и эта группа фактически вышла изъ подчиненія атаману Семенову. Общій численный составъ арміи считался свыше 25.000 чел., причемъ бойцовъ было меньше 40%, а остальное — нестроевые, семьи и штабы. Моральное состояніе арміи было удовлетворительное, но матеріальное — очень плохое.

Въ настроеніяхъ русскаго населенія Приморья, въ особенности во Владивостокѣ и Никольскѣ-Уссурійскѣ, почва для сверженія коммунистическаго правительства была весьма благопріятна. Не прекращающійся финансовый кризисъ, задержка въ выплатѣ жалованія низшимъ служащимъ, произведенныя правительствомъ девальваціи денежныхъ знаковъ, раззорившія населеніе, застой въ промышленности и торговлѣ и, сопровождающая его безработица, — все это создало недовольство въ населеніи. Распродажа цѣнныхъ грузовъ правительствомъ по случайнымъ цѣнамъ, носившимъ характеръ расхищенія, была у всѣхъ на глазахъ, и т. к. получаемыя деньги не шли на оживленіе жизни Приморья и не улучшали положенія мелкихъ служащихъ и правительственныхъ рабочихъ, а отсылались въ центръ, то подобныя дѣйствія Приморскаго правительства трактовались въ обществѣ какъ предательство и преступленіе. Вѣсти изъ приграничныхъ раіоновъ Д. В. Р. свидѣтельствовали, что тамъ, не сдерживаемая интервентами рука коммунистической власти сжимала обывателя все больше и больше.

При отрицательной популярности, правительство не располагало и силой для устрашенія населенія и не могло производить массовыхъ экзекуцій, такъ хорошо служившихъ большевикамъ въ Россіи. Фактическая власть правительства чувствовалась только въ правительственныхъ учрежденіяхъ въ большихъ городахъ; чѣмъ дальше от центра, тѣмъ вліяніе власти сказывалось слабѣе. Какъ городское, такъ, въ особенности, сельское населеніе совершенно отвыкло платить налоги.

Въ низахъ городского населенія и у крестьянства, ненависть къ японцамъ-интервентамъ чувствовалась еще довольно сильно, но къ 1921 году она была уже гораздо слабѣе чѣмъ въ началѣ интервенціи. Многіе задумывались надъ тѣмъ, что было лучше: жить ли подъ охраной вѣжливыхъ, и мало кому мѣшающихъ японцевъ, или пріобщиться къ морю совѣтской нищеты, голода и насилія. Наиболѣе недовольными коммунистами являлся классъ служащей интеллигенціи и духовенства и мелкіе собственники. Эти слои населенія, составлявшіе массу городскихъ обывателей, полностью привѣтствовали сохраненіе интервенціи. Въ ихъ средѣ, еще съ 1920 г., начали образовываться многочисленныя мелкія политическія организаціи, открыто выставлявшія въ своихъ программахъ демократическіе лозунги. Втайнѣ, всѣ эти организаціи, конечно, лелѣяли мечту активной борьбы съ Совѣтской властью. Подобныя же антибольшевистскія организаціи, но болѣе открытаго и активнаго характера существовали въ Харбинѣ и въ русскихъ колоніяхъ въ Токіо и Шанхаѣ.

Всѣ эти организаціи, равно какъ и антибольшевистская пресса, страдали почти полнымъ отсутствіемъ средствъ, и подавляющее большинство ихъ, въ разное время и въ различномъ размѣрѣ, получало помощь отъ атамана Семенова, въ то время, еще сохранившаго значительныя денежныя средства. Необходимо указать, что, не всѣ деньги, расходовавшіяся на организацію движенія исходили отъ атамана Семенова, были и другіе, тоже русскіе, менѣе значительные, источники средствъ.

Итакъ, факторы, создавшіе обстановку, способствовавшую антибольшевистскому перевороту въ Приморьѣ въ 1921 году были слѣдующіе: 1. — Слабость и непопулярность коммунистической власти въ Приморьѣ и ея уклонъ въ сторону сліянія съ Д. В. Р., 2. — наличіе японскихъ войскъ и особаго военнаго соглашенія, создавшаго зону, свободную отъ проникновенія войскъ Д. В. Р. и ограничившаго вооруженныя силы коммунистовъ внутри этой зоны; 3. — Присутствіе «Гродековской» и «Каппелевской» группъ бѣлой арміи въ Приморьѣ, находившихся въ вынужденномъ бездѣльѣ на голодномъ пайкѣ, подъ угрозой назрѣвавшаго соглашенія Японіи съ большевиками; 4. — Двойственность поведенія японцевъ, дававшая вождямъ бѣлыхъ, съ одной стороны, надежду на поддержку въ случаѣ успѣха, съ другой стороны, пугавшая ихъ близостью соглашенія съ Совѣтской Россіей; 5. — Работа несоціалистической антибольшевистской общественности въ Приморьѣ, Харбинѣ и другихъ пунктахъ Дальняго Востока; 6. — работа атамана Семенова и его организаціи и средства, отпущенныя имъ на развитіе движенія.

2.

РОСТЪ ДВИЖЕНІЯ И ПЕРЕВОРОТЪ

Въ самомъ началѣ 1921 г., въ процессѣ объединенія антибольшевистскихъ организацій, у руководителей движенія возникла мысль созыва общаго съѣзда представителей этихъ организацій, гдѣ либо на Дальнемъ Востокѣ. Инициатива этого съѣзда шла изъ Харбина. Мысль встрѣтила всеобщее сочувствіе, тѣмъ болѣе, что проэктъ этотъ, повидимому, находилъ поддержку у японцевъ, сторонниковъ переворота. Предполагалось, что съѣздъ, продемонстрировавъ наличіе значительныхъ массъ населенія, несочувствующихъ большевикамъ, неизбѣжно придастъ всѣмъ дальнѣйшимъ событіямъ характеръ народнаго движенія и стремленія народа освободиться изъ подъ власти коммунистовъ. Много разногласій вызвало назначеніе мѣста созыва будущаго съѣзда, но, въ концѣ концовъ, пришли къ рѣшенію созвать съѣздъ во Владивостокѣ. Переговоры лидеровъ съ японцами выяснили, что японскія военныя власти склонны оказать нѣкоторую кооперацію, при условіи, что работа съѣзда будетъ носить чисто декларативный характеръ.

Въ началѣ Марта 1921 г. съѣздъ состоялся во Владивостокѣ. Прибыло около 300 делегатовъ, представителей нѣсколькихъ десятковъ мѣстныхъ, Харбинскихъ и заграничныхъ организацій. Засѣданія съѣзда происходили открыто, въ помѣщеніи Общедоступного театра въ центрѣ Свѣтланской улицы.

Съѣздъ принялъ наименованіе: «Съѣздъ представителей несоціалистическаго населенія Дальняго Востока». Всѣ резолюціи носили чисто деклараціонный характеръ и клонились, съ одной стороны, къ выявленію ошибокъ и преступленій коммунистической власти, а съ другой — обрисовывали исповѣдуемыя съѣздомъ основы желательной національной власти и ея возможную ближайшую программу.

Моральный эффектъ работы съѣзда среди населенія Приморья былъ огроменъ. Всѣ ждали разгона съѣзда большевиками, и наблюдая его безпрепятственную работу, постепенно приходили къ убѣжденію, что съѣздъ — это Власть, пришедшая на смѣну большевикамъ, и что прекратить работу съѣзда у послѣднихъ нѣтъ ни силъ, ни рѣшимости. Весь городъ заговорилъ о готовящемся переворотѣ. Между тѣмъ занятія съѣзда шли къ концу. Предстояли выборы совѣта съѣзда и роспускъ его. Моментъ для совершенія переворота былъ исключительно благопріятный.

Въ настроеніяхъ депутатовъ съѣзда и населенія, переворотъ былъ рѣшеннымъ дѣломъ, оставалось только воплотить его въ жизнь. Работа по накопленію силъ и пріобрѣтенію оружія для вооруженнаго выступленія велась верхами съѣзда уже давно. Было достигнуто и соглашеніе съ близстоящими частями Каппелевской группы, которыя должны были вступить въ городъ на поддержку возставшимъ.

Надо было рѣшаться на переворотъ. Между тѣмъ, японцы, до сихъ поръ способствовавшіе съѣзду, вдругъ стали непроницаемыми. Было ясно, что въ случаѣ успѣха переворота, они признаютъ фактъ его, въ случаѣ же какой нибудь затяжки, они оставятъ за собой свободу дѣйствій и, возможно, выдадутъ участниковъ переворота большевикамъ. Это угрожало не только излишними жертвами, но могло свести работу съѣзда къ значенію неудавшейся авантюры.

Въ концѣ концовъ, была выдѣлена группа изъ трехъ членовъ съѣзда съ Н. Д. Меркуловымъ во главѣ, которая должна была, въ случаѣ удачи, временно присвоить себѣ власть, прикрываясь наименованіемъ «Народно-Революціонный Комитетъ», а затѣмъ, по очищенію города отъ красныхъ, передать власть съѣзду.

Техническая сторона переворота была поручена генеральнаго штаба генералу-майору Д. А. Лебедеву. Оружія еще не было, но, обѣщаніе доставить его въ нужный моментъ было категорическое.

Переворотъ был назначенъ въ ночь съ 30 на 31 Марта, съ разсчетомъ застать красныхъ врасплохъ, но красные что-то узнали и, вечеромъ 30-го, ими было арестовано нѣсколько членовъ съѣзда съ ген.-лейт. Лохвицкимъ во главѣ.

Приказъ о выступленіи былъ уже разосланъ всѣмъ отрядамъ, когда вдругъ стало извѣстно, что получить оружіе не удастся. Была послана отмѣна, которая достигла всѣхъ, кромѣ отряда полковника Глудкина, который двинулся на городъ и успѣлъ занять около половины его. Однако никѣмъ не поддерживаемый и слабо вооруженный, отрядъ, дойдя до центра, встрѣтилъ сопротивленіе и началъ отступать. Тогда вмѣшались японцы и, окруживъ его, заставили разоружиться. Къ разсвѣту, отрядъ, подъ охраной японцевъ, ушелъ изъ Владивостока и городъ успокоился.

Днемъ было засѣданіе съѣзда, причемъ была вынесена резолюція о недопустимости для несоціалистовъ выступать съ оружіемъ въ рукахъ и всему инциденту былъ приданъ характеръ дѣйствія безотвѣтственной группы, стремившейся освободить арестованныхъ и ген. Лохвицкаго, которые, дѣйствительно, были освобождены возставшими.

Черезъ нѣсколько дней съѣздъ выбралъ Совѣтъ Съѣзда, утвердилъ наказъ ему и «самораспустился».

Въ Совѣтъ Съѣзда было выбрано 5 лицъ, а именно: оба брата Меркулова, Еремѣевъ, Макаревичъ и Андерсонъ. Наказъ предоставлялъ Совѣту управленіе несоціалистическимъ населеніемъ Дальняго Востока въ вопросахъ веденія борьбы съ Совѣтской властью, причемъ въ наказѣ говорилось, что борьба эта должна вестись легальными способами.

Весь Апрѣль и Май прошли у Совѣта въ тяжелыхъ усиліяхъ, направленныхъ къ добыванію средствъ для устройства переворота. Пока шли приготовленія, напряженная атмосфера разрядилась и переворотъ вышелъ самъ собой. Большевики начали арестовывать на улицахъ лицъ, подозрѣваемыхъ ими въ принадлежности къ тайнымъ отрядамъ, и, 24-го Мая, попытка чекистовъ арестовать нѣсколько Каппелевцевъ въ Никольскѣ-Уссурійскомъ, кончилась всеобщимъ побоищемъ, въ результатѣ котораго Каппелевцы одержали верхъ. Милиція города, опасаясь расправы, сама сдала оружіе въ штабъ Каппелевской группы. Городъ оказался во власти бѣлыхъ. Штабъ Каппелевской группы объявилъ населенію о сверженіи власти большевиковъ. Извѣстіе, немедленно, распространилось по всей линіи Уссурійской жел. дор., и черезъ нѣсколько часовъ: Спасскъ, Гродеково и Раздольное, были въ рукахъ бѣлыхъ. Сопротивленія не было. Японцы держались въ сторонѣ. Фактически, подъ властью большевиковъ остался одинъ Владивостокъ.

26-го Мая, бѣлые рѣшились на переворотъ во Владивостокѣ. Въ 10 ч. утра, на Свѣтланской улицѣ, толпа невооруженныхъ Каппелевцевъ напала на конвой, ведшій арестованныхъ, и освободила ихъ. Этимъ былъ данъ сигналъ. Руководимыя организованными отрядами, толпы бросились на Штабъ Команд. войсками и разгромили его. Одновременно было занято зданіе Правительства. У управленія «Госполитохраны» толпа встрѣтила сопротивленіе, но, въ ходъ было пущено оружіе и ручныя гранаты и, зданіе было занято, причемъ чекисты-защитники были уничтожены. Въ это время, возставшіе получили подкрѣпленіе: со стороны моря, на баржѣ, буксируемой катеромъ, показался дессантный отрядъ, подъ командой кап. 2 ранга Соловьева. Этотъ отрядъ, составленный, большей частью, изъ чиновъ флота, былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ съ судовъ, но, все же, несмотря на потери, высадился у памятника Невельского и ворвался въ портъ. Вскорѣ были захвачены всѣ корабли, стоявшіе у стѣнки, и раіонъ порта, примыкавшій къ Портовой конторѣ. Послѣдняя переходила изъ рукъ въ руки.

Вся главная часть города, вокзалъ, телеграфъ, почта, правительственныя учрежденія, Государственный Банкъ, Городская Управа, Штабъ войскъ и проч., были уже въ рукахъ бѣлыхъ. Однако, у красныхъ оставался еще отлично вооруженный дивизіонъ Народной Охраны, который повелъ наступленіе на центръ города, но былъ остановленъ огнемъ возставшихъ. Въ этотъ моментъ вмѣшались японцы. Знаменитое соглашеніе въ апрѣлѣ 1921 г. сыграло свою роль въ пользу бѣлыхъ. Наступленіе дивизіона Народной Охраны было остановлено японцами.

Переворотъ совершился. Народно-Революціонный Комитетъ объявилъ о наступившемъ успокоеніи и о передачѣ имъ власти Совѣту Съѣзда. Совѣтъ образовалъ изъ себя Директорію изъ пяти лицъ, присвоившую себѣ наименованіе: «Временное Пріамурское Правительство».

Черезъ два дня, въ городѣ наступило полное спокойствіе. Командующимъ войсками и флотомъ былъ назначенъ ген. лейт. Вержбицкій, а командующимъ Сибирской флотиліей — кап. 2. р. Соловьевъ.

3.

СИБИРСКАЯ ФЛОТИЛІЯ ПОСЛѢ ПЕРЕВОРОТА

Новая власть получила отъ большевиковъ исключительно печальное наслѣдіе. Казна была пуста въ буквальномъ смыслѣ слова, войско безоружено, раздѣто и безъ всякихъ запасовъ провіанта, флотилія въ безпомощномъ состояніи, ввиду истрепаннаго состоянія кораблей и отсутствія денежныхъ средствъ, матеріаловъ для ремонта и истощенія запасовъ порта. Вооруженіе флотиліи составляло нѣсколько винтовокъ и два-три пулемета. Офицерскій составъ былъ малочисленъ, а составъ матросовъ недостаточно надеженъ. Грузы, составлявшіе богатство предшествовавшаго правительства были, въ значительной степени, распроданы, а все цѣнное, либо уже исчезло, или находилось подъ охраной японцевъ.

Въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за переворотомъ, составъ и состояніе Сибирской флотиліи, находившейся подъ командованіемъ кап. 2 р. Соловьева, были слѣдующіе: судовой составъ — транспорты «Магнитъ», «Батарея», «Свирь», «Улиссъ» — въ кампаніи. «Улиссъ» находился въ чартерѣ у частного лица. Въ порту стояли: кан. лод. «Манджуръ», трансп. «Охотскъ», 2 тральщика, ледоколы: «Байкалъ» и «Надежный», трансп. «Камчадалъ», миноносцы «Бойкій», «Бравый», «Бодрый», «Безпощадный», «Грозный», «Точный», «Твердый», «Инж. Мех. Анастасовъ»,

«Скорый», «Смѣлый», «Статный», «Сердитый», «Тревожный» и «Лейт. Малѣевъ». Изъ этихъ кораблей «Охотскъ», тральщики и ледоколы могли, послѣ болѣе или менѣе значительнаго ремонта, быть приготовлены къ плаванію. Нѣкоторые изъ миноносцевъ могли вступить въ строй только послѣ капитальнаго ремонта, прочіе корабли и миноносцы были испорчены и запущены до полной негодности къ службѣ. Кромѣ этихъ кораблей, посыльное судно «Адмиралъ Завойко» находился, подъ командой лейтенанта Клюссъ, въ распоряженіи большевистскихъ комиссаровъ, въ плаваніи у береговъ Камчатки, «Діомидъ», подъ командой лейт. Бутовичъ, въ бухтѣ Св. Ольги и «Патроклъ», подъ командой кап. 2 р. Харина — въ Нагасаки, въ распоряженіи атамана Семенова, дававшаго средства на содержаніе корабля.

Изъ этихъ кораблей, «Завойко» ушелъ съ красными въ Шанхай, гдѣ оставался все время подъ флагомъ Дальневосточной республики, «Діомидъ», по желанію командира, сочувствовавшаго большевикамъ, остался въ бухтѣ Св. Ольги въ распоряженіи красныхъ, а «Патроклъ» — пришелъ во Владивостокъ.

Изъ 18 катеровъ, принадлежавшихъ порту и другимъ учрежденіямъ морского вѣдомства, въ плаваніи находились три: — «Павелъ 5», «Амуръ» и «Голубокъ».

Кромѣ кораблей и порта въ подчиненіи Командующего Сибирской флотиліей находились слѣдующія учрежденія Морского Вѣдомства: Морской Госпиталь, Гидрографическая Экспедиція Тихаго Океана, Морская Обсерваторія и Служба связи. Всѣ эти учрежденія влачили жалкое существованіе. Еще при коммунистическомъ правительствѣ имъ отпускался лишь минимумъ, необходимый для поддержанія личнаго состава, причемъ штаты были сокращены до послѣдней возможности. Зданія не ремонтировались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Начатыя работы такъ и остались незаконченными. Расхищенное имущество не пополнялось. Въ особенно плачевномъ состояніи находилась Служба Связи, единственная мощная радіо-станція которой была захвачена японцами и обслуживалась ихъ радіотелеграфистами. Фактически, Служба Связи способна была обслуживать только телефонную связь въ раіонѣ Владивостокскаго порта.

Личный составъ флотиліи, послѣ переворота, вызвавшаго бѣгство комиссаровъ и сочувствующихъ имъ матросовъ, состоялъ изъ трехъ, различныхъ по настроенію, группъ.

1. Дессанта, участвовавшаго въ боевыхъ дѣйствіяхъ во время переворота. Эта часть, къ которой принадлежал и Пр. Командующій флотиліей, кап. 2 р. Соловьевъ, состояла изъ офицеровъ, не служившихъ во флотиліи при коммунистахъ, или покинувшихъ службу до переворота. Всѣ они были «Семеновской» оріентаціи.

Къ составу этой группы принадлежалъ и кап. 1 р. Подъяпольскій, занимавшій должность Директора Маяковъ и Лоцій Тихаго Океана,и приглашенный на должность Начальника Штаба Командующаго флотиліей, кап. 2 р. Соловьевымъ.

2. Офицеровъ и младшихъ чиновъ, служившихъ при правительствѣ коммунистовъ, въ силу необходимости, и, несшихъ службу по спеціальности, стараясь сохранить для будущей Россіи подвѣдомственное имъ имущество. Они терпѣлись большевиками по необходимости. Въ политическомъ отношеніи они всѣ были антибольшевиками, но, ни одна изъ создавшихся послѣ переворота въ національномъ лагерѣ организацій не обладала, въ ихъ глазахъ, безспорнымъ преимуществомъ передъ другой. Къ составу этой группы принадлежали: Капитанъ надъ Портомъ, инженеръ полковникъ А. И. Яронъ и нѣкоторые его помощники, очень немногіе изъ числа чиновъ береговыхъ учрежденій Морского Вѣдомства, нѣкоторые командиры и офицеры плавающаго состава.

3. Третью группу составляли люди самыхъ различныхъ и шаткихъ политическихъ убѣжденій, готовыхъ служить при всякомъ правительствѣ, лишь бы ихъ не трогали съ насиженныхъ мѣстъ, и старавшихся извлекать изъ своего положенія наибольшее количество выгодъ и удобствъ. Такіе люди, имѣвшіеся, къ несчастью, и въ средѣ старшихъ чиновъ Морского Вѣдомства, составляли большинство служащихъ береговыхъ учрежденій. За недостаткомъ людей, знакомыхъ съ ихъ спеціальностью, всѣ правительства по очереди терпѣли ихъ. Приходилось терпѣть и намъ. Среди нихъ были и тайные большевики, стремившіеся вредить гдѣ и чѣмъ можно было. Къ составу этой группы, я отношу, бывшаго Командующаго флотиліей, контр-адмирала Черниловскаго-Сокола, начальника его Штаба, кап. 1 р. С. Ф. Тыртова (оба были отстранены отъ должности, но оставались на свободѣ), флагм. артил. лейт. Г. М. Михайлова, инж. мех. кап. 2 р. Бруятскаго, завѣдующаго Обсерваторіей, Владимірскаго и др

Такая разнородность личнаго состава затрудняла работу новаго Командующаго флотиліей. Будучи самъ извѣстенъ какъ принадлежавшій къ Семеновской группѣ, онъ былъ назначенъ на свой постъ, какъ бы въ награду, за участіе въ переворотѣ. Но, въ дальнейшемъ, при развитіи конфликта Правительства съ атаманомъ Семеновымъ, и особенно, послѣ прихода «Патрокла», правительство и сухопутное командованіе начали считать, что флотилія, въ лицѣ ея командованія, находится въ станѣ политическихъ противниковъ, почему, кап. 2 р. Соловьеву было очень трудно защищать подчиненную ему часть отъ оскорбительныхъ вторженій въ дѣла флотиліи со стороны начальника гарнизона и другихъ властей. Правительство распростерло свое недовѣріе до та-

кихъ размѣровъ, что, незадолго до моего пріѣзда, прекратило отпускъ кредитовъ на Морское Вѣдомство и назначило особаго «инспектора» флота, въ лицѣ сомнительной репутаціи, капитана дальняго плаванія, Беделя, который, повидимому, долженъ былъ явиться чѣмъ то вродѣ, «комиссара» отъ Правительства при командующемъ. Правда, его ни въ одно учрежденіе Мор. Вѣд. не пустили.

Офицеровъ, не принадлежавшихъ ни къ какой изъ враждовавшихъ оріентацій, раздражало присутствіе во главѣ флотиліи лицъ ярко «семеновской оріентаціи», раздражало и предпочтеніе, оказываемое во флотѣ семеновцамъ. Такъ, Атаманомъ были произведены: въ контръ-адмиралы: кап. 1 р. Безуаръ «состоящій при Атаманѣ», кап. 1 р. Подъяпольскій; въ кап. 1 ранга: кап. 2 р. Соловьевъ и Харинъ, въ кап. 2 р. стар. лейт. Гарковенко и лейт. Чухнинъ.

При такомъ настроеніи умовъ во флотиліи и при такомъ отношеніи къ ней высшихъ властей, Штабъ флотиліи не въ силахъ былъ приступить къ широкой организаціонной работѣ. Дѣятельность Морского Командованія, за это время, свелась къ охранѣ рейда, для чего былъ назначенъ Нач. Охраны и на рейдъ были выставлены на бочкахъ миноносцы «Инж. Мех. Анастасовъ» и «Твердый», укомплектованные чинами дессантнаго отряда, для охраны судовъ отъ увода или порчи ихъ большевиками, и было приступлено къ пополненію личнаго состава путемъ набора добровольцевъ. Служба, единственнаго укомплектованнаго и вооруженнаго пос. судна «Патроклъ», сводилась только къ охранѣ парохода «Кіодо-Мару» и особы атам. Семенова. Въ похвалу тогдашнихъ старшихъ чиновъ флота, необходимо отмѣтить, что несмотря на острыя разногласія, царившія въ средѣ личнаго состава, никакихъ столкновеній не было.

Правительство находило состояніе флотиліи неудовлетворительнымъ и, по совѣту сухопутнаго командованія, хорошо знавшаго меня со времени моего командованія дивизіей Морскихъ стрѣлковъ на фронтѣ въ Сибири, рѣшило пригласить меня на должность Командующаго.

Я получилъ телеграммы Предсѣдателя Правительства и генерала Вержбицкаго въ Харбинѣ, гдѣ я находился на частной службѣ. Отдавая себе полный отчетъ во всей сложности обстановки во Владивостокѣ, и всей тяжести работы, которую мнѣ предстояло взять на себя, я вмѣстѣ съ тѣмъ, не считалъ себя вправѣ отвѣтить отказомъ на призывъ единственнаго существовавшаго тогда Національнаго Правительства и выѣхалъ во Владивостокъ. 17-го Іюня я прибылъ во Владивостокъ и 18-го Іюня,

во исполненіе приказа Вр. Пріамурскаго Прав-ва, отъ того же числа за № 27, вступилъ въ командованіе Сибирской флотиліей.

Первой задачей, которую я себѣ поставилъ, было достигнуть единомыслія въ средѣ старшихъ изъ моихъ подчиненныхъ, устранить элементъ политической борьбы, препятствовавшій работѣ по приведенію въ порядокъ флотиліи и заставить всѣхъ перейти къ спокойной работѣ по своей спеціальности. То обстоятельство, что большинство старшихъ офицеровъ флота, находившихся во Владивостокѣ, были знакомы мнѣ или какъ сослуживцы, или какъ подчиненные за время германской и гражданскихъ войнъ, значительно облегчало задачу. Приглашенный мною, контръ-адмиралъ Безуаръ, состоявшій при атаманѣ Семеновѣ и начальствовавшій надъ его морской охраной, въ которую входили п/с. «Патроклъ» и м-цы «Твердый» и «Анастасовъ», изъявилъ готовность полностью подчиниться мнѣ, какъ Командующему флотиліей. Послѣ этого, мною былъ произведенъ смотръ всѣмъ кораблямъ флотиліи и объявлено приказомъ объ обязательности ношенія военной формы съ погонами для офицеровъ при исполненіи службы. Ввиду того, что конфликтъ между атаманомъ Семеновымъ и Правительствомъ продолжался, и, дабы, не допустить разногласій въ средѣ офицеровъ флота въ будущемъ, я, опираясь на ст. 63 Морского Устава созвалъ Военный Совѣтъ, пригласивъ въ него офицеровъ по своему выбору, изъ числа находившихся во Владивостокѣ. 28-го Іюня, Военный Совѣтъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, въ составѣ' контръ-адмиралъ В. И. Подъпольскій, контръ-адмиралъ В. В. Безуаръ, инж. мех. ген.-маіоръ А. И. Ухлинъ, военный инженеръ-полковникъ А. И. Яронъ, капитанъ 1 ранга А. Н. Пелль, капитанъ 1 ранга Н. Ю. Фоминъ, капитанъ 1 ранга Н. С. Харинъ, стар. лейт. Г. С. Серебренниковъ, вынесли слѣдующее постановленіе:

1. Флотъ долженъ считать, что единственнымъ врагомъ Россійскаго Государства въ данный моментъ, являются коммунисты. Посему всѣ, находящіяся въ краѣ національныя силы должны быть направлены на борьбу съ ними.

2. Всѣ разногласія, происходящія в средѣ военно-сухопутнаго командованія, и, между лицами гражданскаго управленія, способствуютъ возвращенію власти коммунистовъ и могутъ повлечь за собой, хотя бы временную, потерю края для Росіи. Поэтому, разногласія эти ни въ коемъ случаѣ не должны отражаться на флотѣ, который, въ междуусобныхъ дѣйствіяхъ, не долженъ принимать никакого участія, сохраняя во внутреннемъ строѣ своемъ полную независимость, памятуя, что всѣ чины Флота и Морского Вѣдомства служатъ дѣлу Единой Россіи и несутъ передъ ней всю

полноту отвѣтственности за честь Андреевскагэ флага и ввѣренное имъ имущество.

3. Флотъ, въ цѣломъ, подчиняется Военному Командованію, которое выкажетъ способность объединить всѣ національныя вооруженныя силы Края и будетъ признано Краевымъ Правительствомъ, опирающимся на Народное Собраніе.

4. Въ настоящій моментъ, всѣ чины Флота и Морского Вѣдомства на Дальнемъ Востокѣ, должны подчиниться, исключительно Командующему флотиліей, контръ-адмиралу Ю. К. Старкъ въ порядкѣ служебной подчиненности и исполнять всѣ его распоряженія безпрекословно.

5. Имущество Морского Вѣдомства во Владивостокѣ надлежитъ разсматривать, какъ принадлежность Всероссійскаго флота и потому реализація этого имущества должна производиться съ крайней осмотрительностью, лишь съ вѣдома и согласія Командующаго флотиліей, и, суммы отъ сего, употребляться только на поддержаніе и дальнѣйшее сохраненіе дѣйствующаго имущества и судовъ Морского Вѣдомства.

Слѣдуют подписи.

Утвердивъ это постановленіе, я отдалъ по флотиліи приказъ, отъ 1-го Іюля 1921 г. за № 120, въ которомъ указалъ, что на флотѣ, находящемся на Русскомъ Дальнемъ Востокѣ лежатъ передъ будущей Россией задачи величайшей отвѣтственности и, работа по выполненію этихъ задачъ, не можетъ быть остановлена безъ ущерба для насущныхъ интересовъ Родины. Законченъ этотъ приказъ былъ требованіемъ отъ всѣхъ чиновъ Флота и Морского Вѣдомства полнаго подчиненія, забвенія личныхъ интересовъ и спокойной и дружной работы на общее благо.

Эти мѣропріятія вывели флотилію съ арены политической распри и позволили заниматься текущей работой.

4.

Въ началѣ Іюля, атаманъ Семеновъ, не добившись никакого соглашенія съ Правительством, тайно высадился на берегу Амурскаго залива и прослѣдовалъ въ Гродеково къ своимъ частямъ. Однако, разсчеты атамана Семенова на полученіе денегъ не оправдались, и не имѣя больше возможности содержать свой штабъ и войска, онъ вынужденъ былъ уѣхать заграницу, оставивъ гродековскую группу на произволъ судьбы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ войска Гродековской группы вошли въ составъ арміи Пріамурскаго Пр-ва. Послѣ отъѣзда атамана Семенова, Правительство осталось полнымъ хозяиномъ края.

Сибирская флотилія, какъ выше упоминалась, входила въ составъ Военно-Морского Вѣдомства, управляющимъ котораго былъ Командующій войсками, ген. лейт. Г. А. Вержбицкій. Въ вѣдомствѣ имѣлся Начальникъ снабженія арміи и флота, который считался прямымъ начальникомъ Капитана надъ Владивостокскимъ портомъ. Это обстоятельство создавало много излишнихъ треній, т. к. начальство арміи, терпѣвшее недостатокъ во всемъ, не понимая, по отсутствію техническихъ знаній, нуждъ флота, стремилось урѣзать его потребности, забывая, что при отсутствіи необходимаго минимума средствъ, матеріальная часть флотиліи, въ видѣ ея кораблей, можетъ превратиться въ груду испорченнаго желѣза.

Съ теченіемъ времени, участіе начальника снабженія въ вопросахъ снабженія флотиліи свелось лишь къ пропорціональному дѣленію между арміей и флотомъ ежедневныхъ ассигнованій на вооруженныя силы ,отпускавшихся Правительствомъ. Эти суммы дѣлились пропорціонально количеству ртовъ. Если такой порядокъ могъ удовлетворить армію, то, для флотиліи, эта пропорція являлась совершенно несправедливой, ибо, на содержаніе матеріальной части и кораблей, составлявшее крупный процентъ въ расходахъ флотиліи, не оставалось ничего: Но дѣлать было нечего, приходилось мириться. Ввиду полнаго отсутствія запасовъ угля и смазочныхъ матеріаловъ въ порту, уголь и масло для выхода какого либо корабля в море покупалось отдѣльно на средства, каждый разъ испрашиваемыя у Правительства, причемъ, не всегда такія средства находились и, сплошь и рядомъ, важныя по замыслу операціи откладывались на мѣсяцы.

Ремонтъ кораблей плавающихъ и подготовляемыхъ къ плаванію производился двумя способами. Важнѣйшія работы по ремонту машинъ, корпусовъ и доковыя работы передавались Дальневосточному Механическому заводу, мелкій же ремонтъ выполнялся, частью судовыми средствами, частью средствами организованной моимъ распоряженіемъ ремонтной мастерской флотиліи. Эта же мастерская выполняла работы по установкѣ на суда орудій. Ввиду того, что расплата по счетамъ за ремонтъ кораблей производилась Правительствомъ нерегулярно, и не всегда въ полномъ размѣрѣ, ремонтъ судовъ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, за все время моего командованія, несмотря на то, что работы требовались только въ случаяхъ вопіющей необходимости. Также обстояло дѣло съ окраской судовъ и со всѣми расходными матеріалами, до флаговъ включительно.

Вооруженіе кораблей, за исключеніемъ «Патрокла», въ моментъ моего вступленія въ командованіе, отсутствовало. Артиллерійское вооруженіе, главнымъ образомъ 75 мм. и автоматическія

противоаэропланныя 40 мм. орудія имѣлись въ порту въ небольшомъ количествѣ, на учетѣ у японцевъ, но безъ караула. Замки отъ нихъ, и весь боевой запасъ находились въ Минномъ городкѣ подъ карауломъ у японцевъ. Прежде всего было приступлено къ установкѣ орудій на суда. На каждый изъ кораблей типа «Патроклъ» и «Батарея», въ теченіи кампаніи 1921 года было установлено по одному 75 мм. и по одному или по два 40 мм. орудію. Японцы смотрѣли на это сквозь пальцы, т. к. пушки не имѣли замковъ и боевого запаса.

Затѣмъ, при посредствѣ чиновъ арміи, имѣвшихъ сношенія съ японскими сухопутными офицерами, завѣдывавшими охраной боевого имущества, и платившимъ японцамъ крупныя взятки за выдачу оружія для арміи, удалось достать нѣсколько замковъ и по нѣсколько десятковъ снарядовъ на орудіе. Японское морское командованіе неоффиціально знало объ этомъ, но смотрѣло сквозь пальцы.

Винтовки, и небольшой запасъ патроновъ къ нимъ, были получены отъ японскаго морского командованія подъ предлогомъ необходимости вооруженія морской милиціи, что не противорѣчило пресловутому соглашенію. Такимъ образомъ, уже къ осени 1921 года, корабли имѣли кое-какое вооруженіе и по нѣсколько винтовокъ на каждомъ.

Также трудно въ началѣ обстояло дѣло съ комплектованіемъ флотиліи личнымъ составомъ.

Береговыя учрежденія флотиліи, а именно: Морской Госпиталь, Морская Обсерваторія, Дирекція Маяковъ и Лоцій, Гидрографическая Экспедиція и Портъ, а также ледоколы и портовыя суда и плавучія средства, укомплектованные вольнонаемнымъ личнымъ составомъ, были въ комплектѣ, но военные корабли имѣли очень малочисленный составъ офицеровъ и матросовъ-спеціалистовъ, и остальной составъ матросовъ, набранный изъ добровольцевъ, ранѣе не служившихъ на флотѣ, и потому обучавшихся уже на судахъ, во время плаванія.

Исключеніе составлялъ п/с. «Патроклъ», на которомъ былъ сравнительно хорошій составъ команды.

Ввиду того, что много команды и вольнонаемныхъ порта, служившихъ при коммунистахъ, осталось на службѣ во флотиліи, большевистское вліяніе, иногда давало себя чувствовать. Такъ, 8-го Іюля, ночью, по небрежности завѣдывающаго плавучими средстами порта, кап. 2 р. Эндена, и, при полной пассивности вольнонаемной команды, портовые катера «Павелъ 5» и «Амуръ» были уведены изъ порта коммунистами и ушли в бухту Св. Ольги. Кап. 2 р. Энденъ былъ мною уволенъ отъ службы.

Мнѣ удалось убѣдить Правительство и Командующаго Войсками въ необходимости организовать при моемъ Штабѣ отдѣленіе морской контръ-развѣдки. Эта работа была мною поручена штабсъ-капитану по адмиралтейству Федуленко, благодаря энергіи коего и тому, что средства въ испрошенномъ размѣрѣ отпускались регулярно, дѣло контръ-развѣдки во флотиліи было поставлено хорошо, и, въ ближайшіе же дни, дало свои результаты.

12-го Іюля большевиками проэктировался уводъ транспорта «Батарея», но дѣло было своевременно раскрыто и попытка не удалась. Командиръ «Батареи», стар. лейт. Веньяминовъ, за проявленную небрежность и попустительство былъ мною уволенъ со службы, 5 матросовъ команды транспорта арестованы за участіе въ заговорѣ и преданы суду, остальная команда частью расписана по другимъ судамъ, частью уволена.

Еще ранѣе, а именно 28-го Іюня, дабы обезпечить спокойствіе въ раіонѣ порта, изобиловавшаго, благодаря близости Дальневосточнаго завода, большевистскимъ элементомъ, я, съ разрѣшенія Командующаго Войсками приступилъ къ формированію, изъ добровольцевъ, Отдѣльной Роты Морскихъ Стрѣлковъ, составомъ въ 217 человѣкъ. Кромѣ прямого назначенія охраны раіона порта, рота имѣла задачами: 1) — выполненіе небольшихъ дессантныхъ операцій на побережьи въ раіонахъ дѣйствія красныхъ партизанъ и, 2) — охрану судовъ Добровольнаго флота во время ихъ рейсовъ вдоль побережья.

Командиромъ роты былъ назначенъ полковникъ Цимбаловъ, извѣстный мнѣ еще по дивизіи Морскихъ Стрѣлковъ въ 1919-1920 гг., когда онъ командовалъ 3-мъ полкомъ дивизіи.

Къ концу Октября рота представляла собой вполнѣ укомплектованную боевую часть, и, впослѣдствіи, вполнѣ оправдала свое назначеніе. Бывшая до того вольнонаемная портовая милиція была упразднена.

23-го Сентября личный составъ флотиліи неожиданно получилъ довольно многочисленное и хорошее по своему составу пополненіе. Во Владивостокъ прибылъ пароходъ «Францъ-Фердинандъ», привезшій изъ Мессопотаміи интернированныхъ тамъ русскихъ бѣженцевъ, среди которыхъ находился личный составъ Каспійской Флотиліи подъ командой кап. 1 р. Б. М. Пышнова, числомъ около 80 офицеровъ и свыше 200 матросовъ всѣхъ спеціальностей.

Этотъ отрядъ, отступившій черезъ Энзели и Персію въ Мессопотамію, послѣ крушенія Южно-Русскаго правительства генерала Врангеля былъ принятъ англичанами и содержался на положеніи интернированныхъ въ мѣстечкѣ Танумъ, вблизи порта Бас-

ры. Въ Августѣ 1921 г. англичане, воспользовавшись возможностью отправить ихъ въ Россію, въ раіонъ не подвластный краснымъ, посадили весь отрядъ на транспортъ «Францъ-Фердинандъ» и доставили во Владивостокъ.

Съ прибытіемъ «Мессопотамцевъ», боеспособность флотиліи значительно повысилась, не только въ смыслѣ повышенія уровня техническихъ знаній въ средѣ личнаго состава, но и въ политическомъ отношеніи. Люди этого отряда, изъ которыхъ часть были участниками похода генерала Корнилова, — всѣ воспитанные въ ненависти къ большевикамъ, были въ то же время чужды приморскихъ спесифическихъ оріентацій и потому, не раздираемые никакими внутренними интригами политическаго характера, внесли съ собой то дружное настроеніе, которое всегда необходимо для дружной работы.

Прибытіе съ ними нѣсколькихъ молодыхъ штабъ-офицеровъ и лейтенантовъ, позволило мнѣ произвести замѣну нѣкоторыхъ чиновъ моего Штаба и командировъ кораблей. Временно исп. обяз. моего Начальника Штаба и Флагъ-Капитана по распорядительной части я назначилъ вновь прибывшаго кап. 2 р. А. П. Ваксмутъ, вмѣсто контръ-адмирала Подъяпольскаго, который остался лишь въ должности Директора Маяковъ и Лоцій Тихаго Океана; кап. 2 р. Гарковенко былъ назначенъ Флагъ-капитаномъ по Оперативной части, вмѣсто уволеннаго отъ службы лейт. Прозорова; кап. 2 р. С. Ильвовъ, лейт. И. Тихомировъ и ст. лейт. М. Сафоновъ были назначены командирами миноносцевъ: первый — «Твердаго», второй — «Инж. Мех. Анастасова» и третій — эск. мин. «Бойкаго». Стар. лейт. Буцкой былъ назначенъ командиромъ, переведеннаго изъ Военнаго Вѣдомства въ составъ флотиліи, п/с. «Илья Муромецъ».

Штабъ полностью былъ переведенъ изъ помѣщенія Портовой Конторы на кан. лодку «Манджуръ», стоявшую у стѣнки, у Клубной пристани, чѣмъ была достигнута болѣе близкая къ морскому порядку обстановка и, кромѣ того, получилась возможность болѣе интенсивной работы Штаба и нормальная вахтенная и караульная служба флагманскаго корабля.

Была учреждена должность Флагманскаго Интенданта флотиліи, на каковую былъ назначенъ стар. лейт. В. Гинтеръ. Плавучія средства порта, укомплектованныя раньше вольнонаемнымъ личнымъ составомъ, были замѣнены военнослужащими изъ числа прибывшихъ на «Францъ-Фердинандѣ». Завѣдующимъ плавучими средствами былъ назначенъ кап. 1 р. Пышновъ, который и оставался въ этой должности до конца нашего пребыванія во Владивостокѣ.

Чтобы закончить докладъ о состоянiи флотилiи за этотъ первый перiодъ ея существованiя, необходимо указать на характеръ и размѣры довольствiя ея личнаго состава.

Личный составъ дѣлился на двѣ части: вольнонаемный и военнообязанный. Первая часть, по закону, должна была получать только жалованiе по ставкамъ отдѣла труда, т. е. исходя изъ прожиточнаго минимума. Вторая часть, военнообязанные, должны были получать жалованiе въ минимальномъ размѣрѣ — (отъ 100 руб. зол. — Командующiй, и до 3 руб. зол. — матросъ 2-й статьи), обмундированiе, и матросы, кромѣ того, пищевой паекъ.

Фактически, начиная съ 1-го Августа 1921 г. Правительство оказалось не въ состоянiи регулярно платить жалованiе, поэтому военнообязаннымъ оно было прекращено совсѣмъ и офицеры и семьи были переведены на матросскiй пищевой паекъ съ вычетомъ его изъ содержанiя, буде оно когда нибудь получится. Жалованiе вольнонаемнымъ платилось съ большими задержками и они, буквально, иногда бѣдствовали.

Обмундированiе матросамъ выдавалось только постольку, чтобы они не были раздѣты. Общее состоянiе обмундированiя было настолько неудовлетворительно, что иногда корабль не могъ выйти въ море изъ за отсутствiя сапогъ и одежды у команды, и приходилось, чтобы все-таки выслать его въ походъ, срочно изыскивать средства на обмундированiе команды. Лучше обстояло дѣло на корабляхъ, посылавшихся въ дальнiе походы, напр., на Камчатку или въ Охотское море, когда удавалось добиваться выдачи средствъ на снабженiе людей одеждой и даже на выдачу имъ жалованiя за время похода.

Квартирный вопросъ былъ также довольно острымъ во флотилiи, но, благодаря крайнему уплотненiю въ квартирахъ удалось разрѣшить его такъ, что всѣ семейные офицеры и матросы имѣли кровъ.

Въ заключенiе, не могу не охарактеризовать существованiе личнаго состава флотилiи какъ въ это время, такъ и впослѣдствiи иначе, какъ назвавъ его полунищенскимъ, полуголоднымъ; особенно это относилось до тѣхъ, кто не былъ кореннымъ жителемъ Владивостока и не сохранилъ, поэтому, при себѣ имущества, нажитаго въ дореволюцiонное время.

Между тѣмъ, моральное состоянiе чиновъ флотилiи въ массѣ можно было считать удовлетворительнымъ съ самаго начала, и, впослѣдствiи, во время пребыванiя въ Россiйскихъ водахъ, оно постоянно обнаруживало тенденцiю къ повышенiю.

Въ этотъ порiодъ, т. е. до конца Октября, армiя оставалась расквартированной вдоль линiи Уссурiйской жел. дор., и въ большихъ городахъ и поселкахъ внутри зоны оккупацiи японцевъ.

Винтовки по числу бойцовъ, аммуниція, очень небольшое число пулеметовъ, нѣсколько полевыхъ орудій было вскорѣ получено отъ японцевъ подъ разными предлогами, главнымъ образомъ для вооруженія милиціи. Снарядовъ и, особенно, ружейныхъ патроновъ, всегда было очень мало.

Постоянные набѣги партизановъ въ раіоны близкіе къ расположенію частей арміи, побуждали сухопутныхъ начальниковъ предпринимать небольшія карательныя экспедиціи, не приводившія къ ощутительнымъ результатамъ, т. к. въ большинствѣ случаевъ партизаны, при хорошемъ знаніи ими мѣстности и при пассивности населенія оставались неуловимы.

Въ тотъ же періодъ, операціонная дѣятельность флотиліи заключалась, главнымъ образомъ, въ перевозкѣ небольшихъ десантныхъ отрядовъ по заданіямъ Штаба Войскъ. Эти операціи ограничивались раіономъ полуострова Муравьевъ-Амурскій и выполнялись, главнымъ образомъ, катерами и отчасти п/с. «Патроклъ».

Активность кораблей красныхъ, базировавшихся на бухту Св. Ольги, въ которой крѣпко засѣли красные партизаны, была въ значительной степени связана недостаткомъ угля. Все же, имъ удавалось покупать уголь отъ коммерческихъ японскихъ пароходовъ, и тогда они организовывали набѣги на побережье къ сѣверу отъ бухты Св. Ольги до бухты Датта (въ Татарскомъ проливѣ) включительно, облагая налогами населеніе, японскихъ и русскихъ промышленниковъ, угрожая захватомъ пароходамъ Добровольнаго флота и проч.

Вначалѣ флотъ красныхъ состоялъ только изъ п/с. «Діомидъ» и катеровъ «Павелъ 5» и «Амуръ», уведенныхъ красными 8-го Іюля изъ Владивостока, и «Рында», захваченнаго красными съ завода Бриннеръ и Ко. въ Тетюхэ.

Въ серединѣ Августа краснымъ удалось увести изъ Владивостока еще одинъ корабль. Это былъ крейсеръ Управленія Рыбныхъ и Звѣриныхъ Промысловъ, «Лейтенантъ Дыдымовъ», готовившійся къ плаванію Управленіемъ, состоявшій въ полномъ его распоряженіи и укомплектованный вольнонаемной командой, находившейся на службѣ Управленія.

Повидимому, и капитанъ и помощникъ были въ заговорѣ, иначе уводъ корабля не могъ бы быть сдѣланъ такъ легко. Онъ стоялъ въ торговомъ порту и былъ внѣ всякаго контроля флотиліи, ибо Управленіе Рыбныхъ и Звѣриныхъ промысловъ, при поддержкѣ Правительства, крайне ревниво оберегало свои права.

Красные постепенно наглѣли и въ теченіи осени ими были захвачены, во время совершенія рейсовъ по побережью, пароходъ «Монгугай» и катеръ «Діомидъ», оба Добровольнаго флота.

Добровольный флотъ былъ также внѣ контроля Военно-Морского командованія, и даже по отношенію къ Временному Пріамурскому правительству онъ пользовался полной автономіей, такъ какъ отдѣленіе Добровольнаго флота во Владивостокѣ считало себя подчиненнымъ не мѣстной власти, а Правленію Добровольнаго флота въ Парижѣ. Поэтому Добровольный флотъ всячески противился назначенію военной охраны на пароходы, заявлялъ о своей аполитичности и поддерживалъ рейсы во всѣ пункты побережья, не взирая на присутствіе тамъ красныхъ партизанъ, которые пользовались пароходами Добровольнаго флота для поддержанія связи между своими отрядами, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для перевозки своихъ частей, въ разоруженномъ, конечно, видѣ, подъ видомъ пассажировъ и съ оружіемъ, спрятаннымъ въ багажѣ.

Послѣ захвата «Монгугая», неписанный договоръ между Добровольнымъ флотомъ и партизанами былъ нарушенъ и администрація Добр. флота сама обратилась съ просьбой о назначеніи военной охраны, и прекратила заходы въ Ольгу и Тетюхэ.

Правительство не обращало должнаго вниманія на активность красныхъ на побережьи, не отдавая себѣ отчета о потеряхъ, которыя оно несетъ, благодаря постепенному расширенію зоны вліянія партизанъ, не знало о той огромной дѣятельности, которую развели японскіе рыбо и лѣсо-промышленники на побережьи, и о тѣхъ доходахъ, которые поступали въ карманы партизанскихъ начальниковъ, благодаря этой, въ большинствѣ случаевъ, хищнической дѣятельности. Никакого плана борьбы съ этимъ зломъ въ общегосударственномъ масштабѣ не существовало. Мой голосъ былъ тогда слишкомъ слабъ, чтобы я могъ повліять на принятіе такого рѣшенія.

Въ смыслѣ борьбы съ флотомъ красныхъ,.и ихъ активностью на побережіи, флотилія, при ея крайней скудности въ средствахъ и случайныхъ и ничтожныхъ получкахъ угля, дѣлала, что могла.

Посыльное судно «Патроклъ» совершилъ нѣсколько походовъ вдоль побережья до бухты Св. Ольги, стараясь, по мѣрѣ наличія угля, держаться какъ можно дольше у входа въ бухту. Этимъ значительно затруднялся выходъ большевистскихъ кораблей изъ Св. Ольги, т. к., не зная времени появленія «Патрокла», они не были увѣрены въ возможности благополучнаго возвращенія и привода призовъ въ случаѣ захвата. Запасы угля у нихъ также были ничтожны и не позволяли разсчитывать на долгое крейсированіе въ морѣ.

Въ одинъ изъ такихъ рейсовъ, п/с. «Патроклъ» встрѣтилъ въ морѣ красный катеръ «Павелъ 5», и захвативъ его, привелъ во Владивостокъ.

П/с. «Батарея» была послана съ дессантомъ въ бухту Тетюхэ. Дессантъ высадился, разогналъ красныхъ, сжегъ запасы ихъ провіанта и затопилъ катеръ «Рында». (Онъ былъ поднятъ впослѣдствіи красными). Къ сожалѣнію, всѣ эти операціи носили характеръ палліативный, ибо главныя силы красныхъ и ихъ корабли были сосредоточены въ поселкѣ Св. Ольги, расположенномъ въ глубинѣ бухточки «Тихая пристань», соединенной съ моремъ узкимъ проливомъ и недоступной съ моря безъ высадки дессанта соотвѣтствующей силы, каковового въ моемъ распоряженіи не было.

Эти дѣйствія флотиліи, а также усиленная охрана Владивостокскаго рейда повели къ тому, что уводъ кораблей и захватъ коммерческихъ судовъ прекратился.

26-го Іюля транспортъ «Магнитъ» былъ отправленъ въ охрану рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ на Камчатку. Мысль объ отправкѣ корабля возникла по инициативѣ Управленія Рыбными и Звѣриными Промыслами, такъ какъ оно было заинтересовано, какъ съ точки зрѣнія государственной, такъ и съ чисто эгоистической, т. к. онъ долженъ былъ дать доходъ въ кассу управленія и дать оправданіе его существованію. Поэтому Управленіе употребляло всѣ усилія, чтобы имѣть корабль въ полномъ своемъ распоряженіи, т. е. укомплектованнымъ вольнонаемными служащими и подъ флагомъ Управленія. (Такого флага, кстати, не существуетъ).

Будучи совершенно увѣреннымъ, что корабль съ вольнонаемной командой, уйдя на Камчатку, будетъ потерянъ для Правительства и флотиліи, а также, что посылка корабля не подъ военнымъ флагомъ противорѣчитъ Русско-Японской конвенціи 1907 г., я подалъ энергичный протестъ и вручилъ Правительству прошеніе объ отставкѣ.

Правительство измѣнило свое рѣшеніе и «Магнитъ» былъ посланъ подъ военнымъ флагомъ, съ военной командой. Командированнымъ на немъ чиновникамъ Управленія была лишь предоставлена полная свобода дѣйствій въ отношеніи возложеннаго на нихъ порученія.

«Магнитъ», придя на Камчатку, вошелъ въ Петропавловскъ безъ всякаго предупрежденія, чѣмъ произвелъ панику въ средѣ мѣстнаго совдепа. Однако, командиръ, не имѣя возможности и инструкцій выполнять на Камчаткѣ политическій переворотъ, объявилъ мѣстнымъ комиссарамъ, что онъ не будетъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, если они не будутъ препятствовать его работѣ, что тѣми было принято къ свѣдѣнію и исполнено.

На рейдѣ находились японскіе военные корабли, съ командирами которыхъ командиръ «Магнита» обмѣнялся оффиціальными визитами.

Закончивъ безъ помѣхи все, что нужно было въ Петропавловскѣ, «Магнитъ» вышелъ въ обходъ восточнаго берега ея побережья и Командорскихъ острововъ.

Во время плаванія выяснилось, что рыбныя и звѣриныя богатства края расхищались русскими и иностранными промышленниками самымъ беззастенчивымъ образомъ. Особенно хищничали японцы, которые чувствовали защиту своего Правительства, выражавшуюся присутствіемъ крейсера и 4-хъ миноносцевъ. Не обошлось безъ столкновенія съ японскими промышленниками.

Около одной изъ рыбалокъ, «Магнитъ» обнаружилъ въ морѣ большія сѣти запрещеннаго образца. Ввиду тяжести якорей, командиръ не могъ поднять сѣти и приказалъ ихъ отрѣзать отъ якорей. Тогда съ берега, къ «Магниту» направился моторный катеръ съ вооруженными людьми, жестами угрожавшими кораблю. Выстрѣломъ изъ орудія «Магнитъ» заставилъ катеръ повернуть къ берегу, послѣ чего закончилъ работу.

«Магнитъ» вернулся во Владивостокъ около 1-го Октября.

Японское Морское Командованіе было обезпокоено вышеприведеннымъ инцидентомъ и прислало въ Штабъ Командующаго офицера за разъясненіями, которыя вполнѣ удовлетворили японцевъ.

Второй дальній походъ былъ выполненъ тр. «Батарея». Въ 20-хъ числахъ Сентября Правительству стало извѣстно, что изъ Шанхая готовятся выйти въ Петропавловскъ на Камчаткѣ п/с. «Адмиралъ Завойко» и зафрахтованный англійскій пароходъ «Ральфъ Моллеръ». Корабли, имѣя на борту уполномоченныхъ Дальневосточной республики, должны были доставить на Камчатку оружіе, боевые припасы, обмундированіе, продовольствіе и другіе грузы, предназначенные для мѣстныхъ красныхъ отрядовъ.

«Батарея» вышла 26-го Сентября изъ Владивостока, при чемъ командиру были даны инструкціи держаться вблизи Сангарскаго пролива, и постараться не дать этимъ судамъ пройти на Камчатку. Уже по выходѣ «Батареи» изъ Владивостока, было получено сообщеніе, что изъ Шанхая вышелъ одинъ «Ральфъ Моллеръ», о чемъ дано было знать командиру «Батареи», кап. 1 р. Петровскому.

8-го Октября, вблизи японскаго порта Мурoранъ, командиръ «Батареи» замѣтилъ въ морѣ пароходъ, похожій, по описанію, на «Ральфъ Моллеръ» и началъ преслѣдованіе. «Ральфъ Моллеръ»,

видя близость территоріальныхъ водъ, повернулъ къ берегу, и, пользуясь преимуществомъ хода, старался ускользнуть отъ преслѣдованія. Выстрѣломъ подъ носъ изъ 47 мм. орудія съ «Батареи», «Ральфъ Моллеръ» былъ остановленъ, но, къ сожалѣнію, на самой границѣ территоріальныхъ водъ. Командиръ его, учтя положеніе, отказался исполнить приказъ командира «Батареи» слѣдовать за нимъ, вновь повернулъ къ берегу и всталъ на якорь около японскаго города Муроранъ. Опасаясь осложненій съ японцами, командиръ «Батареи» больше не стрѣлялъ, но послѣдовалъ за «Ральфъ Моллеромъ» и всталъ на якорь вплотную къ нему. Прибыли японскія власти, которыя освѣдомились о причинахъ стрѣльбы. Вслѣдъ затѣмъ пришли два японскихъ миноносца, а черезъ три дня чиновникъ англійскаго Токійскаго посольства. Кап. 1 р. Петровскій указалъ на наличіе на «Ральфѣ Моллерѣ» оружія и военныхъ грузовъ и требовалъ передачи ихъ себѣ, а также выдачи большевистскихъ комиссаровъ. Въ этомъ ему было отказано. Тогда кап. 1 р. Петровскій объявилъ, что онъ будетъ слѣдовать за «Ральфъ Моллеромъ», куда бы тотъ не пошелъ. Иностранцамъ пришлось итти на уступки, и въ результатѣ было достигнуто соглашеніе, по которому большевикамъ разрѣшался отъѣздъ въ Шанхай, весь грузъ, кромѣ оружія и обмундированія, подлежалъ свозу на берегъ и продажѣ съ аукціона. Оружіе и обмундированіе подлежало задержанію японцами.

Командиръ «Батареи» былъ вынужденъ согласиться на эти условія, т. к. этимъ срывался планъ снабженія красныхъ отрядовъ на Камчаткѣ и доставка туда комиссаровъ, а, кромѣ того, потому, что особенно упрямиться ему было трудно: за нимъ не стояло никакой силы, кромѣ его собственной твердости и рѣшимости, и того уваженія, которое онъ вызывалъ къ себѣ со стороны иностранцевъ своими дѣйствіями.

Временное Пріамурское Правительство впервые поняло и почувствовало значеніе морской силы для государства. Объ этомъ инцидентѣ иностранная пресса говорила больше, чѣмъ о самомъ переворотѣ во Владивостокѣ, и только тогда многіе узнали о существованіи Врем. Пріамурскаго Правительства и о томъ, что въ его распоряженіи есть военные корабли, плавающіе подъ Андреевскимъ флагомъ.

Здѣсь умѣстно вспомнить объ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто въ началѣ Октября.

Японское Военное Командованіе было нѣсколько смущено свободой, допущенной нами въ примѣненіи оружія, въ результатѣ чего, Штабъ 9-ой японской дивизіи, на обязанности которой лежала охрана Минно-Артиллерійскаго городка, 7-го Октября прислало мнѣ отношеніе, въ которомъ, упоминая объ извѣстномъ

военномъ соглашеніи 1920 года, сообщалъ мнѣ о недопустимости присутствія оружія на корабляхъ, и спрашивалъ свѣдѣнія объ имѣющемся оружіи. Считая необходимымъ рѣшить вопросъ въ корнѣ, разъ навсегда, и, въ то же время, не признавая за начальникомъ одной изъ японскихъ дивизій права осуществлять надзоръ за флотиліей, я обратился къ командующему японской спеціальной эскадрой съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

КОМАНДУЮЩІЙ
СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІЕЙ
7 Октября 1921 г.
№ 491
г. Владивостокъ

КОМАНДУЮЩЕМУ СПЕЦІАЛЬНОЙ ЭСКАДРОЙ ИМПЕРАТОРСКАГО ЯПОНСКАГО ФЛОТА.

Броненосецъ «Микаса».

Сего числа мною получено отношеніе Штаба 9-ой Дивизіи Японскихъ войскъ, копію коего при семъ прилагаю.

Въ прошломъ году, когда въ Приморскомъ краѣ существовала власть большевиковъ, шедшая въ своей программѣ противъ культуры всего міра, Японское Командованіе вынуждено было прибѣгнуть къ нѣкоторымъ военнымъ мѣрамъ для обезпеченія безопасности своихъ резидентовъ; мѣры эти въ результатѣ привели къ Согласительному договору, заключенному между Японскимъ и Русскимъ командованіями, по которому все русское оружіе оставалось подъ охраной Японскаго Командованія.

Послѣ переворота въ Приморской Области 26 Мая с. г., когда власть въ Краѣ перешла отъ насильниковъ въ руки государственно мыслящихъ людей, понимающихъ, что жизнь и собственность каждаго человѣка, какъ русскаго, такъ и иностранца, одинаково священны, и когда военная власть сосредоточена въ рукахъ людей, которые поставили своей цѣлью борьбу съ большевизмомъ, съ конечной цѣлью торжества права, справедливости и охраны собственности каждаго человѣка, договоръ, заключенный въ прошломъ году, является не только лишнимъ, но и обиднымъ для русскихъ людей.

Разбойничьи нападенія на безоружные корабли, въ результатѣ которыхъ страдали интересы не только

русскихъ, но и иностранцевъ, заставили меня прибѣгнуть къ нѣкоторымъ мѣрамъ безопасности, которыя я буду примѣнять и дальше, такъ какъ это мнѣ подсказываетъ моя совѣсть и долгъ передъ Родиной.

Договоръ, подписанный съ русской стороны большевистской властью, считаю для себя непріемлемымъ, такъ какъ онъ нарушаетъ суверенныя права Россіи.

Не желая нарушать дружественныхъ отношеній съ Японскимъ Командованіемъ, я три недѣли назадъ обратился къ Вамъ съ просьбой о заключеніи новаго договора, не нарушающаго суверенныхъ правъ Россіи и основаннаго на дружественной помощи Императорскаго Японскаго Правительства.

Въ Сибирской флотиліи сейчасъ сосредоточены морскіе офицеры и матросы Русскаго Флота, всю жизнь свою отдавшіе на борьбу съ большевизмомъ, и я не имѣю права лишать этихъ людей права бороться до конца и, если придется, то умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

Встрѣчая въ теченіи моего командованія дружественныя указанія со стороны Японскаго Морского Командованія и зная, что Японское Морское Командованіе — въ курсѣ дѣла дѣятельности Сибирской флотиліи, я обращаюсь съ этимъ письмомъ къ Вашему Превосходительству, чтобы имѣть возможность въ будущемъ работать для всеобщаго блага и не нарушать добрососѣдскихъ отношеній.

Контръ-Адмиралъ Старкъ.

Оффиціальнаго отвѣта на это письмо я не получилъ, какъ не получилъ отвѣта на предложеніе пересмотрѣть соглашеніе, но неоффиціально я былъ увѣдомленъ, что Японское Высшее Морское и Сухопутное Командованіе не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла флотиліи.

Это все, что пока мнѣ было нужно.

26-го Октября «Батарея» вернулась во Владивостокъ.

Обзоромъ этихъ операцій заканчивается дѣятельность флотиліи въ поріодъ до 1-го Ноября 1921 г., т. е. въ тотъ періодъ, когда на сушѣ Правительство придерживалось чисто оборонительнаго характера дѣйствій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Г. М. Веселаго.

НѢСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВЪ ИЗЪ МОЕЙ СЛУЖБЫ ВЪ ЧЕРНОМОРСКОМЪ ФЛОТѢ, 1915-1917 г. г.

За два съ небольшимъ года службы въ Черноморскомъ Флотѣ мнѣ довелось принять близкое участіе во множествѣ интересныхъ, а иногда и забавных, эпизодовъ. Однако я включилъ въ этотъ очеркъ лишь тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе интересны съ чисто военно-морской точки зрѣнія и въ которыхъ я игралъ болѣе или менѣе отвѣтственную роль. Описывая избранные эпизоды я старался опустить всѣ менѣе важныя подробности.

Начало 1915 г. застало меня на эск. мин. «Искусный» зимовавшемъ въ Ревелѣ. Командовалъ имъ ст. лейт. Н. Д. Щербачевъ. Сравнительная бездѣятельность меня изводила и поэтому я былъ радъ когда, въ концѣ марта, я былъ командированъ въ распоряженіе контръ-адмирала А. А. Хоменко, который тогда начиналъ спѣшно формировать Транспортную Флотилію Чернаго моря, предназначавшуюся для намѣченнаго въ ту пору дессанта подъ Константинополемъ.

Когда я пріѣхалъ въ Одессу, штабъ командующаго Флотиліей состоялъ изъ Начальника Штаба, кап. 2 р. Э. С. Моласа, двухъ или трехъ корабельныхъ инженеровъ, привезенныхъ изъ Петербурга самимъ Хоменко, и пары писарей. Флагъ адмирала уже развивался на пароход Р. О. П. и Т. «Русланѣ», но работы по приспособленію разношерстныхъ пассажирскихъ и грузовыхъ пароходовъ едва начались. Работали однако днемъ и ночью, такъ какъ со дня-на-день ожидали что англо-французская эскадра прорвется изъ Средиземнаго моря черезъ Дарданеллы, и наше Верховное Командованіе желало, чтобы Константинополь былъ-бы одновременно, или лишь нѣсколько позже, оккупированъ русскими войсками. Реквизированные пароходы всевозможныхъ національностей, застрявшие изъ за выступленія Турціи въ различныхъ портахъ Чернаго моря, быстро собирались въ Одессу, а никакихъ руководствъ относительно ихъ организаціи для совмѣстныхъ дѣйствій съ флотомъ и дессантными войсками не существовало. Хоменко и Моласъ поручили мнѣ срочно выработать «Положеніе» о Флотиліи которое установило бы взаимные права и обязанности капитановъ торговаго флота, морскихъ офицеровъ «комендантовъ» пароходовъ, начальниковъ дессантныхъ

войсковыхъ частей, начальниковъ Отрядовъ Транспортной Флотиліи, командировъ судовъ и начальниковъ отрядовъ конвойныхъ кораблей флота, и т. д. Тоже, но отдѣльно, распорядокъ самыхъ высадокъ на гористые берега Босфора или вблизи его. По молодости, такое грандіозное и технически очень сложное порученіе меня не испугало и, въ сотрудничествѣ съ подполковникомъ ген. шт. Верховскимъ (впослѣдствіи, послѣдній Военный Министръ Временнаго Правительства), «Положеніе» и «Руководство для Высадки» были черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль готовы въ чернѣ, и немедленно-же утверждены и напечатаны. Хоменко и Моласъ времени не потеряли! Конечно, изданіе впослѣдствіи было пересмотрѣно на основаніи опыта полученнаго на различныхъ ученіяхъ и маневрахъ, но, тѣмъ временемъ, вновь прибывающіе офицеры и дессантныя части получили возможность ознакомиться съ основными «правилами игры».

Въ ночь подъ Святую Пасху, на минахъ поставленныхъ на подходахъ къ Одесскому порту, взорвался турецкій крейсеръ «Гамидіе», и осѣлъ на мелководной песчаной банкѣ. На разсвѣтѣ, я принялъ участіе въ мирномъ «захватѣ» этого непріятельского корабля. Удачно, что онъ не прорвался т. к.. кромѣ древняго броненосца «Синопъ» стоявшего на бочкахъ въ гавани, никакихъ другихъ средствъ для защиты множества собравшихся пароходовъ не было. По настоянію Хоменко вскорѣ после этого эпизода были сооружены береговыя батареи.

Раннимъ лѣтомъ Командующій Черноморскимъ Флотомъ адмиралъ Эбергардъ поручилъ контръ адмиралу Хоменко вывести новый лин. корабль «Императрица Марія» изъ Николаева до глубокой воды къ весту отъ Одессы гдѣ дивизіонъ нефтяныхъ миноносцевъ долженъ былъ принять на себя охрану этого перваго Черноморского дредноута. Разработка этой операціи была поручена мнѣ и опять потребовала много безсонныхъ ночей. Интересно отмѣтить что въ дополненіе къ обыкновенному траленію, передъ самымъ выходомъ изъ устья Днѣстра, три спеціально оборудованныхъ транспорта предшествовали «Марію»; ихъ сравнительно мелкая осадка была увеличена до 30 фт. пристройкой подъ дномъ (днищемъ) стальныхъ рамъ съ приклепанными сѣтями, и шли они въ строѣ пеленга, чтобы увеличить ширину такимъ образомъ прочищаемаго фарватера, такъ что ранѣе не вытраленная мина взорвалась-бы подъ однимъ изъ этихъ пустыхъ пароходовъ, а не подъ «Маріей».

Для предохраненія отъ атаки подводной лодкой въ критическій моментъ выхода на глубокую воду, одна изъ нашихъ подлодокъ ночью заняла позицію и, погрузившись передъ самымъ разсвѣтомъ, наблюдала за этимъ раіономъ черезъ перископъ. Ду-

маю, что это была первая попытка противопоставить одну подлодку противъ другой.

Выходъ «Императрицы Маріи» прошелъ гладко по-расписанію и этотъ мощный противникъ «Гебена» достигъ Севастополя безъ всякихъ приключеній.

Къ серединѣ лѣта стало ясно что союзникамъ быстро въ Константинополь не прорваться, и Верховная Ставка повелѣла Эбергарду послать въ Дарданеллы миссію для выясненія причинъ задержки. (Великобританскіе представители при Ставкѣ не знали), а такъ же для ознакомленія, съ дессантнымъ опытомъ и установленія связи для координаціи будущихъ операцій Черноморского Флота съ союзниками въ Дарданеллахъ.

Миссію возглавилъ помощникъ флагъ-капитана по Оперативной Части Штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ, кап. 2 р. В. И. Медвѣдевъ, и съ нимъ поѣхали полковникъ ген. шт. отъ Арміи, подполковникъ корпуса корабельныхъ инженеровъ отъ судостроительства (имена ихъ не помню) и я отъ Транспортной Флотиліи. Путешествовали по желѣзнымъ дорогамъ въ штатскомъ, замаскировавшись чинами Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, черезъ Румынію, Болгарію и Грецію, которыя тогда были еще нейтральными. Въ Салоникахъ насъ тайкомъ подобрало ночью англійское посыльное судно и мы пошли двадцати-узловымъ ходомъ, безъ огней, въ бухту Мудросъ, главную базу союзниковъ. На разсвѣтѣ обнаружили германскую подводную лодку шедшую въ надводномъ положеніи параллельнымъ курсомъ, и бросились въ погоню, открывъ огонь изъ носовыхъ 3-хъ дюймовыхъ орудій. Ко всеобщему удивленію подлодка легко отъ насъ уходила хотя мы гнались за ней полнымъ ходомъ, дѣлая свыше 22-хъ узловъ. Къ восходу солнца показались на горизонтѣ два англійскихъ миноносца, подлодка нырнула и мы оставили ее на попеченіе миноносцевъ.

Слѣдующіе три недѣли мы провели мирно, такъ какъ операціи въ Дарданеллахъ были въ полномъ застоѣ. Совѣщались съ вице-адмираломъ де Робэкъ, командовавшимъ союзными эскадрами, и генераломъ Гамильтонъ, командовавшимъ союзными войсками. Много интересныхъ и даже, такъ сказать, «пикантныхъ» данныхъ о положеніи вещей сообщилъ намъ Н-къ Штаба, Командоръ Кизъ (впослѣдствіи Адмиралъ Флота Лордъ Кизъ). Намъ дали доступъ ко всѣмъ приказамъ, рапортамъ и журналамъ, что позволило собрать массу свѣдѣній изъ первоисточниковъ съ самаго начала операцій. Мы посѣтили траншеи, осмотрѣли спеціально построенные дессантные суда, понтонно-свайныя пристани и т. п. Жили большую часть времени на кр. «Аскольдъ», который какъ-бы представлялъ Россійскую Имперію въ Дарданеллахъ.

Возвращались опять черезъ Салоники где высадились тоже тайкомъ, ночью; и по пути остановились на пару дней въ Софіи, гдѣ, по просьбѣ нашихъ морского и военнаго агентовъ, Медвѣдевъ и полк. ген. штаба, состоявшій въ миссіи; подробно освѣдомили англійскихъ морского и военнаго агентовъ о томъ что видѣли и узнали, а именно что союзники завязли, эскадрѣ прорываться въ Мраморное морѣ не позволяютъ, а у генерала Гамильтонъ никакого плана для наступленія нѣтъ. Повидимому это было новостью для Великобританскаго Правительства и нашъ докладъ повелъ къ пересмотру всего вопроса о Дарданельской кампаніи. Въ январѣ 1916 года всѣ дессантные войска были сняты съ Галлиполійскаго полуострова и отъ попытки прорыва союзники окончательно отказались.

По возвращеніи и представленіи доклада (изданнаго Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ), я былъ назначенъ и. д. старшаго флагъ-офицера по оперативной части штаба Командующаго Черноморскимъ Флотомъ. Въ этой должности, весной 1916 г. я былъ временно прикомандированъ для связи къ штабу генералъ-майора Ляхова, наступавшаго съ поддержкой флота и транспортовъ на Трапезундъ, который и былъ взятъ въ Страстной Четвергъ. Операція эта была очень интересная, но моя роль какъ связи была вовсе незначительная.

Тѣмъ временемъ германскія подлодки расширили свои операціи въ Черномъ морѣ и мы стали терять много транспортовъ, включая госпитальное судно «Портюгаль», погибшее у Трапезунда со всѣми раненными и большинствомъ французской команды.

Раннимъ лѣтомъ 1916 года вице-адмиралъ А. В. Колчакъ замѣстилъ адмирала Эбергарда, и въ іюнѣ и августѣ я принялъ участіе, подъ руководствомъ новаго флагъ-капитана по оперативной части, кап. 1 р. М. И. Смирнова, въ разработкѣ плановъ по закупоркѣ Босфора и Варны минами. Съ подводной лодки «Нерпа» я произвелъ дневную и ночную развѣдку устья Босфора, провѣривъ пригодность намѣченныхъ подходныхъ курсовъ, по которымъ затѣмъ и была произведена первая серія постановокъ миннаго загражденія вблизи самаго устья пролива. Предыдущія постановки дѣлались на подходахъ къ проливу, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья; только подводный заградитель «Крабъ» поставилъ въ началѣ войны съ Турціей одну банку изъ нихъ, помнится, десяти минъ между выходными мысами.

При выполненіи первой изъ этихъ постановокъ дивизіономъ миноносцевъ типа «Дерзкаго», подъ руководствомъ Смирнова, ходили съ нимъ на «Дерзкомъ». Подходъ къ мѣсту постановки долженъ былъ быть обозначенъ подводными лодками: первая, помнится «Китъ», должна была стоять на якорѣ (на «панеръ») въ

десяти или двѣнадцати миляхъ, примѣрно на нордъ-остъ отъ устья Босфора; вторая, помнится «Нерпа», должна была стоять по тому-же направленію, но лишь миляхъ въ двухъ отъ входныхъ мысовъ. Въ первую ночь дивизіонъ вышелъ на «Кита» въ точку, но «Нерпу» мы не нашли. Начальникъ Дивизіона счелъ постановку минъ при этихъ условіяхъ слишкомъ рискованной и мы къ утру вернулись къ «Императрицѣ Маріи» которая крейсировала миляхъ въ пятидесяти отъ берега, подъ флагомъ Колчака. Узнавъ что минъ мы не поставили, Колчакъ приказалъ Смирнову принять командованіе операціей и задачу выполнить, что мы и сдѣлали въ слѣдующую ночь, но уже безъ обозначающихъ подходъ подлодокъ. Постановки минъ «нефтяными» миноносцами вблизи устья Босфора были произведены еще два или три раза.

Почти немедленно сказался результатъ: германскія подводныя лодки больше не показывались, и телеграфъ не приносилъ больше извѣстій о гибели транспортовъ.

Ввиду желательности еще болѣе близкихъ къ берегу постановокъ минныхъ загражденій, а также и въ большемъ масштабѣ, я разработалъ и представилъ планъ использованія для этой цѣли одного изъ плоскодонныхъ тральщиковъ, Т-234 («Роза»), коимъ и былъ назначенъ командовать. Въ теченіи октября и ноября 1916 г. съ офицерами и командами изъ добровольцевъ, въ три похода, мною было поставлено 900 минъ въ устье Босфора и при входѣ въ Варну. Вспоминаю съ особымъ удовольствіемъ доблестное сотрудничество лейт. Али Богдановича (бывшаго миннымъ офицеромъ на первомъ походѣ), лейт. А. Рыбина (бывшаго старшимъ офицеромъ на второмъ и третьемъ походахъ) и мичмана И. И. Стеблина-Каменского (бывшаго штурманскимъ офицеромъ на всѣхъ трехъ походахъ).

Тральщикъ этотъ — типичная мелкосидящая паровая баржа, какихъ было много въ Азовскомъ морѣ, гдѣ онѣ подвозили зерно отъ мелководныхъ рѣчныхъ пристаней къ океанскимъ пароходамъ приходившимъ въ Керчь. Т-234 былъ двухъ-винтовой (чтобы легче разворачиваться на узкихъ рѣчныхъ фарватерахъ), но машины были слабыя, ходъ не свыше 6-ти узловъ, и запасъ угля былъ очень ограниченный.

Мы этоттъ тральщикъ приспособили для приема въ грузовой трюмъ ста двадцати минъ и еще ста минъ на рельсахъ на верхней палубѣ. Послѣ второго похода увеличили длину палубныхъ рельсъ, что позволило принимать 230 минъ.

Въ первый походъ къ Босфору я вышелъ изъ Севастополя утромъ -го октября на разсвѣтѣ послѣ взрыва «Императрицы Маріи». Гибель этого корабля произошла на глазахъ экипажа Т-234, который, стоя у угольной пристани въ нѣсколькихъ ка-

бельтовыхъ отъ «Императрицы Маріи», былъ осыпанъ осколками, но по счастью поврежденій не получилъ.

Во второй походъ къ Варнѣ встрѣтилъ на полъ пути сильную волну и видно было передъ наступленіемъ темноты что конвоирующій миноносецъ, при маломъ ходѣ, невѣроятно качаетъ, я-же будучи широкимъ и тяжело нагруженнымъ держался на курсѣ безъ труда и качка была совсѣмъ терпимая. Вдругъ сигнальщикъ докладываетъ, что съ миноносца мигаютъ сигналъ отмѣняющій операцію. Я не былъ въ прямомъ подчиненіи командиру конвоирного, миноносца, хотя онъ былъ старше въ чинѣ, поэтому усомнился, что онъ мнѣ отдастъ такое приказаніе и, подумавъ, попытался запросить мигалкой-же подтвержденія или разъясненія. Но миноносецъ въ темнотѣ исчезъ, а я рѣшилъ продолжать походъ самостоятельно. Минутъ черезъ двадцать радіотелеграфистъ докладываетъ, что конвоиръ без шифра, но радіо, приказываетъ Т-234 вернуться въ Севастополь.

Вернулись мы въ гавань позднимъ утромъ и явившись по вызову въ штабъ Командующаго Флотомъ, я былъ сейчасъ-же принять самимъ Колчакомъ, который спросилъ меня что случилось. Я доложилъ обстоятельства въ точности. Тогда онъ молча далъ мнѣ прочесть рапортъ к.-адм. кн. Трубецкого, начальника минной дивизіи, въ которомъ онъ рекомендовалъ преданіе меня суду за неповиновеніе «передъ лицомъ непріятеля» (sic). Когда я прочелъ этотъ краткій рапортъ, Колчакъ спросилъ что-же я имѣю сказать?

«Разрѣшите немедленно догрузить угля и выполнить операцію безъ конвоира» отвѣтилъ я.

Колчакъ улыбнулся, махнулъ рукой и сказалъ:

«Съ Богомъ!».

Третій походъ былъ самый интересный. Из за двухъ предыдущихъ дальнихъ плаваній вѣтхія машины мои начали скисать. Поэтому на этотъ разъ я пошелъ на буксирѣ бывшаго пассажирскаго парохода «Ксенія» а чтобы пуще сберечь машины и не возвращаться въ Севастополь за четвертымъ комплектомъ минъ, которыя нужно было поставить чтобы закончить закупорку Варны, «Ксенія» приняла 230 минъ для перегрузки на Т-234 въ морѣ въ день послѣ того что я ночью поставлю столько-же минъ принятыхъ мною въ Севастополѣ.

Поскольку знаю, способъ перегрузки минъ, а также и продовольствія для ста съ лишнимъ человѣкъ моей команды, никогда прежде не употреблялся никакимъ флотомъ. Торговые моряки однако, были съ нимъ знакомы, такъ какъ лоцманскіе и карантинные суда дѣлали это съ незапамятныхъ временъ. Капитанъ и весь личный составъ «Ксеніи» были торговые моряки, такъ что

мнѣ съ ними договориться на этотъ счетъ было просто. Вотъ какъ мы это продѣлали:

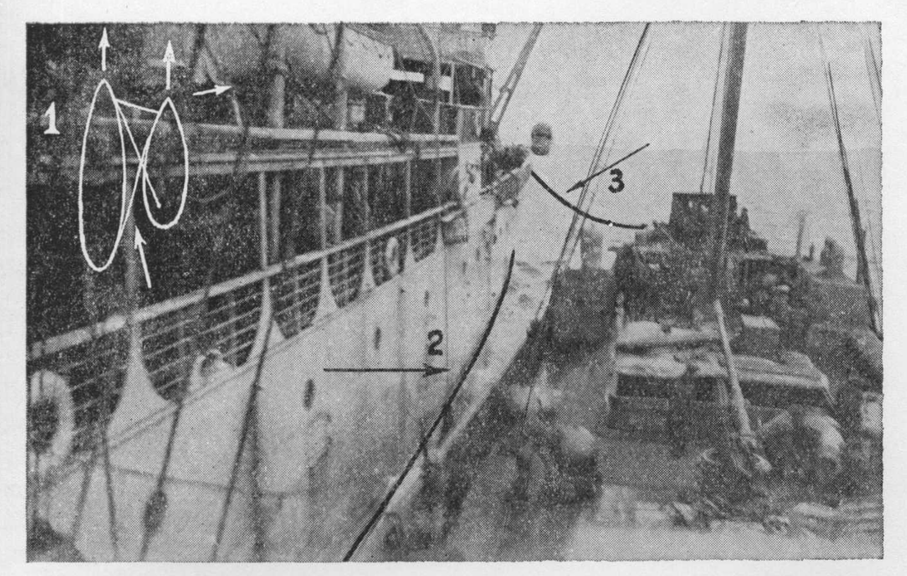
Въ дополненіе къ буксирному кабелю съ кормы «Ксеніи» на носъ Т-234, мы завели второй буксирный кабель съ носа «Ксеніи» вдоль ея праваго борта на корму Т-234, и, повернувшись навстрѣчу волнѣ и вѣтру (балловъ до 4-хъ), и пока «Ксенія» стояла почти-что неподвижно, я подвелъ Т-234 вдоль «Ксеніи», послѣ чего третій, уже короткій кабель закрѣпили съ носа «Ксеніи» на носъ Т-234. «Ксенія» дала ходъ впередъ сколько было нужно чтобы натянуть втугую буксиръ закрѣпленный на кормѣ Т-234 и дать слабину буксиру закрѣпленному на носу Т-234.

Въ результатѣ носы наши расходились сколько позволялъ 3-ій кабель-швартовъ, а волны сжимаемым между правымъ бортомъ «Ксеніи» и моимъ лѣвымъ бортомъ служили кранцами.

Весной 1917 г., послѣ вступленія С. Ш. А. въ войну, я, по приказанію Морского Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, подробно объяснилъ этотъ способъ перегрузки «бортъ-о-бортъ-на-ходу» тогдашнему американскому морскому агенту, когда узнавъ объ этомъ маневрѣ въ Штабѣ, онъ посѣтилъ въ Севастополь. По его словамъ, онъ немедленно донесъ объ этомъ въ Морское Вѣдомство въ Вашингтонъ, и, начиная съ 1918 г., американскій флотъ сталъ примѣнять и совершенствовать этотъ способъ перегрузки на походахъ.

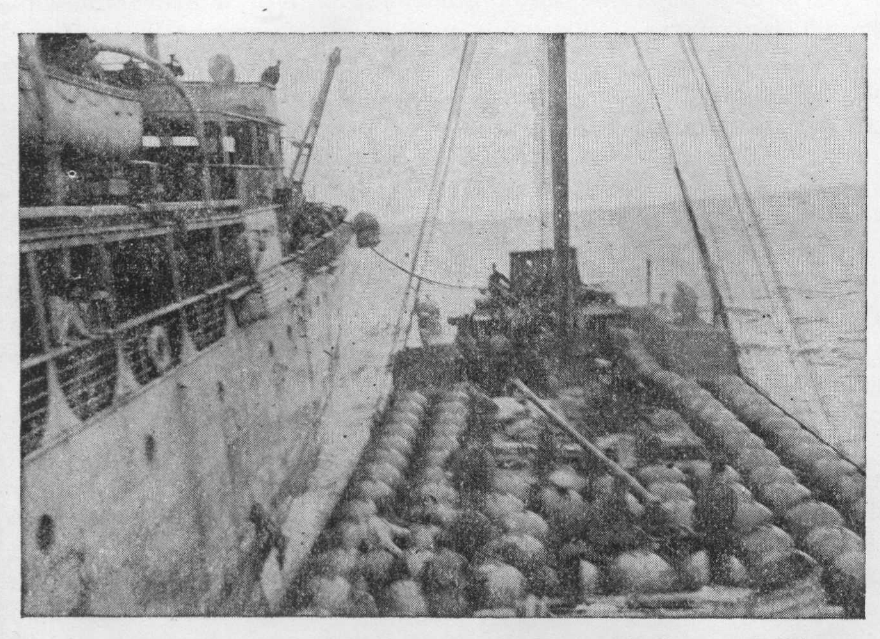
По свѣдѣніямъ, полученнымъ П. И. Стеблинымъ-Каменскимъ въ 1919 г. отъ лейтенанта болгарскаго флота Тошева, на поставленныхъ нами подъ Варной минахъ погибли, по крайней мѣрѣ, двѣ подводныя лодки и одинъ миноносецъ.

Окончаніе слѣдуетъ.

Перегрузка минъ «бортъ-о-бортъ-на-ходу» съ «Ксеніи» на «Т-234», для постановки подъ Варной. Вначалѣ перегрузки. 1 — со слабиной, 2 — Буксиръ съ носа «Ксеніи» на корму «Т-234», 3 — швартовъ, ограничивающій расхожденіе

Ноябрь 1916 г.

Перегрузка минъ «бортъ-о-бортъ-на-ходу» съ «Ксеніи» на «Т-234», для постановки подъ Варной. Къ концу перегрузки.

Ноябрь 1916 г.

В. М. Костенко.

ВЪ «КЛУБѢ САМОУБІЙЦЪ»

(Памяти погибшихъ при исполненіи служебного долга).

Подъ такимъ названіемъ, во флотѣ была извѣстна Дивизія Траленія минъ флота Балтійскаго моря.

Незамѣтна и скромна была на ней служба. Ни въ сводкахъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, ни въ реляціяхъ, о ней не упоминалось, а, между тѣмъ, ни одна часть флота, за исключеніемъ миноносцевъ, не принимала, столь активного участія въ войнѣ, какъ тральщики. Въ мирное время, почему то, не принималось, почти, никакихъ мѣръ, чтобы обезпечить себя на время войны, спеціально построенными судами этого типа.

Отчасти, это происходило потому, что, слишкомъ недостаточны были суммы, отпускаемыя на постройку новѣйшихъ боевыхъ современныхъ судовъ, отчасти же потому, что, при объявленіи войны, всѣ мелкія портовыя суда должны были быть использованы для этого рода службы, а, къ тому же, кое-что предполагалось получить и при мобилизаціи коммерческого флота.

Такимъ образомъ, къ началу войны, въ Балтійскомъ флотѣ, было весьма ограниченное число судовъ этого типа.

Фактически, въ строю находились лишь: «Проводникъ», «Искра», «Пламя», и «Патронъ» — типъ обычного англійскаго рыбачьяго траллера.

Строились, и вскорѣ были закончены: «Взрывъ», «Фугасъ», «Запалъ» и «Минрепъ», или, такъ называемые «Утки», прекрасный типъ небольшого, всего 150 тоннъ, мореходнаго, съ осадкой всего въ 7 футъ, легко-управляемаго тральщика со скоростью хода въ 12-13 узловъ, и, такъ называемые, «Гробы»: «Капсюль», «Щитъ», «Крамболъ» и «Грузъ».

Эти, послѣдніе, имѣли осадку всего лишь 5 футъ и предназначались для прохода надъ самыми опасными раіонами, мелкопоставленныхъ, минныхъ полей.

Помѣщенія, для личнаго состава на нихъ, были отличныя. Масса воздуха, свѣта, настоящая ванная, причемъ, все это находилось въ надстройкахъ на верхней палубѣ. Иллюминаторовъ въ надстройкахъ офицерскихъ помѣщеній не было, а ихъ замѣняли окна вагоннаго типа.

На мостикѣ, кромѣ ходовой, была просторная штурманская рубка съ отличнымъ диваномъ, что давало возможность, командирамъ этихъ судовъ, безотлучно быть близь своего поста и, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, имѣть хоть небольшой отдыхъ. Это было весьма существенно, такъ какъ, иной разъ, приходилось проводить, въ отвѣтственные періоды, по 16-20 часовъ безъ спуска внизъ,

Вооруженіе «Капсюлей» состояло изъ одного 75 мм орудія Канэ, въ 50 калибровъ длиной. Благодаря спѣшкѣ, этотъ типъ тральщиковъ не получилъ, нужныхъ имъ, главныхъ механизмовъ (они строились въ Германіи) и, на нихъ передали, по 2 машины тройного расширенія, предназначенныя для мелкихъ судовъ рѣчныхъ флотилій.

Разсчитанныя на большое число оборотовъ, машины эти, при новыхъ котлахъ Ярроу, ихъ и давали, но ходъ былъ, максимумъ, 8 узловъ. Посмотришь, черезъ машинный свѣтоовй люкъ, внизъ, — сердце радуется. Ни дать, ни взять, миноносецъ, съ ходомъ узловъ на 25; бросишь окурокъ папиросы за бортъ, — идетъ вдоль борта чуть не 5 минутъ, — одна грусть и тоска.

Винты помѣщались въ цилиндрическихъ, глубокихъ вырѣзахъ кормового подзора и, несмотря на 300-350 оборотовъ, бо́льшая часть ихъ полезной работы пропадала.

Управленіе этими тральщиками было нелегкимъ. При желаніи помочь повороту (при рулѣ «на бортъ»), машинами, надо было давать ходъ, обратный обычному, т. е., при поворотѣ вправо, надо было, правой же машинѣ дать полный впередъ, а лѣвой — назадъ.

На заднемъ ходу, куда руля не клади, корма придетъ противъ вѣтра.

Парусили «Гробы» невѣроятно.

На долгихъ курсахъ, при вѣтрѣ, даже, въ 4 балла (на курсѣ Куйвасто-Усть Двинскъ, напримѣръ), приходилось брать поправку на вѣтеръ въ 4 румба, дабы уничтожить дрейфъ.

Словно, джонки китайскія, но зато, на эти суда можно было принимать до 40 минъ загражденія на каждый, и этотъ, 2-ой полудивизіонъ 4-го дивизіона, могъ ставить, въ одинъ пріемъ, до 160 минъ, проходя заброcанными и своими и вражескими, минными полями, преподносить непріятелю новые сюрпризы.

Въ этомъ, была ихъ особая цѣнность и незамѣнимость и, много, много минъ, въ Ирбенскомъ проливѣ, у входа въ Рижскій заливъ, поставлены были этими тральщиками-заградителями. Ставили мины вплотную у занятыхъ нѣмцами береговъ, для чего, обычно выбиралась (лѣтомъ) лунная туманная ночь, осенью же — лишь бы не было волны.

Въ свѣжую погоду, «Гробы», вслѣдствіе своей плоскодонности, получали страшные удары по корпусу, въ подводной его части, причемъ обнажались протоки холодильниковъ, что грозило ихъ перегрѣваніемъ.

Передъ одной, изъ очень нужныхъ и отвѣтственныхъ постановокъ, въ кингстонъ праваго холодильника «Капсюля» засосало германскую солдатскую шинель, и, дабы, во время, быть готовыми къ ночной постановкѣ, машинной командѣ пришлось работать часа 4, по колѣно въ ледяной водѣ (былъ конецъ октября 16 года), чтобы очистить кингстонъ отъ непрошенной гостьи. Работа была невѣроятно тяжелой и выполнена была съ исключительной скоростью и, — во время. Въ тѣ времена, — «люди были» и понимали сущность того, что, можетъ быть и очень тяжело, но, необходимо нужно было сдѣлать. Поэтому, съ гордостью могу сказать, что: на «Капсюлѣ» и «Запалѣ» командуемыхъ мною, къ концу осени 1916 г., вся команда имѣла не менѣе 3 георгіевскихъ знаковъ отличія (за исключеніемъ моего личнаго вѣстового, имѣвшаго лишь двѣ медали, 3-ей и 4-ой степени), но — были люди имѣвшие и 6 и болѣе знаковъ. Изъ нихъ, особенно отличался, сигнальный ун.-оф. Гусевъ, видѣвшій, не взирая ни на гребни волны, ни на мглу, — абсолютно все, и, не разъ, корабль, всецѣло ему (вѣрнѣе, — его глазамъ), былъ обязанъ своимъ «благополучнымъ» походомъ. Гусевъ имѣлъ: — 3 Георгіевскихъ креста и всѣ 4 медали, а, 25-го или 26-го декабря 1916 г. (при смотрѣ, въ Ригѣ, Вел. Кн. Борисомъ Владиміровичемъ, послѣ взятія «Пулеметной горки» у Кеммерна), по моему представленію, получилъ и — 2-ой Георгіевскій крестъ 2-ой степени. Доложить объ ошибкѣ, не было времени и, — Гусевъ имѣлъ 2 креста 2-ой степени. Но, былъ еще одинъ, тоже унтеръ-офицеръ, но минный (Замѣтинъ или Зарубинъ), который, при постановкѣ, въ концѣ октября 1916 г., вплотную ко входу въ рѣку Большая Ирбенка, когда двѣ наши послѣднія мины остались наплаву, вмѣстѣ съ миннымъ ун.-оф. Ник. Влад. Кулибинымъ (мой бывшій командиръ миноносца «Смѣлый» въ 1913 году, и — послѣдній старшій офицеръ «Жемчуга») вызвались охотниками потопить мины и, на «парусинкѣ» продѣлали это опасное и кропотливое дѣло. Кап. 1 р. А. фонъ Вилькенъ (К-ръ «Ген. Кондратенко» и Н-къ 4-го дивизіона миноносцевъ), бывшій у меня на мостикѣ, коротко спросилъ: «Кто такіе? Представьте къ Георгіевскому кресту!». Покойный лейт. Н. А. Эриксонъ, скончавшійся в Канадѣ въ 1942 году, отлично помнилъ этотъ случай, и, въ нашей перепискѣ съ нимъ, мы вспоминали этотъ, довольно жуткій, моментъ: съ берега слышенъ лай собакъ, (то ли псы были «германскіе» подданные, то ли, — инстинктъ въ ихъ «собачьихъ душахъ» чувствовалъ близость противника, но, — лай ихъ былъ отчетливъ)..

Незадолго (мѣсяцъ, примѣрно), эта же группа, (2-ая), 4-го дивизіона тральщиковъ, въ этихъ же районахъ, ставила мины

и «Щитъ», которымъ командовалъ лейт. Б. И. Гавришевъ, былъ, въ послѣдніе моменты постановки, благодаря вырвавшемуся изъ трубы «факелу» пламени, обнаруженъ и, жестоко, но, безрезультатно, обстрѣлянъ германскими батареями, отъ 3” до 9”, включительно. Также, Кап. 1 р. А. ф. Вилькенъ руководилъ и, самъ лично, былъ на мостикѣ головного тральщика. Результатомъ этой операціи было награжденіе лейт. Гавришева — Георгіевскимъ оружіемъ, и, за дѣло. Спокойно, и, безъ малѣйшей мысли объ опасности, мы дѣлали то, что повелѣвалъ долгъ, и смѣю думать, что буду правъ, если скажу, что — не знаю офицеровъ, которые бы думали и чувствовали бы иначе. Ходить по минамъ, обнаруживать и уничтожать ихъ, и очищать фарватеръ для идущихъ за нами крейсеровъ или миноносцевъ (съ минами на борту), было, для насъ дѣломъ обычнымъ, и, сказалъ бы, ежедневнымъ. О возможности близкой смерти мы и не думали. Объяснялось это довольно просто: командиры тральщиковъ были, сравнительно, молодые офицеры, выпусковъ: 1905-1914 гг. и, въ подавляющемъ большинствѣ, — холостые.

Тральщики типа «Искра» и «Запалъ» тоже были приспособлены подъ минные заградители, но число принимаемыхъ на бортъ минъ было значительно меньше: «Искра» — 35-40, «Утки» до 25-30 максимумъ.

Съ началомъ войны, были взяты, съ Волги, буксиры съ жидкимъ топливомъ, типа «Илья Муромецъ», «Добрыня Никитичъ» и др., мелкосидящіе, съ сильными машинами. Это былъ прекрасный типъ небольшого тральщика съ осадкой въ 6 футъ и ходомъ до 12 узловъ, но минъ они не могли брать. Съ войной же, вошли въ формируемую дивизію и всѣ наименьшіе по водоизмѣщенію, захваченные въ нашихъ портахъ германскіе коммерческіе пароходы, водоизмѣщеніемъ нормально въ 1000-1200 тоннъ, съ ходомъ въ 9-10 узловъ. Германскій же пароходъ («Седина») около 2000 т. былъ оборудованъ подъ флагмана и базу 2-го отряда дивизіи и названъ, въ память погибшаго въ самомъ началѣ войны тральщика — «Тральщикъ Проводникъ». Вначалѣ отрядъ партіи траленія былъ подъ командой кап. 1 р. П. П. Киткина. Въ 1915 году была развернута дивизія, состоявшая изъ 2-хъ отрядовъ (бригадъ), каждый изъ 4-хъ дивизіоновъ.

1-ый Отрядъ, Сѣвернаго берега Финскаго залива, базировался на Гельсингфорсъ, Гангэ-Лапвикъ, Або, былъ въ 1914-15 гг. подъ командой кап. 1 р. П. П. Киткина (одновременно, и Н-къ разворачиваемой дивизіи), Штабъ на «Боре 1»: Помощникъ по хозяйственной части (Флагъ-капитанъ распоряд.) кап. 2 р. Гильдебрандъ(к-ръ «Тральщика Взрывъ»). Этотъ «Взрывъ», названный такъ в память погибшаго, былъ большимъ транспортомъ.

Первый «Взрывъ» погибъ на загражденіяхъ при минной постановкѣ. (К-ръ, лейт. В. О. Старкъ 4-ый, и большая часть команды была спасена). Флагм. Штурманъ (Нач-къ оперативной части), лейт., (впослѣдствіи стар. лейт.) Кирѣевъ. Старшій флагъ-офицеръ лейт. (впосл. стар. лейт.) Н. И. Мессингъ, младшій — мичм. Федоровъ.

1-ый дивизіонъ тральщиковъ **(къ лѣту 1917 г.)**

Нач. дивизіона Кап. 2 р. баронъ В. Э. Майдель, брейдвымпелъ на «М-сцѣ № 215»

«М-сецъ № 212» — стар. лейт. Н. Н. Курвуазье
" 214 — лейт. Костенко, В. М.
" 213 — лейт. Ольшевскій, А. А.
" 215 — лейт. Л. В. Камчатовъ
" 216 — лейт. Бар. Т. Л. фонъ деръ Роппъ
" 217 — лейт. И. А. Платоновъ
" 218 — лейт. Ф. И. Станкевич
" 219 — лейт. Б. Л. Дандрэ
" 220 — стар.л ейт. А. А. Зимницкій
" 222 — мичм. Б. Г. Дитмаръ

М-сцы №№ 212 и 213 находились в отдѣльномъ, отъ дивизіона, плаваніи, прикомандированные къ Або-Аландской шхерной позиціи въ Або. Ст. лейт. Н. Н. Курвуазье былъ начальникомъ новаго дополнительнаго дивизіона большихъ моторныхъ катеровъ-тральщиковъ.

2-ой дивизіонъ тральщиковъ, миноносцы типа «Соколъ»:

Нач. див. Кап. 2 р. В. О. Шварцъ
«Прыткій» —
«Прочный» — стар. лейт. В. И. Дуровъ
«Подвижный» — ст. лейт. Н. В. Кулибинъ
«Послушный» —
«Поражающій»
«Рьяный»
«Ретивый» — лейт. Репнинъ, затѣмъ лейт. Г. Скальскій, затѣмъ лейт. Кононовъ.
«Рѣзвый»

3-ій дивизіонъ (нефтяники «Богатыри»)

Нач. дивизіона — кап. 2 р. А. Экенбергъ
«Илья Муромецъ»
«Микула Селяниновичъ»
«Добрыня Никитичъ»
«Алеша Поповичъ»
«Чайка»

4-ый дивизіонъ — кап. 2. р. Б. М. Четверухинъ

1-ая группа:
«Запалъ« — лейт. Слезкинъ.
«Минрепъ» — лейт. Бойе.
«Фугасъ» — погибъ у Суропск. прол. осенью 1916 г., лейт. Бѣлоусовъ.
«Взрывъ» — погибъ въ 1916 г. лѣтомъ, мичм. В. О. Старкъ.
2-ая группа: кап. 2 р. Г. С. Домбровскій 3-ій.
«Капсюль» — подпор. Краукле.
«Крамболъ» — мичманъ С. П. Товстолѣсъ.
«Грузъ» — подпор. Берсъ, спасенный съ тр-ка «Щитъ».
«Щитъ» — погибъ въ ноябрѣ 1916 г.

Въ своемъ разсказѣ, отнюдь не ставлю себѣ цѣлью писать «Исторію Дивизіи траленія минъ Балт. флота». Даю лишь отдѣльные штрихи изъ періода (2½ года), когда самъ плавалъ на дивизіи. (П. А. Варнекъ, съ присущей ему вдумчивостью, кропотливо и хорошо, собралъ очень точные матеріалы по этому вопросу).

2-ой отрядъ. Нач-къ Кап. 1 р. С. В. Ковалевскій 2-ой (по 31 Декабря 1915 г.)
Помощ. по хозяйств. части ст. лейт. Г. С. Домбровскій 3
Флагм. штурм. — лейт. Вонлярлярскій, старш. офиц, транспорта-базы «Тр-къ Проводникъ».
Флагм. Минеръ — ст. лейт. П. Н. Перебаскинъ
Флаг. инж. мех. — ст. лейт. В. Н. Танфильевъ
Флагъ офицеръ — мичм.

5-ый дивизіонъ. Нач-къ, кап. 2 р. В. А. ф. Глазенапъ.

Тральщикъ № 1 — лейт. бар. А. Э. Роппъ 1
" 2 — лейт. кн. В. К. Тумановъ
" 3 — мичм. Товстолѣсъ
" 4 — лейт. Ф. А. Сарычевъ
" 5 — лейт. Башмаковъ
" 6 — мичм. Эфросъ (погибъ вмѣстѣ съ кораблемъ лѣтомъ 1915 г.)
" 7 — лейт. В. В. Лоховъ
" 8 — лейт. Б. Д. Макаровъ

6-ой дивизіонъ. Нач-къ дивизіона Кап. Корп. Гидрограф. Бар. Унгернъ-Штернбергъ.

" 9 — мич. Н. Э. фонъ Эттлингеръ
" 10 — прап. Гржегоржевскій
" 11 — лейт. В. Н. Заломановъ
" 12 — мичм. Б. И. Гавришевъ

" 21 — лейт. Хвицкій
" 22 — лейт. М. С. Миклашевскій
" 23 — лейт. Ф. Л. б. Роппъ
" 24 — поруч. Бредисъ

7-ой дивизіонъ. Нач. Див.: Кап. 2 р. А. П. Зотовъ (въ 1915 г.) Тральщики №№ 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20.

8-ой Дивизіонъ. Большіе моторные катера, строились въ Або. Нач. дивизіона В. В. Вонлярлярскій (съ середины 1916 г.).

Въ самомъ началѣ войны, съ ея первыхъ дней, положеніе для насъ въ Балт. морѣ было весьма серьезнымъ. Поставленныя распоряженіемъ Команд. флотомъ, адм. Эссена, загражденія на линіи Поркаллаудъ-Наргенъ нѣсколько уменьшили возможность быстраго прорыва германскаго флота къ мозгу Россіи — Петербургу, но не исключили ея. Отсутствіе въ средѣ дѣйствующаго флота лин. кор. «Андрей Первозванный», бывшаго въ аварійномъ ремонтѣ, и неимѣніе современныхъ судовъ типа «Дредна-утъ» и миноносцевъ, крейсеровъ и подв. лодокъ давило связанностью, но духъ флота, воспитаннаго адм. Н. О. Эссеномъ, былъ высокъ, и этимъ, флотъ былъ гордъ и готовъ къ неравному бою.

Быстрыми шагами прошла организація минной обороны и обезпеченіе свободныхъ отъ минъ путей для выхода своихъ судовъ. Служба связи, поставленная идеально еще въ мирное время, благодаря организаторскому таланту кап. 1 р. Непенина, по степени своей освѣдомленности и координаціи дѣйствій, превзошла всѣ ожиданія. Состояніе погоды, въ любомъ пунктѣ, въ любое время, всѣ малѣйшія измѣненія въ воздухѣ, на поверхности воды и подъ водой — все было извѣстно во время и немедленно сообщалось для освѣдомленія кому надо, будь то — штабъ флота, отдѣльныя части или даже одиночный, подчасъ мелкій, корабль. Служба связи знала все и, что самое главное, всегда во время. Отмѣнно хорошо налаженная контръ-развѣдка, черезъ агентуру, расшифрованіе телеграммъ и особо внимательное наблюденіе за всѣмъ происходящимъ вокругъ, дополняло полноту картины. Въ началѣ войны — «партія», а, затѣмъ, дивизія траленія съ самого начала войны стала нести потери. Такъ продолжалось всю войну, да и не мудрено: наша обязанность была найти и уничтожить непріятельскія мины, равно какъ уничтожить и плавучія, а тѣхъ и другихъ были многія и многія сотни. Уже ...., по одному подозрѣнію, в раіонѣ .... стали работать тральщики и нашли германскія загражденія. Работа шла въ непосредственной близости герм. легкихъ крейсеровъ и тр-ки понесли первую потерю. На загражденіи взорвался и погибъ тр-къ «Проводникъ», и съ нимъ его командиръ, лейт. Князевъ.

Миноносцы, прикрывавшіе операцію, были слабы и небыстроходны, а врагъ былъ близокъ, обладая бóльшей, чѣмъ миноносцы, скоростью, и новѣйшей артиллеріей. Это былъ легкій крейсеръ «Аугсбургъ». Тральщикамъ, по сигналу эск. мин. «Видный» пришлось, подъ огнемъ непріятеля прекратить работу, чтобы укрыться въ шхерахъ. Тральщикъ «Якорь» задержался съ уборкой трала и его гибель была несомнѣнна. Залпы «Аугсбурга» окружали его непрерывной стѣной всплесковъ. Но судьба была милостива и, несмотря на явное накрытіе, «Якорь» остался цѣлъ. Въ теченіи перваго года войны кромѣ «Проводника» погибли: Тр-къ № 6 (мичман Эфросъ), на минѣ во время постановки по усиленію Центральной позиціи. Возникъ пожаръ. Взорвалась своя мина. К-ръ былъ снятъ съ, оставшейся нѣкоторое время плавать носовой части тральщика. Награжденъ былъ орд. Владиміра 4-ой степени с мечами и бантомъ.

Когда я лично попалъ на дивизію (17 іюля 1915 г.) она уже представляла собой вполнѣ сплававшуюся организацію. Я былъ назначенъ на 2-ой отрядъ (Южный), которымъ командовалъ кап. 1 р. С. В. Ковалевскій. Будучи назначенъ флаг. штурманомъ, и, одновременно, и. д. стар. офицера базы «Тр-икъ Проводникъ», я съ большимъ интересомъ попытался разобраться въ той кучѣ секретныхъ сообщеній, которыя приходились на долю оперативной части. Мой предшественникъ, лейт. X. не очень утруждалъ себя составленіемъ отчетливыхъ и наглядныхъ картъ, гдѣ бы можно было, не прибѣгая къ пересматриванію, каждый разъ, передъ очереднымъ походомъ, секретныхъ циркуляровъ операц. части флота и радіо Н-ка службы связи, отдѣльныхъ Н-ковъ отрядовъ и дивизій, дивизіи траленія и Н-ковъ укрѣпленныхъ позицій и потому ничего наглядного не было. Вся секретная штурманская часть хранилась въ довольно большой, но, узкой, продолговатой каютѣ у переборки подшкиперской и отрядной канцеляріи. Въ ней былъ столъ для картъ, еще 2-3 стола поменьше, и стоялъ большой, 18 x 30", и высотой дюймовъ 15, желѣзный, тяжелый ящикъ для секретныхъ картъ и документовъ. Замокъ былъ просто висячій, и другой, в корпусѣ ящика, весьма простой, для 2-го ключа. Дверь каюты тоже запиралась. Ключи хранились у меня, запасная пара в каютѣ командира, который въ то время былъ мой двоюродный братъ, ст. лейт. Г. С. Домбровскій. «Тральщикъ Проводникъ» былъ судномъ 2-го ранга. Мы носили гюйсъ и имѣли артиллерію изъ 5 — 75 мм. орудій, изъ коихъ одно на полубакѣ, 2 на шкафутѣ, по одному съ борта, и 2 на полуютѣ. Когда я принялъ оперативную часть, то былъ, конечно, удивленъ способу храненія секретныхъ картъ и документовъ. Очень просты были замки, да и каюта, все это хранящая,

была почти внѣ офицерскаго отсѣка и, совершенно на отлетѣ отъ каюты флагм. штурмана. Тѣмъ не менѣе, я, предупредивъ Н-ка отряда, занялся нанесеніемъ всѣхъ минныхъ загражденій на генеральную карту Балтійскаго моря, дабы имѣть ее для справки при работахъ, а, затѣмъ, отдѣльныхъ частей входа въ финскій и Рижскій заливы, раіонъ Готланда, Аландскіе острова, Ганге, Лапвикъ-Оденсгольмъ-Нуккэ-Вормсъ-Даго — и Вестовой части Финскаго залива отъ линии Руссарэ-Такона, до линіи, чуть восточнѣе Гельсингфорсъ-Ревель. Все что было къ Осту насъ не интересовало — мы тамъ не работали никогда. То былъ раіонъ, считавшійся достаточно обезпеченнымъ. Картина, которую я, постепенно, выяснилъ своей работой была очень интересна, здорово все было засыпано минами и что, всего интереснѣе, поля пересѣкали всѣ линіи логичныхъ курсовъ вдоль германскаго побережья, всѣ подходы къ заливамъ и главнымъ портамъ, и всѣ, наиболѣе крупные и сравнительно безопасные, входы въ шхеры. Когда я началъ свою работу, линія передовой позціи уже ставились, но работа еще не была закончена, т. к. предполагалось установить сѣть, перекрещивающую заливъ отъ Руссары до Таконы. Германскія лодки проникали въ заливъ и надо было имъ, если не преградить совсѣмъ, то усложнить проходы. Уже въ первую недѣлю, 17-24 іюля, по моемъ прибытіи, мы перешли изъ Ревеля въ Балтійскій портъ — нашу оперативную базу. Стоя въ ней, мы были ближе всего къ мѣсту нашихъ главныхъ работъ и быстрѣе могли выполнить любое заданіе. На слѣдующій день по приходѣ, мы должны были выйти въ море однимъ дивизіономъ и протралить узелъ, сходившихся, къ О-сту отъ о. Оденсхольмъ, фарватеровъ, а затѣмъ, обогнувъ Оденсхольмъ, до точки скрещенія фарватера Нордъ-Зюйдъ у передовой позиціи, выходного в Балтійское море, входа въ Моонзундъ, и вернуться обратно въ Балтійскій Портъ. Вышли съ подъемомъ флага, «Проводникъ» лѣвымъ головнымъ въ строѣ пеленга WNW-OSO и тральщики № 22 (лейт. М. С. Миклашевскій) и № 23 (бар. ф.-д. Роппъ), № 1 (бар. А. ф.-д. Роппъ) и № 2 (кн. Тумановъ), № 7 (В. В. Лоховъ), № 8 — (В. Н. Заломановъ), № 9 (Эттлингеръ) и № 10 (Низовскій. Погода мглистая, тихая, легкій N 1-2 балла. Къ 11 стали набѣгать полосы тумана, а къ 12 горизонтъ былъ не болѣе двухъ миль. Ходъ, съ тралами («Проводникъ» трала не несъ въ этотъ походъ) 6 узловъ. Сѣли обѣдать. Около 12:45, я всталъ изъ за стола и вышелъ на палубу съ цѣлью пройти на мостикъ и посмотрѣть, какъ идемъ и какова погода, Только что началъ всходить по трапу лѣваго борта какъ сигнальщикъ обратился ко мнѣ: «В. В.! смотрите, — никакъ нѣмецкая лодка, кажись?!» Повернувъ голову, я увидѣлъ въ туманѣ, на лѣвомъ

траверзѣ, не далѣе 1-½ — 2 миль отъ насъ характерную линію темносѣраго корпуса, застывшей безъ движенія лодки. Рубка ее была видна хуже. Лучше было видно съ палубы, чѣмъ съ мостика. Вахтеннымъ начальникомъ стоялъ молодой мичманъ, меньше года назадъ выпущенный изъ корпуса. Онъ былъ на правомъ крылѣ, поэтому, я, первымъ и получилъ докладъ. Отдавъ распоряженіе замкнуть авральный звонокъ, я приказалъ своему вѣстовому принести мнѣ бушлатъ, т. к. было холодно и сыро, (а вышелъ я, лишь, въ кителѣ), а къ тому же, онъ былъ и спасательный! Въ одно мгновеніе, всѣ были по мѣстамъ и кап. 1 р. Ковалевскій приказалъ положить право на бортъ, имѣя цѣлью привести лодку подъ корму и, въ то же время, приказалъ открыть огонь. Спросивъ у него разрѣшеніе, въ этомъ случаѣ оставить мостикъ, и управлять огнемъ кормовыхъ орудій, я помчался на ютъ. Пока я добѣжалъ, орудія уже дали по первому выстрѣлу, и конечно, какъ полагается, перелетъ, и въ сторону (стрѣляли на циркуляціи) съ установкой прицѣла 20 кабельтовыхъ, тогда какъ лодка была не болѣе 1-½ — 2 миль. Когда я былъ уже на ютѣ и приказалъ дать установку 10 каб., лодка встрепенулась и дала ходъ. Оба орудія развили бѣглый огонь, но снаряды, хотя и ложились близко отъ рубки лодки, но — попаданій не было. Лодка увеличивая ходъ положила право на бортъ, намъ въ догонку. «Проводникъ» шелъ 12 узловъ. Она догоняла. Я послалъ на мостикъ моего ординарца доложить Нач-ку отряда, что прошу уменьшить ходъ и только держать лодку подъ кормой, т. к. сильно трясетъ отъ хода корму и правильная наводка трудна. Тр-ки № 22 и 23 были отъ лодки на томъ же растояніи какъ и мы (вооруженія у нихъ не было никакого) и Н-къ отряда безпокоился о нихъ. № 9 и 10 стрѣляли изъ своихъ кормовыхъ орудій. Въ паденіяхъ было трудно разобраться. «Проводникъ» не уменьшалъ хода. Начальство мою мысль признало неподходящей. Все это происходило быстро и прошло, въ общемъ, съ момента открытія огня, минутъ 5. Шла лодка, думаю, узловъ 15-16, не погружаясь и, въ надводномъ положеніи, догоняла насъ. Огня она не открывала. Очевидно к-ръ ея не хотѣлъ держать людей наверху на случай внезапной необходимости спѣшнаго погруженія. Она уже легла намъ въ кильватеръ и, я мечталъ, что сейчасъ намъ легче будетъ ее подбить, когда, вдругъ, лодка положила «лѣво-на-бортъ» и покатилась на Вестъ. Нашъ курсъ былъ — чистый Остъ и, въ теченіи 2-3 минутъ, лодка скрылась в туманѣ. Дали радіо и получили приказаніе вернуться въ Балтійскій портъ, что, и сдѣлали. Мин-цы 5-го дивизіона («Невки» т. е. «большіе Сокола»), пошли ловить нашего врага. Сидя вечеромъ за ужиномъ, я спросилъ С. В. Ковалевскаго, почему онъ не отдалъ приказанія уменьшить ходъ, тогда намъ

легче было бы пристрѣляться и были безопасны мины лодки? Онъ отвѣтил: «Ты — молодой, и тебѣ побольше грому, а мнѣ надо думать о №№ 22 и 23, какъ бы лодка ихъ не ущучила. А если бы она открыла огонь и потопила бы ихъ?» Я отвѣтилъ, что если бы она открыла огонь, то и у насъ было бы больше шансовъ подбить ее, т. к. она не смогла бы тогда быстро уйти подъ воду, имѣя прислугу у орудій. Въ общемъ у меня осталась неудовлетворенность. Писались гдѣ то реляціи, я въ нихъ участія не принималъ. Послѣ прочелъ приказъ о награжденіи меня первымъ моимъ орденомъ, Станислава 3 ст. съ мечами. Милѣйшій человѣкъ былъ С. В. Ковалевскій. Большой баринъ, любившій хорошо и вкусно выпить и закусить, хлѣбосолъ, имѣвшій безконечное количество друзей. «Артурецъ», имѣвшій за Артуръ 4 боевыхъ награды, до Владимира 4 ст. съ мечами включительно. С. В. въ данномъ случаѣ, по моему, «тяжеловато» развернулся. По моему, если мы держали лодку подъ кормой, она намъ уже почти не опасна, а, чѣмъ ближе ее подпустить, тѣмъ, хуже для нее.

Съ этого момента, рѣдкій походъ проходилъ безъ того, чтобы мы не видѣли торчащей, гдѣ то на горизонтѣ, рубки герм. лодки въ полу-погруженномъ состояніи, если погода мглистая, и частые перископы, если все ясно. Тѣмъ не менѣе, до конца 16-го года, лодки насъ рѣдко атаковывали, Слѣдили ли они за нашей работой или считали насъ за «мелочь», или, считались съ тѣмъ что мы вооружены и всегда на чеку. Много разъ, когда я командовалъ тральщикомъ № 4 («Минеръ» бывш. герм. пароходъ «Аіах») идя въ виду береговъ, я получалъ, съ береговыхъ постовъ, предупрежденія отъ Нач-ка Службы Связи, что близь моего курса находится герм. лодка. Такъ было, когда я шелъ изъ Риги въ Ревель лѣтомъ 16 года, на походѣ изъ Соэло-Зундъ къ м. Фильзандъ, и на походѣ Ганге-Тагелахта. Всѣ три раза, А. И. Непенинъ «видѣлъ и слышалъ» «гдѣ» я иду и «что» вокругъ меня. Въ Балтикѣ, мы чувствовали, что, в эту войну «Никола Угодникъ» съ нами, а ему помогаетъ и «Адріанъ». Никому, сколько я знаю, въ голову не приходило, что вся наша жизнь ходить по минамъ и обнаруживать новыя поля своимъ собственнымъ бортомъ — опасна.

Объ этомъ не только не думали, но просто забыли, т. к. это было обыденно, а разъ это обыденно, то и мысль не приходила въ голову. 2-ой отрядъ, благодаря тому, что Нач-къ былъ съ Дальняго Востока, на 90 процентовъ былъ укомплектованъ «восточниками». Вотъ почему туда попалъ и я, хотя былъ увѣренъ, что попаду на минную дивизію. Случайная встрѣча съ С. В. Ковалевскимъ, въ день моего прибытія въ Гельсингфорсъ, для явки въ Штабъ К-щаго флотомъ, рѣшила все. «Кречетъ» ушелъ въ это

утро в Ревель, а очередной пассажирскій пароходъ «Egir» шелъ на слѣдующій день. Встрѣтивъ С. В. Ковалевского въ собраніи, я не предполагалъ, что онъ сейчасъ же, не спросивъ о моемъ желаніи, запроситъ Штабъ К-щаго о моемъ назначеніи къ нему на отрядъ. Велико было мое удивленіе, когда черезъ день, явившись въ Штабъ, я узналъ отъ флагъ-капитана по распорядительной части, кап. 1 р. Тимирева, что уже назначенъ по просьбѣ С. В. Ковалевского, на 2-ой отрядъ и, что К-щимъ приказъ уже подписанъ. Я былъ огорченъ и сказалъ объ этомъ Тимиреву. Онъ разсмѣялся и сказалъ, что, повидимому, мнѣ хочется побольше боевой активности, такъ, — не стоитъ огорчаться — тральщики одна изъ самыхъ боевыхъ частей флота и опасности будетъ достаточно. Къ тому же, не въ принципѣ К-щаго, отмѣнять только что подписанный приказъ. Пришлось покориться. На отрядѣ, я нашелъ, что знаю почти всѣхъ. Начальн. отряда, С. В. Ковалевскій, на Востокѣ въ 1913/14 гг. командовалъ экс. мин. «Лейт-Сергѣевъ» въ парѣ съ эск. мин. «Безпощадный» (ст. лейт. Г. С. Домбровскій) (станціонеры в Ханькоу). Нач-ки дивизіоновъ 5-го, кап. 2 р. В. А. Глазенапъ, 6-го — кап. корп. гидр. баронъ Ф. Ф. Унгернъ Штенбергъ и 7-го кап. 2 р. А. П. Зотовъ. Командиры тральщиковъ‘

В 1915 ГОДУ

1 — лейт. бар. А. Э. Роппъ съ «Аскольда»
2 — лейт. кн. В. К. Тумановъ съ «Жемчуга»
3 — мичм. Товстолѣсъ
4 — лейт. Ф. А. Сарычевъ съ Амурской флотиліи
5 — лейт. Башмаковъ
6 — мичм. Эфросъ
7 — лейт. В. В. Лоховъ съ «Аргуни»
8 — лейт. В. Н. Заломановъ с «Инж. мех. Анастасовъ»
9 — мичм. Эттлингеръ
10 — лейт. Понизовсій съ 1-го дивизіона м-сцевъ Сиб. флот.
11 — мичм. Э. И. Ренойянъ
12 — мичм. Б. Г. Гавришевъ

21 — лейт. Хвицкій — съ «Аргуни»
22 — лейт. Миклашевскій — съ «Аргуни»
23 — лейт. бар. Т. Л. фонъ деръ Роппъ — съ «Уссури», затѣмъ — «Аргуни»
24 — поруч. Бредисъ

У меня быстро установились очень хорошія отношенія со всѣми Н-ками Дивизіоновъ, изъ коихъ я считалъ что бар. Ф. Ф. Унгернъ-Штернбергъ былъ особо хорошимъ. Средняго роста,

блондинъ, съ сильно обвѣтреннымъ лицомъ, типа «негативъ», онъ подкупалъ своей дружественной простотой, въ то же время, въ немъ чувствовался прекрасный и исполнительный начальникъ. Что бы ни было, баронъ, во всякую погоду, поведетъ свой дивизіонъ и выполнитъ заданіе въ срокъ и какъ надо. Хоть и В. А. Глазенапъ и А. П. Зотовъ были тоже «серіозные» люди, но въ баронѣ чувствовалось, какъ бы, бо́льшій морякъ-офицеръ.

Въ августѣ было нѣсколько свѣжихъ погодъ и, одной изъ нихъ, были порваны противолодочныя сѣти загражденія подхода къ Ревелю. На обрывокъ такой сѣти наскочилъ тральщикъ № 6 (мичм. Эфросъ), взорвались противолодочные патроны и тральщикъ погибъ у южной оконечности Наргена. Погибъ и к-ръ мичм. Эфросъ и 3 матроса. Война требуетъ жертвъ, но эта была особо трагична, по своей обстановкѣ, гибели на своемъ же рейдѣ, на своей же защитѣ.

Въ Сентябрѣ, я, трижды ходилъ съ дивизіономъ бар. Унгерна, такъ какъ тралили новые раіоны для новыхъ стратегическихъ фарватеровъ, для обеспеченія маневренныхъ сообщеній, между передовой и центральной позиціями. Тралили только днемъ, стараясь засвѣтло оказаться у мѣста ночевки (или у Оденсгольма, входѣ въ Моннзундъ или у Балт. порта). Уже при подходѣ, я долженъ былъ торопиться дать точную «кальку» съ того, что мы сдѣлали за день, дабы, по приходѣ, дежурный катеръ службы связи доставлял ее: или въ штабъ Дивизіи, или, въ случаѣ экстренности заданія, прямо въ Штабъ Флота и тогда уже, — дубликатъ въ Штабъ дивизіи, я заканчивалъ по постановкѣ на якорь. Приходилось работать на мостикѣ закрытымъ особо длиннымъ прокрашеннымъ парусиновым обвѣсомъ. Снимая на кальку раіонъ, и, нанося точные пункты опредѣленій, широко примѣнялъ, если позволяла погода, опредѣленіе по 2 угламъ съ повѣрочными пеленгами. Пускалъ въ ходъ все: и крюйсъ-пеленги и Сомнера и по 3 пеленгамъ, т. к. отвѣтственность была большая и нужна была особая точность. Работать съ бар. Унгерном было очень пріятно. Онъ самъ былъ гидрографъ (въ прошломъ, участникъ японской войны) Много интереснаго и поучительнаго узналъ и я научился отъ него. Погоды были уже свѣжія. Два раза обнаруживали мины. Первый разъ у входа въ Моонзундъ, второй, къ Весту отъ Верхн. Дагерорта. Вводились уже носовые тралы, но не на всѣхъ еще были установлены (форъ-тралъ). Въ октябрѣ, усиленно тралили фарватеры Балт. п.-Оденсхольмъ, и дальше Оденсъ-Дагерортъ. Нужно было держать ихъ открытыми всегда, т. к. крейсера ходили и въ Балтику и въ Рижскій заливъ и м-сцы опять начали усиленныя постановки у германскихъ береговъ. 27-го октября утромъ, имѣя предупрежденіе, что у Оденсгольма и мыса

Шпитгамнъ часто ночуютъ герм. лодки, мы вышли изъ Балт. Порта еще до разсвѣта, и съ нимъ подошли къ исходной точкѣ у Цигельскопеля. Погода была неважная. Вѣтеръ: Норд-норд-ост-норд-ост, балловъ до 6 и крутая волна. Еще наканунѣ вечеромъ на собраніи капитановъ выяснилось, что: въ одинъ пріемъ протралить фарватеръ Ревель-Дагерортъ не удастся, а въ темнотѣ работать безсмысленно. Огней нести нельзя. Темно — ни зги не видать и держать нужное разстояніе, чтобы не разойтись и не порвать траловъ физически невозможно. Нужно гдѣ-то ночевать, а удаляться отъ мѣста работъ нельзя, чтобы не терять время на подходъ. Работа была большая. Н-къ отряда рѣшилъ, что, доведемъ въ первый (27-го) день до Оденсгольма и будемъ ночевать, либо въ Балт. порту или у входа въ Моонзундъ. Лучше бы всего: у Оденсгольма, но — тамъ герм. лодки. Н-къ дивизіона, бар. Унгернъ считалъ, что итти на ночь въ Балт. портъ большая потеря времени и что придется будить команду утромъ въ 4 часа, чтобы къ разсвѣту успѣть подойти къ мѣсту продолженія работъ. Лучше дойти сколь можемъ, съ тралами до Норд-Вестовой оконечности Оденсхольма и стать на ночь у Вормса или Нуккэ въ Моонзундѣ. Такъ сохранится время. Такъ и рѣшили. «Проводникъ», подъ брейдъ-вымпеломъ Ковалевскаго, шолъ съ тральщиками до траверза Балт. порта. Нѣсколько пройдя его мы повернули въ Балт. портъ, съ разсчетомъ взять запасные тралы изъ склада, и, утромъ нагнать дивизіонъ на траверзѣ Моонзунда, и съ нимъ, пройти въ море и ночевать въ Моонзундѣ. Часовъ въ 6 вечера, уже будучи въ Балт. порту, приняли радіо отъ бар. Унгерна, что тр-къ №4 взорванъ подв. лодкой и погибъ, и, что онъ занятъ спасеніемъ команды. Вѣтеръ былъ уже 7-8 балловъ и зашелъ больше къ Норд-Осту. Идти на помощь не было смысла, т. к. «Проводникъ» былъ слишкомъ великъ для этого, а потому остались ждать прихода Унгерна. Часовъ въ 10-11 ночи въ Балт. порт пришелъ Унгернъ съ №№ 5, 7, 8. Не хватало 4, 12 и 23. Докладъ Унгерна былъ таковъ: Рѣшивъ дойти съ тралами до конца сумерковъ, онъ уже приказалъ убрать тралы и поднялъ «I», чтобы идти къ Вормсу. Тральщики уже вступили въ кильватеръ и огибали Норд-Вестовый мысъ Оденсхольма, какъ вдругъ, справа, были обнаружены 4 минныхъ слѣда. Не успѣли открыть огонь, какъ, одна изъ минъ попала въ бортъ №4. Громадный черно-бѣлый столбъ поднялся къ небу. Черезъ минуту тральщикъ стоялъ вертикально носомъ вверхъ и затѣмъ, словно кто-то дернулъ его за корму, быстро ушелъ кормой въ воду. Темнѣло. Со всѣхъ тральщиковъ открыли огонь по мѣсту, откуда шли мины, но конечно, успѣха не имѣли. Подобрали большую часть команды; двухъ офицеровъ и человѣкъ 30 матросовъ. Не хватало коман-

дира и еще человѣкъ 6-8 команды. Кто то изъ спасшихся показалъ, что К-ръ (лейт. Сарычевъ) былъ виденъ въ водѣ послѣ взрыва съ рулевымъ и сигнальщикомъ. Бар. Унгернъ рѣшилъ ихъ искать. Темно, холодно, вѣтеръ, волна. Правильно рѣшивъ, что остальную команду №4 отнесло къ Зюйду, онъ туда и пошелъ и черезъ 1½ часа послѣ взрыва всѣхъ и подобралъ. При самомъ взрывѣ погибло: 5 или 6 чел. машинной команды (глав. обр. кочегары). Мина попала позади мостика и развернула бортъ у кочегарокъ и машины. Ф. А. Сарычевъ и остальные спасенные, были, совсѣмъ синіе отъ холода. Ф. А., здоровый, широкоплечій мужчина, сразу казался похудѣвшимъ, что не помѣшало ему, на правахъ «потерпѣвшаго», выпить самостоятельно, чуть не въ два пріема, бутылку «бискви-дюбушэ», которую я ему предложилъ. Цвѣтъ его лица былъ изсиня-бѣлый. Да и не мудрено. Это было чудо, что за 1½ часа въ водѣ 5-6° сердце не сдало. Повидимому нервный подъемъ помогъ справиться съ холодомъ. Унгернъ доложилъ Ковалевскому, что разрѣшилъ тральщикамъ № 23 и 12 управиться и «по способности», т. к. № 23 (б. небольшой финляндскій пассажирскій пароходъ) было бы тяжело идти лагомъ къ волнѣ въ эту погоду въ Балт. портъ. На слѣдующій день, 28-го, мы, выйдя въ море, и соединившись съ остальными, узнали продолженіе исторіи. Лейт. бар. Роппъ и мичм. Б. И. Гавришев рѣшили не уходить далеко, и т. к. лодка была у Зюйдового берега Оденсхольма, повидимому рѣшивъ тамъ ночевать, то будетъ лучше, если оба тральщика заночуютъ по Нордовую сторону. № 12 сталъ на якорь, вытравивъ канатъ чуть не до жвака-галса, а №23, ошвартовался къ нему бортъ о бортъ. Условились простоять ночь, сняться за полчаса до разсвѣта, т. к. если лодка будетъ вблизи, то они, будучи на ходу, могутъ успѣть увернуться отъ минъ, да, и, при случаѣ, успѣть таранить лодку. Еще было темно, когда стали сниматься съ якоря. Оба командира были на мостикахъ, №23 былъ съ навѣтренняго, мористаго борта, думая отдѣлиться отъ № 12, когда якорь придетъ на «панеръ». Но вдругъ, къ онѣмѣнію обоихъ к-ровъ, раздался крикъ сигнальщика: «мины!». Двѣ струи быстро приближались къ тральщикамъ, одна, — идя прямо подъ мостикъ, другая — подъ корму. Оба, и бар. Т. Л. фонъ деръ Роппъ и Б. И. Гавришевъ признались потомъ, что одинъ (Б. И. Гавришевъ) думалъ: «не въ меня перваго», а второй -- «слава Богу, что бортъ о бортъ. Перескочить успѣемъ, можетъ быть!» Но вотъ, струя скрылась изъ вида стоявшихъ на мостикахъ. Сейчасъ взрывъ. Но, странно, — его нѣтъ. Царившая гробовая тишина смѣнилась радостью. «Промазалъ нѣмецъ!». Быстро снялись съ якоря и пошли кружиться по мѣсту и открыли огонь по водѣ. Результатъ извѣстный —

ноль попаданій. Но, нѣмецъ — не промазалъ. Выскочившая, на №23, машинная команда спрашивала, что за ударъ только что былъ по корпусу? Мина попала въ самую середину борта №23, но ударившись, скользящимъ ударомъ о корпусъ, прошла подъ киль и выбросилась на берегъ о-ва Оденсгольмъ. Повидимому, либо выпущена была со слишкомъ близкого разстоянія, и предохранительная вертушка не успѣла свернуться и освободить ударникъ, либо былъ другой недочетъ, уже въ ударникѣ мины. Во всякомъ случаѣ, Т. Л. Роппа и Гавришева поздравляли, но перваго въ особенности, и, заявивъ, что онъ «выигралъ больше чѣмъ 200.000», заставили поставить ужинъ на «Горкѣ», что онъ и выполнилъ и, не одинъ разъ. Работу, на слѣдующій день, удалось закончить, а затѣмъ и повторить въ обратномъ порядкѣ, возвращаясь въ Ревель. Это былъ третій корабль нашей дивизіи погибшій съ момента моего прибытія на нее.

Окончаніе слѣдуетъ.

А. В. Кованько

НА «ВАРЯГѢ» ВЪ ПЕРСИДСКОМЪ ЗАЛИВѢ ВЪ 1901 ГОДУ

Изъ воспоминаній капитана 1 ранга А. В. Кованько.

Изъ Адена мы пошли въ Персидскій заливъ, куда, какъ мы потомъ узнали, мы были посланы для того, чтобы посмотрѣть, что продѣлываютъ тамъ англичане. Въ то время шла война, вѣрнѣе войнишка, между турками и Ковейтскимъ шейхомъ, на сѣверѣ залива. Въ чемъ заключались причины этихъ военныхъ дѣйствій, никто въ точности не зналъ, но фактъ былъ на лицо, — турки и арабы дрались между собой, а въ сторонѣ держались англичане, помогавшіе то тѣмъ, то другимъ, чего то выжидая — что именно и желало, повидимому, знать наше правительство.

Нужно замѣтить, что безпроволочный телеграфъ тогда только вводился въ дѣйствіе. У насъ онъ былъ поставленъ въ Кронштадтѣ, передъ уходомъ на востокъ, но имъ почти что не пользовались, такъ какъ зналъ его, только немного, всего одинъ изъ

нашихъ матросовъ, минеръ-электрикъ, наскоро подъученный въ Кронштадтѣ. Телеграфъ нашъ дѣйствовалъ на 100 миль, не больше. Поэтому, всѣ сообщенія съ Петербургомъ дѣлались черезъ нашихъ консуловъ, по береговому телеграфу.

Итакъ, мы вышли изъ Адена, Богомъ проклятаго мѣста — песчаная пустыня, ни кусочка зелени, страшный зной, ни одного источника прѣсной воды. Собиралась дождевая вода, которая держалась въ огромныхъ, искусственныхъ вмѣстилищахъ.

Выйдя въ Индійскій океанъ, спустя нѣкоторое время, мы повернули на нордъ-нордъ-вестъ и, при легкой океанской волнѣ, при прохладномъ вѣтрѣ, быстро стали подходить ко входу въ заливъ.

Первымъ мѣстомъ, гдѣ мы должны были остановиться, былъ Маскатъ — столица Оманскаго султана, вполнѣ независимаго, если можно такъ сказать, монарха. Страна его расположена на юго-восточной окрайнѣ Аравіи, какъ разъ у входа изъ океана въ Персидскій заливъ.

Была чудная, лунная ночь, когда мы подходили къ берегу, видъ котораго былъ феерическій. Подходя все ближе и ближе къ берегу, мы, наконецъ, встали на якорь очень близко отъ него. На всякій случай приготовили прожектора, чтобы освѣтить гористый берегъ, т. к. страна была дикая и мало-ли что можно было ожидать отъ населенія.

Какъ я упомянулъ выше, картина была феерическая. Луна освѣщала причудливыя, старинныя, генуэзскія зубчатыя, крѣпостныя башни — вдали виднѣлся, какъ казалось при лунѣ, сказочный бѣлый дворецъ, весь въ аркахъ, чисто арабскаго стиля. Окружающіе дома были простыя хижины.

Не успѣли мы встать на якорь, какъ съ берега подошла шлюпка и, на скверномъ англійскомъ языкѣ, какой то чалмоносецъ сталъ допытываться, какой національности пришелъ военный корабль — англійскій, французскій, нѣмецкій, или какой нибудь другой націи. Въ отвѣтъ, что это русскій корабль, онъ отвѣтилъ, что такой національности не знаетъ, и шлюпка отошла къ берегу.

Немного спустя, къ лѣвому трапу подошла другая шлюпка, и изъ нея поднялся на палубу другой чалмоносецъ, и, уже на очень приличномъ англійскомъ языкѣ, освѣдомился, будемъ-ли мы утромъ, въ 8 часовъ, при подъемѣ флага, салютовать націи. Ему отвѣтили, что несомнѣнно, при условіи, что намъ будетъ отданъ салютъ полнымъ числомъ выстрѣловъ. На это чалмоносецъ отвѣтилъ, что у нихъ въ крѣпости есть пушки (какъ мы потомъ узнали, съ дула заряжающіяся, еще временъ генуэзцевъ), и что намъ будетъ отданъ салютъ. При этомъ онъ заявилъ, что у нихъ

нѣтъ нашего флага, а потому онъ проситъ командира ему таковой одолжить на время салюта, чтобы поднять на крѣпостномъ флагштокѣ. Конечно, отказа съ нашей стороны не послѣдовало, и ему дали новый, большого размѣра, нашъ андреевскій флагъ.

На другой день, ровно въ 8 часовъ утра, при чудной солнечной погодѣ, мы подняли нашъ кормовой андреевскій флагъ и гюйсъ, произведя салютъ въ 21 выстрѣлъ, съ подъемомъ на гротъ-стеньгѣ флага Оманскаго султанства.

Немедленно, по окончаніи нашего салюта, на крѣпостномъ флагштокѣ поднялся, одолженный нами, флагъ, и мы получили отвѣтъ равнымъ числомъ выстрѣловъ.

Покончивши съ церемоніей подъема флага и салютомъ, всѣ разошлись, и я вступилъ на вахту. Разсматривая ближе берегъ, при дневномъ освѣшеніи, онъ не показался мнѣ такимъ очаровательнымъ, какъ при лунномъ свѣтѣ. Дворецъ былъ какой-то сѣровато-грязный и окружающіе его дома, самаго примитивнаго вида, вродѣ нашихъ малороссійскихъ мазанокъ, которыя, кстати сказать, горазде приглянѣе.

Приблизительно черезъ полъ-часа какъ я вступилъ на вахту, сигнальщикъ съ передняго мостика прибѣжалъ доложить мнѣ, что съ берега идетъ шлюпка и на ней сидитъ какой то, важно одѣтый, эфіопъ. Сигнальщикъ Скрипниченко, изъ харьковскихъ хохловъ, выражался съ большимъ прибавленіемъ малороссійскихъ словъ, что приводило всегда въ бѣшенство старшаго штурмана. Выраженія его, въ данномъ случаѣ, были очень характерны: — «ѣдутъ якъ на свадьбу — та и разодѣты якъ турецкій салтанъ, а на башкѣ перо якъ у птыци строусъ, що видали у Адени» —

Въ бинокль я увидалъ что, дѣйствительно, съ берега идетъ къ намъ шлюпка, и въ ней, огромнаго роста, негра въ ярко-красномъ, разшитомъ золотомъ, мундирѣ, какъ мы потомъ узнали, стараго образца англійскаго дипломата, и на головѣ у него красовалась, тоже разшитая золотомъ, трехуголка, съ громаднымъ страусовымъ перомъ. Что такое? кто это? Я послалъ доложить старшему офицеру и приказалъ приготовиться фалрепнымъ.

Наконецъ, шлюпка подошла къ лѣвому, почему-то, трапу, и оттуда вышелъ гигантскаго роста негръ, въ костюмѣ, какъ я описывалъ выше, со шпагой на боку. Старшій офицеръ и я встрѣтили его на палубѣ, и просто замерли отъ изумленія! Все было въ порядкѣ — мундиръ, жилетъ, трехуголка — но не было штановъ и ботинокъ. Вижу, вахтенный унтеръ-офицеръ и фалрепные едва удерживаются отъ хохота, да и мы, со старшимъ офицеромъ, дѣлаемъ нечеловѣческія усилія, чтобы не засмѣяться. Типъ этотъ, съ важнымъ видомъ, намъ представился, говоря,

что онъ комендантъ крѣпости — все это на очень скверномъ англійскомъ языкѣ, и вынимаетъ изъ подмышки аккуратно свернутый, одолженный ему нами нашъ флагъ, указывая, при этомъ, что возвращая его, онъ очень сожалѣетъ, такъ какъ вынужденъ будетъ просить его всякій разъ, когда придетъ въ Маскатъ другой русскій военный корабль; — намекъ, чтобы мы ему его оставили и, при этомъ протягиваетъ руку, прося бакшишъ. Ревизоръ, бывшій тутъ-же, достаетъ изъ кармана золотой англійскій фунтъ, и протягиваетъ его коменданту.

Не успѣлъ тотъ его взять, какъ сзади раздался грозный окрикъ: «какъ, генералу, да еще одинъ фунтъ — дать ему немедленно пять и подарить флагъ!». Оборачиваемся — нашъ командиръ! Оказывается, онъ незамѣтно подошелъ и слышалъ весь разговоръ. Ревизоръ опять лѣзетъ въ карманъ и додаетъ генералу-ефіопу, недостающіе четыре фунта, послѣ чего эфіопъ, низко присѣдая, торжественно спускается въ свою шлюпку и отваливаетъ, а командиръ продолжаетъ разносить ревизора за то, что онъ совершенно не умѣетъ обращаться съ иностранными генералами.

Сколько лѣтъ этому прошло, а эта сцена, какъ сейчасъ, стоитъ у меня передъ глазами.

Вскорѣ послѣ этого къ намъ прибылъ французскій консулъ, исполнявшій обязанности также и нашего — вѣдь мы были союзниками Франціи. Приняли его, какъ полагается, со всѣми почестями и салютомъ. Консулъ намъ сообщилъ, что послѣ обѣда, около 2-хъ часовъ, султанъ приметъ командира и офицеровъ у себя во дворцѣ и просилъ быть въ полной парадной формѣ. При тропической жарѣ, это было очень тяжело, т. к. въ бѣлыхъ кителяхъ тогда не разрѣшалось представляться въ торжественныхъ случаяхъ и нужно было одѣвать суконные мундиры. Въ число назначенныхъ офицеровъ попалъ и я. И вотъ, безъ четверти 2, мы всѣ у праваго трапа и ждемъ командира. Все проходитъ по уставу — командиръ насъ приглашаетъ слѣдовать за нимъ, и мы, торжественно, отваливаемъ.

До берега было недалеко и мы входимъ въ маленькую бухточку, скрытую отъ насъ большимъ утесомъ. Какъ только мы завернули за него, какъ увидѣли, стоящихъ въ водѣ, въ красныхъ мундирахъ, и, конечно, безъ штановъ, недалеко отъ берега, здоровенныхъ негровъ — а на берегу консула, который намъ махалъ руками.

Что такое? Застопорили машину катера. Оказывается, около берега очень мелко и къ берегу подойти мы не можемъ, а потому, чтобы намъ не замочиться, на встрѣчу высланы негры-

рабы, которые насъ, какъ младенцевъ, на рукахъ доставили на берегъ, а катеръ остался насъ дожидаться на глубокой водѣ.

Присоединившись къ консулу, мы пошли всѣ вмѣстѣ, въ тотъ дворецъ, который казался намъ такимъ сказочнымъ при лунномъ освѣщеніи. Подойдя ближе, мы увидѣли что это грязное, запущенное, съ трещинами по стѣнамъ зданіе, правда, чуднаго, чисто арабскаго стиля. Дорога къ нему шла по немощеннымъ, пыльнымъ улицамъ, напоминающимъ наши южно-русскія деревни.

Дома, грязныя мазанки — и, повсюду, лошади, да какіе кони! Во всѣхъ дворахъ мы ихъ видѣли и любовались ими. Наконецъ, пришли во дворецъ. При входѣ, внизу, насъ встрѣтилъ самъ султанъ со свитой. Самъ онъ, очень красивый молодой арабъ, окруженный такого-же типа сановниками, хотя нѣкоторые были съ явной примѣсью негритянской крови. Всѣ они были одѣты въ бурнусы бѣлоснѣжнаго цвѣта, съ разноцвѣтными чалмами на головахъ.

Султанъ и его свита очень любезно попросили насъ слѣдовать за ними. Мы поднялись по шаткой, деревянной лѣстницѣ наверхъ, въ какую-то очень бѣдно обставленную залу, со стульями около стѣнъ. Вдоль короткой стѣны, были поставлены кресла, на которыхъ помѣстились султанъ, съ правой его стороны, нашъ командиръ, а съ лѣвой — консулъ. Противъ султана остался стоять переводчикъ, переводившій съ арабскаго на французскій и наоборотъ.

Всѣ торжественно размѣстились — мы, офицеры, на стульяхъ, и начались офиціальныя рѣчи. Началось съ того, что султанъ освѣдомился, какъ поживаетъ его «царственный братъ» — это нашъ Государь! Получивши отъ командира соотвѣтствующій отвѣтъ, онъ задалъ еще нѣсколько малозначущихъ вопросовъ, освѣдомляясь, между прочимъ, зачѣмъ мы сюда пришли и что собираемся дѣлать дальше. Получивши на все соотвѣтствующіе, дипломатическіе отвѣты отъ нашего командира и консула, пріемъ кончился, съ обѣщаніемъ султана пріѣхать завтра къ намъ на крейсеръ. Во время пріема, всѣмъ намъ подавали, въ маленькихъ чашечкахъ, безподобный, настоящій, арабскій кофе. Вотъ это, дѣйствительно, былъ «мокка» — только, къ сожалѣнію, безъ сахара.

Возвратились мы обратно тѣмъ-же путемъ, на спинахъ негритосовъ на катеръ, и на немъ, уже, на крейсеръ. По дорогѣ, до берега, ревизоръ захотѣлъ погладить чудную, вороную арабскую лошадь. Она оскалила зубы и ими разорвала ему рукавъ мундира, до плеча. Ревизоръ страшно обозлился и, почему то, проклиналъ Магомета и всѣхъ арабовъ вообще, какъ дикихъ людей.

По прибытіи на крейсеръ, командиръ долго совѣщался со

старшимъ офицеромъ, какъ устроить султану подобающую встрѣчу. Рѣшено было все сдѣлать какъ для пріема Высочайшихъ Особъ — какъ ни какъ султанъ, хотя и опереточного государства. Былъ призванъ и я, какъ завѣдующій хоромъ нашихъ музыкантовъ. Мнѣ былъ заданъ вопросъ, «есть ли оманскій гимнъ?» Я отвѣтилъ отрицательно и командиръ мнѣ приказалъ, чтобы музыканты играли турецкій или персидскій маршъ, но чтобы было побольше шума и грохоту. Я ему доложилъ, что приму всѣ нужныя мѣры и ручаюсь, что грохота будетъ достаточно. Музыканты наши, за это время, уже подучились играть, и можно было свободно отличить польку отъ какого-нибудь гимна. Командиръ еще настаивалъ, чтобы мѣдныя трубы горѣли, какъ огонь, можетъ быть для того, чтобы султанъ подумалъ, что они изъ чистаго золота, какъ полагается у Русскаго Царя. Въ этомъ я его тоже успокоилъ и сказалъ, что геликонъ особенно всѣхъ поразитъ. Къ слову сказать, на этомъ инструментѣ игралъ матросъ Рогулевъ, убитый, потомъ, въ 1904 г. въ бою при Чемульпо. Онъ самъ походилъ, необычайно, на этотъ инструментъ. Небольшого роста, онъ, въ ширину, былъ почти такой-же, какъ въ высоту, имѣлъ толстеннѣйшія губы, отчего у него былъ, по мнѣнію старшаго вольно-наемнаго музыканта, прекраснѣйшій «амбушуръ». Что это значитъ, я не знаю. Кромѣ того, командиръ установилъ, чѣмъ развлекать всѣхъ нашихъ гостей и сказалъ, что у него будетъ сервированъ чай съ различными вареньями и сластями, т. к. будущіе гости, магометане и вина не пьютъ.

Все было предусмотрено и распредѣлено по ролямъ.

За консуломъ, который, естественно, тоже долженъ былъ присутствовать, будетъ посланъ одинъ изъ нашихъ паровыхъ катеровъ, а султанъ долженъ былъ добраться на своихъ шлюпкахъ.

Дѣйствительно, на другой день, около 3-хъ часовъ пополудни, сигнальщики доложили, что съ берега къ намъ идутъ гребныя шлюпки — консулъ къ намъ прибылъ немного ранѣе.

Немедленно вызвали наверхъ офицеровъ, караулъ, музыкантовъ, съ сіяющими, какъ золото, трубами, и команду. Командиръ, консулъ и вахтенный начальникъ съ рупоромъ ожидали у праваго трапа.

Наконецъ, шлюпки подошли къ трапу, султанъ со своей свитой вышли наверхъ и начался обычный церемоніалъ встрѣчи высокопоставленныхъ гостей. Музыка гремѣла не «встрѣчу», а необыкновенно громоносный персидскій маршъ. Султанъ обошелъ фронтъ офицеровъ и, подходя къ музыкантамъ, которые въ этотъ моментъ умолкли, спросилъ черезъ переводчика, что, собственно, они играли? Командиръ очень почтительно отвѣтилъ, что

гимнъ страны Его Величества. Султанъ только сказалъ «А!». Видимо былъ какой-то гимнъ, но мы его совершенно не знали.

Одинъ султанъ былъ въ сандаліяхъ, остальные: министры, придворные и другіе были въ дивныхъ, арабскихъ національныхъ костюмахъ и чалмахъ, но всѣ босикомъ. Рядомъ съ султаномъ все время находился какой то наглый мальчишка лѣтъ двѣнадцати, какъ намъ потомъ говорилъ консулъ, наслѣдникъ престола, только отъ другой матери, т. к. былъ съ примѣсью негритянской крови, а не такой красавецъ, чисто арабского типа, какъ самъ султанъ. Консулъ-же намъ разсказывалъ, что этотъ мальчишка собственноручно зарѣзалъ нѣсколькихъ придворныхъ. Милый мальчикъ!

Когда окончилась церемоніальная часть пріема, всѣхъ гостей повели осматривать крейсеръ, какъ всегда сіявшій чистотой и блескомъ. Особенно поразилъ этихъ полудикихъ людей телефонъ. Съ кормы, поставили однихъ у аппарата, а другихъ отправили къ носовому. И вотъ, они стали, не видя другъ друга, говорить. Ихъ нельзя было оторвать отъ аппаратовъ — никогда они ничего подобнаго не видѣли и не слышали. Я разобралъ только слово «шайтанъ», т. е. чертъ.

Когда гости достаточно этимъ насладились, командиръ пригласилъ къ себѣ въ каюту султана и его свиту. Спустились съ ними и мы, офицеры. Столъ былъ великолѣпно сервированъ. Была масса всякаго варенья, какъ жидкаго, такъ и сухого, кіевскаго, фрукты, торты, вообще всякая всячина, кромѣ спиртныхъ напитковъ. Командиръ любезно всехъ разсадилъ, посадивъ султана около себя съ одной стороны, а консула съ другой. Султанъ держалъ себя за столомъ совершенно прилично и зналъ, какъ обращаться съ кофейной ложечкой, дессертными ножами и т. п., видимо гдѣ то научился обращаться со всѣмъ этимъ. Не то его свита и мальчишка «наслѣдникъ». Они все брали руками и запихивали себѣ въ ротъ. Видя это, командиръ намъ подмигнулъ и мы накладывали имъ вареніе изъ вазъ, на блюдечки. Навѣрное, такого варенія они никогда въ жизни не только не ѣли, но из не видали. Ѣли они его пальцами, обсасывая ихъ. Но все это ничего по сравненію съ тѣмъ, что продѣлалъ одинъ изъ министровъ, которому вѣстовой подалъ вазу съ вареньемъ. Онъ взялъ отъ него эту вазу, и, горстями, сталъ вынимать изъ нея вареніе и выливать его къ себѣ въ карманъ. Бурнусъ былъ бѣлый, а вареніе, кажеется, вишневое или малиновое. Моментально, часть бурнуса стала красной. Мы едва удерживались отъ смѣха, а онъ прехладнокровно продолжалъ свое пріятное занятіе, въ предвкушеніи, что дома онъ еще полакомится.

Наконецъ, пріемъ кончился, и съ тѣмъ же церемоніаломъ, плюсъ салютъ, гости удалились на своихъ шлюпкахъ къ себѣ, на берегъ.

Послѣ ихъ отъѣзда, командиръ замѣтилъ, что, по восточному обычаю, султанъ, несомнѣнно, пришлетъ на крейсеръ подарки, ему, командиру, и офицерамъ. Онъ, конечно, не зналъ, какіе это могутъ быть подарки, но думалъ, что это будутъ чудные ковры или драгоцѣнное оружіе.

Черезъ нѣкоторое время сигнальщики доложили, что съ берега идутъ большіе каики со скотомъ и зеленью. Что такое? Ревизоръ сказалъ, что онъ ничего не заказывалъ, что у него всего достаточно, а тутъ цѣлое стадо небольшихъ быковъ и горы всякой зелени. Каики подошли къ лѣвому трапу и вышедшій арабъ, на ломанномъ англійскомъ языкѣ сказалъ, что, въ благодарность за пріемъ, султанъ посылаетъ намъ подарки. Командиръ и офицеры были слегка разочарованы.

Мы занялись погрузкой десяти небольшихъ, совершенно дикихъ, быковъ, и цѣлаго огорода всевозможной свѣжей зелени. Потомъ мы узнали, что султанъ былъ очень бѣденъ и ничего, дѣйствительно цѣннаго, подарить намъ не могъ.

Что дѣлать съ этимъ стадомъ? На другихъ судахъ, передъ длинными переходами, запасались для взятой на переходъ скотины, запасомъ сѣна. А у насъ, кромѣ лука, помидоръ и баклажанъ, присланныхъ султаномъ, ничего нѣтъ. На крейсерѣ у насъ былъ первый во флотѣ рефрижераторъ, почему мы и запаслись уже убитыми тушами.

Рѣшено было быковъ зарѣзать и туши положить в рефрижераторную каюту. Но, первымъ дѣломъ, нужно было быковъ зарѣзать. В такихъ случаяхъ, всегда, на всѣхъ судахъ, обращаются къ боцману. Нашъ Андрей Степановичъ махнулъ рукой и заявилъ, что это дѣло пустяковое, и что онъ сейчасъ найдетъ бойцовъ среди команды. И дѣйствительно, очень быстро старшему офицеру явилось нѣсколько матросовъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Былъ одинъ минеръ, другой кочегаръ, плотникъ, и даже судовой причетникъ нашей походной церкви. Всѣ они рѣшительно заявили, что рѣзать скотину для нихъ привычное дѣло. Завѣсили палубу брезентами, другіе брезенты положили на палубу, пустили на нихъ изъ помпъ воду и трагедія началась.

Первымъ приступилъ къ дѣлу минеръ. Матросы вообще, народъ физически очень крѣпкій, повалили быка — и вотъ, этотъ минеръ небольшимъ ножемъ началъ пилить несчастному животному глотку. Присутствовавшій старшій офицеръ такъ возмутился, что, немедленно, посадилъ этого диллетанта-мясника на сутки въ карцеръ, чтобы не вралъ-бы въ другой разъ, что онъ боецъ.

Слѣдующіе оказались много лучше, убивая быковъ какимъ то стилетомъ въ затылокъ.

Когда окончательно стемнѣло, мы покинули Маскатъ и вышли въ Персидскій заливъ, проложивъ курсъ на сѣверо-востокъ, въ Буширъ, на персидскомъ берегу. Я долго плавалъ въ китайскихъ водахъ на Дальнемъ Востокѣ, особенно въ Желтомъ море, гдѣ вода, дѣствительно, желтоватого оттѣнка, но такой желтизны, какъ въ Персидскомъ заливѣ, я никогда не видалъ. Кромѣ того, явленіе тоже присущее этому заливу, это плавающіе на половину высунувшись изъ воды, тоже желтые, огромные плавающіе змѣи. Они вылѣзали къ намъ на палубу, по трапамъ, во время стоянокъ, но ихъ тут-же убивали ганшпуками. Кстати, я забылъ упомянуть, что во время стоянки въ Маскатѣ, мы всѣ видѣли массу огромныхъ акулъ, и насъ предупреждали быть очень осторожными на шлюпкахъ.

Интересно было наблюдать, какъ въ самое жаркое время дня, около полдня, когда крейсеръ съ одной стороны отбрасывалъ тѣнь, — какъ, при совершенно прозрачной водѣ отъ близости къ океану, акулы цѣлыми стадами, какъ огромныя колоды, неподвижно стояли въ этой тѣни, видимо, тоже наслаждаясь прохладой. И, въ это-же время, къ намъ подплывалъ, верхомъ на бревнѣ, старый, совершенно голый негръ, пользуясь своими ногами вмѣсто веселъ, и знаками показывалъ, что-бы ему бросали въ воду деньги, за которыми онъ нырялъ, пробираясь между акулами, какъ это дѣлается въ Коломбо и другихъ тропическихъ портахъ. И ни одна акула его не трогала — очевидно, старая говядина была не по вкусу акуламъ.

Но, возвращаюсь къ продолженію разсказа. Вышли мы въ заливъ и полнымъ ходомъ пошли въ Буширъ. Въ этомъ порту насъ ожидалъ нашъ Генеральный Россійскій Консулъ, нѣкто Авсѣенко, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ нами, посѣтить Лингу, тоже въ Персіи, а оттуда — Коветъ, на арабскомъ уже берегу, который составлялъ главную цѣль нашего плаванія по Персидскому заливу.

Авсѣенко совершенно свободно говорилъ по персидски и на разныхъ арабскихъ нарѣчіяхъ.

4-го Декабря мы подошли къ Буширу и встали на якорь очень далеко въ морѣ изъ за мелководія, т. ч. береговъ, очень низменныхъ, не было, почти, видно. Жара была ужасающая и не малѣйшаго дуновенія вѣтерка.

Черезъ нѣсколько часовъ, отъ берега, подъ парусами, едва двигаясь за отсутствіемъ вѣтра, отвалила какая то странная, большая шлюпка, но на ней никого не было видно. Наконецъ она подошла къ трапу и изъ нея вышелъ какой то бородатый персъ въ

тепломъ, какъ въ Россіи, армякѣ, высокой черной, барашковой шапкѣ, въ теплыхъ бѣлыхъ перчаткахъ и высокихъ галошахъ. Это при такой жарѣ! Кто такой и что такое! На ломанномъ русскомъ языкѣ онъ объяснилъ, что онъ губернаторъ Буширской провинціи и прибылъ насъ привѣтствовать, т. к. зналъ, что мы должны прибыть.

Какой губернаторъ? Доложили командиру — тотъ вышелъ наверхъ чтобы принять такую важную особу, и отвелъ ее къ себѣ въ каюту. При отъѣздѣ этого, такъ сказать, губернатора, ему были отданы всѣ, полагающіяся его высокому чину, почести.

Нѣкоторое время спустя, послѣ отъѣзда губернатора, тоже на какомъ-то ужасном, грязномъ каякѣ прибылъ к намъ, съ берега, Авсѣенко. Принятый съ подобающей его чину и должности церемоніей, онъ былъ немедленно освѣдомленъ командиромъ о визитѣ ему губернатора. При этомъ командиръ сообщилъ, что долженъ отдать ему визитъ, но не знаетъ, какъ это сдѣлать.

Тутъ выяснилась удивительная вещь. Въ тѣ далекія, уже теперь, времена, Персія была совершенно некультурной страной. Шахъ, и его министры сидѣли въ Тегеранѣ, а провинціи управлялись губернаторами, съ полным произволомъ. Назначились они не по заслугамъ и знанію дѣла, а давались тому, кто больше дастъ, т. е., попросту, съ публичнаго торга. Губернаторъ былъ обязанъ вносить въ государственную казну опредѣленную сумму налоговъ съ населенія. Но какъ онъ ихъ собиралъ, и въ какомъ размѣрѣ, это правительства не касалось. Конечно, для всякаго такого губернатора, это было золотое дно. Насилія и произволъ царили во всю. Такъ было и въ Буширской провинціи. Губернаторы и ихъ приспѣшники быстро богатѣли.

На несчастье, въ Буширѣ появились бельгійцы, которымъ было поручено центральнымъ правительствомъ въ Тегеранѣ соединить оба города телеграфной линіей. Раньше сообщеніе было только караваннымъ путемъ по выжженной солнцемъ пустынѣ и горамъ. Длилось оно не то круглый годъ, не то нѣсколько мѣсяцев, туда и назадъ. И вотъ, появились какіе то иностранные черти, которые быстро сообщали правящимъ властямъ, всѣ творящіеся на мѣстѣ безобразія и произволъ, доходившіе до свѣдѣнія иностраннаго дипломатическаго корпуса, который и дѣлалъ соотвѣтствующія представленія.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, пришла изъ Тегерана телеграмма — губернатора арестовать и посадить въ тюрьму, на время разбирательства его дѣла. Губернаторъ, конечно, сообразилъ кому онъ всѣмъ этимъ обязанъ и собрался убить бельгійцевъ, но тѣ приняли надлежащія мѣры охраны и остались живы.

Тогда возникъ другой вопросъ — кто-же будетъ губернаторомъ? Помощники у него были, по его собственному выбору и найму — всѣ такіе же жулики какъ и онъ, и, въ довершеніе, которымъ онъ-же не довѣрялъ. Провинція у него въ наймѣ, на большое число лѣтъ. Какъ быть? Вотъ онъ и выбралъ, вмѣсто себя, своего любимаго слугу, которому онъ довѣрялъ больше другихъ. Вотъ этотъ-то самый господинъ и былъ с визитомъ у нашего командира. Авсѣенко настоялъ, что никакого отвѣтнаго визита лакею губернатора командиръ дѣлать не долженъ.

Слушая его экзотическіе разсказы изъ тысячи и одной ночи, мы очень интересно провели весь день до ночи, когда консулъ, на нашемъ уже, паровомъ катерѣ, уѣхалъ на берегъ.

Данъ былъ ему катеръ еще потому, что черезъ день было 6-ое Декабря — день Тезоименитства Государя Императора Николая II, и Авсѣенко устраивалъ на берегу, у себя дома, большой пріемъ мѣстнаго дипломатическаго корпуса — на которомъ должны были присутствовать всѣ иностранные консула. Вечеромъ-же долженъ былъ состояться большой обѣдъ, на который были приглашены командиръ и офицеры нашего корабля.

Консулъ просилъ прислать музыку — командиръ согласился и, естественно, назначилъ меня ее сопровождать, какъ завѣдующаго хоромъ. Такъ вотъ, чтобы показать дорогу къ пристани катерному старшинѣ, консулу и данъ былъ нашъ катеръ.

Наступило 6-ое Декабря и, около полудня, я со своими музыкантами, пюпитрами — которые они звали «кальпетрами», нотами и прочими вещами отправились на берегъ, въ распоряженіе консула.

Трубы, опять, горѣли какъ огонь и мы, торжественно, послѣ часового путешествія, подошли къ какой то каменной стѣнкѣ съ трапомъ съ поломанными ступеньками. Наверху насъ встрѣтилъ консулъ, которому я доложилъ, что присланъ съ музыкантами въ его распоряженіе.

Вижу, около, огромную толпу народа самаго жалкаго вида. Грязные, обтрепанные, испуганно на насъ смотрящіе. Не думали-ли они, что еще новые налоги пришли съ нихъ брать эти иностранные черти?

Недалеко стоялъ фаэтонъ, съ парой приличныхъ лошадокъ и двое консульскихъ кавасовъ верхомъ на лошадяхъ. Консулъ приготовилъ также телѣжку, запряженную осликомъ, для перевозки всего музыкантского имущества. Меня-же онъ просилъ приказать музыкантамъ, когда они пойдутъ къ его дому, играть на ходу, марши, т. к. никогда, до сихъ поръ, здѣшній народъ не слыхалъ военной музыки и это должно произвести на него сильное впечатлѣніе.

Я всѣмъ распорядился, послѣ чего Авсѣенко предложилъ мнѣ сѣстъ съ нимъ в фаэтонъ, чтобы ѣхать къ нему.

Молодой, шустрый мичманенокъ, коимъ я былъ въ то время, быстро вскочилъ въ экипажъ и началъ, оживленно, разспрашивать консула о всемъ, что вижу кругомъ. А спрашивать было о чемъ! Но Авсѣенко очень мило тонко улыбаясь, говоритъ мнѣ: «замолчите, мичманъ, на васъ смотрятъ, сдѣлайте строгій и серіозный видъ. Вѣдь вы теперь важная персона, ѣдете со мною, а народъ привыкъ къ тому, что всѣ иностранцы презрительно съ нимъ обращаются и ведутъ себя очень важно». Я принялъ видъ Наполеона. Ѣхали мы не по улицамъ, а по какимъ-то пыльнымъ дорогамъ, какъ въ деревнѣ. Ни одного кустика зелени, все выжжено солнцемъ, грязно, убого. Не дома, а какія-то полуразвалившіяся лачуги и кругомъ народъ въ лохмотьяхъ.

Вдругъ, слышимъ сзади насъ, громкіе звуки извѣстнаго въ то время, марша «Подъ двухглавымъ орломъ» и, обернувшись, мы увидали идущихъ съ сіяющими трубами, нашихъ музыкантовъ, окруженныхъ несмѣтной, рваной толпой, дико орущей и выражающей свое восхищеніе. Почему-то нѣкоторые падали отъ восторга на пыльную землю и дрыгали вверхъ ногами, видимо, это персидскій способъ выражать свое восхищеніе.

Такъ мы съ консуломъ медленно и важно двигаемся мелкой рысцой къ его дому. Молчимъ оба и я все время стараюсь имѣть все болѣе и болѣе важный видъ. Наконецъ, подъѣзжаемъ къ дому консула, скорѣе маленькому дворцу въ восточномъ стилѣ. Передъ домомъ былъ выстроенъ почетный караулъ, изъ персидскихъ солдатъ, съ барабанщикомъ на правомъ флангѣ — всѣ въ синихъ, коломянковыхъ мундирахъ, въ барашковыхъ шапочкахъ, со старинными ружьями — и босикомъ.

При нашемъ подъѣздѣ, они, неуклюже взяли на караулъ и барабанщикъ забилъ какую-то трель. Кромѣ караула, попарно стояла группа какихъ-то важныхъ людей, въ чистыхъ бѣлыхъ халатахъ, которые низко склонились передъ нами. Когда экипажъ остановился противъ нихъ, я быстро выскочилъ изъ экипажа и собирался итти къ подъѣзду, но Авсѣенко удержалъ меня за бортъ мундира и сказалъ: «подождите — такъ нельзя по этикету». Я, въ недоумѣніи, остановился и сталъ ждать, что будетъ дальше.

Всѣ эти люди въ бѣлыхъ балахонахъ торжественно и медленно выстроились по парно и тихими шагами пошли ко дворцу. Мы также тихо и торжественно слѣдовали за ними. Я все время продолжалъ принимать самый важный и величественный видъ. Наконецъ мы пришли во дворецъ, и, когда мы были уже въ пе-

редней, и вся свита удалилась, то консулъ сказалъ мнѣ: «кончился, наконецъ, этотъ церемоніалъ, теперь мы можемъ говорить и дѣйствовать по человѣчески». Конечно, мнѣ было очень интересно узнать, почему это все такъ происходитъ, и что это за странный церемоніалъ.

Консулъ провелъ меня въ прелестную гостинную, убранную съ большой роскошью коврами и другой восточной мебелью, удобно расположился со мною на чудномъ диванѣ и сказалъ мнѣ: — «слушайте и помните, что вы находитесь въ еще совершенно дикой, восточной странѣ, гдѣ почти еще ничего не измѣнилось со временъ Гарунъ-эль-Рашида и тысячи и одной ночи. Вся эта восточная, забитая и невѣжественная масса людей необыкновенно падка до роскошныхъ зрѣлищъ — и, чтобы бить ихъ по воображенію, всѣ мы, европейцы, особенно англичане, стараемся представить себя, въ ихъ мнѣніи, какъ страшно могучіе и богатые люди, что они, естественно, переносятъ и на наши государства. Вы видѣли почетный караулъ. Это дѣло самое обыкновенное. Стоитъ оно столько-то. Вы платите эти деньги нѣкоему персидскому генералу, такъ называемому командующему мѣстнымъ гарнизономъ, который получаетъ отъ правительства деньги на содержаніе этихъ войскъ, но на самомъ дѣлѣ держитъ на службѣ всего нѣсколько десятковъ оборванныхъ проходимцевъ — деньги-же на содержание остальныхъ онъ кладетъ себѣ, запросто, въ карманъ».

«Въ нужныхъ случаяхъ, онъ, часть этихъ оборванцевъ переодѣваетъ на время, въ костюмы, которые вы видѣли, даетъ имъ въ руки ружья стараго, уже совершенно негоднаго образца, подаренные шаху еще Императоромъ Александромъ II — и отправляетъ ихъ на показъ, тому кто ихъ требовалъ и кто за это заплатилъ. По окончанію того, для чего ихъ требовали, отъ нихъ отбираютъ обратно ружья и обмундированіе, даютъ гроши въ вознагражденіе и предоставляютъ имъ дѣлать, что имъ угодно, питаясь чѣмъ и какъ они хотятъ».

Что же касается бѣлыхъ балахоновъ — то это моя свита и челядь. Тотъ, который шелъ послѣднимъ, съ правой стороны, носитъ прелестный титулъ «придворнаго сплетника». Здѣсь, понятно, нѣтъ ни одной газеты, но мнѣ, какъ всякому, живущему здѣсь дипломату, необходимо знать все, что говорятъ въ народѣ, а также быть въ курсѣ всѣхъ слуховъ. Поэтому я, какъ и всѣ другіе консула, имѣемъ у себя этихъ сплетниковъ, которые съ утра до вечера торчатъ на базарѣ и узнаютъ всѣ новости, которыя бѣгутъ мнѣ сообщать, а потомъ, опять, отправляются на базаръ за слѣдующими. Конечно, многое они сами сочиняютъ — но безъ нихъ мы всѣ были бы безсильны что либо узнать. Между про-

чимъ, такая должность считается очень почетной у мѣстныхъ жителей, и многіе ея добиваются».

«Остальные мои бѣлые балахоны, имѣютъ всякій свои обязанности по тѣмъ или другимъ дѣламъ, а прежде всего, должны соблюдать важность и спокойствіе, почему мы такъ медленно и шли отъ экипажа къ дому».

—А пока, сказалъ Авсѣенко, давайте немного отдохнемъ, сейчасъ становится очень жарко и скоро начнется пріемъ иностранныхъ консуловъ и мѣстныхъ властей, пріѣдущихъ меня поздравлять съ высокоторжественнымъ днемъ Тезоименства Государя Императора».

Жара была дѣйствительно удушающая. Я съ удовольствиемъ снялъ мундиръ и, въ одной рубашкѣ, вышелъ встрѣтить подходившихъ музыкантовъ, все время игравшихъ марши и окруженныхъ тысячной, бѣснующейся толпой.

Окончаніе слѣдуетъ.

Офицеры «Штандарта»

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НА ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯХТѢ «ШТАНДАРТЪ»

Продолженіе.

Дальнѣйшее плаваніе было благополучно, но погода опять начала портиться, съ сѣвера надвигалась грозовая туча, рѣка почернѣла, и начало задувать довольно сильно. Пароходы должны были ночевать въ одномъ затонѣ выше Ярославля, чтобы прійти въ него, какъ и въ Кострому, утромъ. Поэтому мы прошли Ярославль подъ другимъ берегомъ, и когда проходили подъ громаднымъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ, который выше по рѣкѣ Ярославля, то разразилась сильнѣйшая гроза, со шкваломъ, при этомъ съ норда, такъ что развело довольно крупную волну, и брызги заливали большое зеркальное переднее стекло рубки, за которымъ стояли и смотрѣли на грозу Государыня и дѣти. Государь былъ все время на мостикѣ, и не пожелалъ ничего надѣть на себя, прикрываясь за стѣнкой маленькой штурвальной рубки. Его

Величество промокъ до нитки, но былъ очень доволенъ, и говорилъ, что вотъ и на Волгѣ какъ въ морѣ. Гроза скоро пронеслась, и пароходы, пройдя мостъ, не зашли въ затонъ, а стали на якорь прямо посреди рѣки. Мы очень боялись, что ночью на насъ нанесетъ плоты или баржи, да кромѣ того, пароходы имѣли якоря весьма жидкіе, даже не на цѣпныхъ канатахъ, а просто на стальныхъ тросахъ. Отъ теченія судно ходило на канатахъ, и мы всю ночь не спали; къ счастью, послѣ грозы стало теплѣе.

Утромъ пароходы спустились въ Ярославль, и опять встрѣча была очень торжественная. Государь поѣхалъ въ разныя учрежденія и по монастырямъ, а Ея Величество принимала дамъ на пароходѣ, но никому не предложила сѣсть, и сама все время стояла. Потомъ Государыня приказала позвать простыхъ бабъ, которыя толпились на берегу, и очень долго и милостиво съ ними говорила, раздавала образки, но уже другіе, и деньги. И флагъ-капитанъ и я оставались на пароходѣ, и ничего не видѣли, что происходило въ городѣ. Такъ какъ Ниловъ ярославецъ, то Государыня спросила его, почему онъ не поѣхалъ въ свой родной городъ, на что адмиралъ отвѣтилъ, что ему ничто въ этомъ городѣ не пріятно, и не вызываетъ никакихъ воспоминаній, и что онъ предпочитаетъ быть на пароходѣ, вдали отъ всѣхъ торжествъ.

На это Государыня засмѣялась и сказала: — «Какъ это мнѣ понятно, вчера я была такъ рада во время раздачи иконъ нашимъ командамъ, а сегодня мнѣ было очень пріятно поговорить съ этими простыми женщинами, которыхъ нашли на берегу». —

Ниловъ потомъ, наединѣ со мною, замѣтилъ, что вотъ и у Высочайшихъ особъ иногда проявляется желаніе «хожденія въ народъ», и прибавилъ при этомъ, что народъ этого не стоитъ.

Вечеромъ, въ Дворянскомъ Собраніи былъ балъ, весьма блестящій. Государыня опять не была, такъ какъ Наслѣдникъ, этотъ бѣдный мученикъ, плохо себя чувствовалъ. Ниловъ былъ среди своихъ, и его, и за одно и меня, такъ эти милые и любезные хозяева угощали винами, что скоро мы почувствовали совершенную усталость и поэтому, потихонечку, а-ля-англэзъ, скрылись съ бала и пѣшкомъ вернулись на пароходы, причемъ флагъ-капитанъ все вспоминалъ, что это за улицы и дома, но, повидимому, не былъ твердъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Поздно вечеромъ всѣ уѣхали съ пароходовъ въ Царскіе поѣзда и я съ большимъ удовольствіемъ расположился въ прекрасномъ купэ-салонѣ свитскаго поѣзда въ сознаніи, что тутъ ужъ меня никто не потревожитъ, и никакихъ, порой грозныхъ, окликовъ адмирала, который вѣчно былъ чѣмъ нибудь недоволенъ — я не услышу, потому что адмиралъ былъ въ Собственномъ поѣздѣ.

Передъ съѣздомъ Государь очень сердечно благодарилъ Шаховского, потомъ обошелъ команды, и поблагодарилъ Нилова и меня. Такъ же Государь приблизился къ «Стрежени», и благодарилъ и на ней команду и личный составъ.

Ночью поѣзда отошли въ Ростовъ Великій, куда пришли на другой день утромъ. Опять все было очень красиво убрано для встрѣчи, Государь съ княжнами куда-то ѣздили, а флагъ-капитанъ со мною прогуливался передъ поѣздомъ, такъ какъ Государыня не выходила изъ него въ городъ. Но потомъ мы поѣхали на главную площадь, гдѣ, посерединѣ, былъ устроенъ помостъ, и стояли раззолоченныя кресла. Скоро на эту площадь прибылъ Государь, и какъ только взошелъ на помостъ, какой то священникъ сдѣлалъ сигналъ, и кругомъ, во всѣхъ церквахъ, зазвонили во всѣ колокола, но звонъ этотъ оказался какъ бы настроеннымъ и сгармонизированнымъ, выходило что то вродѣ напѣвовъ и пѣснопѣній, но, вѣроятно, это лучше слушать издали, да кромѣ того, все это стояніе было на солнцепекѣ, и жара была невѣроятная.

Потомъ вся процессія пошла въ какой-то музей, гдѣ въ одномъ залѣ Государю былъ представленъ для осмотра длинный столъ, на которомъ стояли какъ бы спичечныя коробки, разныхъ величинъ ящички сквозные внутри, а посрединѣ, на крышкахъ этихъ ящичковъ, были воткнуты камертоны различныхъ величинъ. Это были однотонныя копіи городскихъ колоколовъ, кои всѣ мы только что слыхали на площади. По другую сторону стола стояли какіе то господа и дамы, всѣ въ формѣ разныхъ вѣдомствъ, вѣроятно это были чиновники мѣстныхъ администрацій, при чемъ особенно смѣшно было видѣть женщинъ въ формахъ, съ высокими стоячими воротниками, съ золотыми пуговицами, и въ юбкахъ. Всѣ обратили вниманіе на одну почто-телеграфную чиновницу, затянутую въ мундиръ съ желтыми выпушками, потому что у этой особы, весьма полной, формы были совершенно необычайныя и выходящія изъ ряда вонъ. Флагъ-капитанъ закатился со смѣху и налетѣлъ на Дрентельна и меня: — «Вотъ то бюстъ, да, господа мои, это наши, ярославскія!» — Государь тоже замѣтилъ эту чиновницу, и видя общія усмѣшки, самъ еле сдерживался чтобы не размѣяться. Формы у этой особы были, дѣйствительно, музейныя.

По знаку того же священника, всѣ эти интеллигентные господа и дамы ударили палочками съ ватными тампончиками по камертонамъ, и въ залѣ раздались удивительные звуки. Это было что то такое нѣжное, такое небесное, что, пожалуй, вотъ это можно было назвать ангельскими голосами. Это не напоминало ни шарманку, устроенную на томъ же принципѣ камертона, ни аккордіонъ, это было что-то совершенно особенное. Сперва музыкан-

ты дали нѣсколько аккордовъ, переливовъ, какія то вступленія, и наконецъ исполнили артистически «Славься, славься, русскій царь!» —

Я впервые замѣтилъ у Государя какъ бы слезы умиленія на глазахъ. У княженъ тоже. Всѣ стояли, какъ завороженные. Исполненіе кончилось. Государь продолжалъ стоять у стола. Всѣ молчали. Тогда священникъ спросилъ, не угодно ли Его Величеству прослушать еще что-нибудь. Сыграли свѣтскій старинный классическій вальсъ. Государь хотѣлъ итти дальше, но княжны зашептались съ нимъ, и Его Величество спросилъ, что артисты могутъ исполнить еще. Репертуаръ оказался очень обширнымъ, и этотъ своеобразный оркестръ опять нѣжно прозвучалъ въ какихъ то романтическихъ и духовныхъ пѣсняхъ. Это было такъ музыкально, такъ красиво, что положительно никому не хотѣлось уходить и прервать это наслажденіе.

Изъ Ростова Ихъ Величества проѣхали въ Переяславль, гдѣ осматривали кремль и стѣну плача, мѣстность эта очень красива, и озеро дѣйствительно очень велико и какъ бы тонетъ среди окружающихъ его сосновыхъ лѣсовъ. Дѣйствительно, это было хорошее мѣсто для заточенія княженъ, вѣроятно бѣжать отсюда по лѣсамъ прямо невозможно.

На озерѣ Государю показали цѣлую флотилію лодокъ, организованную, кажется, нашимъ морскимъ офицеромъ, В. В. Яковлевымъ, адъютантомъ при Товарищѣ Морского Министра. Эти гребныя суда производили разныя эволюціи, вся команда была въ бѣломъ, и лодки тоже выкрашены въ бѣлый цвѣтъ, и всѣ, почему то, подъ андреевскимъ флагомъ. Погода была чудесная, все на этомъ озерѣ дышало тишиной и покоемъ, вотъ, можно сказать, медвѣжій русскій уголъ! Государыни съ Наслѣдникомъ не было на этомъ торжествѣ, опять бѣдный мальчикъ плохо себя чувствовалъ, и всѣ пожалѣли, что онъ не видалъ, вѣроятно заинтересовавшихъ бы его, шлюпочныхъ ученій.

Тутъ вдругъ встрѣтилась А. А. Вырубова, поѣхавшая со свитой въ поѣздъ, но какъ говорилъ мнѣ потомъ флагъ-капитанъ, Государыня была какъ будто бы не особенно рада видѣть свою приближенную. По этому поводу Ниловъ прибавилъ, что всякому овощу свое время и мѣсто, и что всякой дружбѣ приходитъ конецъ, какъ всякой веревочкѣ. Адмиралъ никогда не забывалъ острыхъ словечекъ.

Изъ Переяславля Ихъ Величества направились въ Москву, но по дорогѣ останавливались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осматривать монастыри и церкви. Жара была сумасшедшая, такъ что крышу вагона Государыни обложили дерномъ и поливали водой, какъ это дѣлается въ Египтѣ.

Посѣщеніе монастырей и церквей, расположенныхъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги совершалось на автомобиляхъ, и такъ какъ флагъ-капитанъ, конечно, никуда не хотѣлъ ѣхать, то и я не могъ бы отлучиться отъ него, хотя намъ, конечно, тутъ не было никакого дѣла. Шаховской, который ѣхалъ за царскими поѣздами, тутъ же былъ въ должности начальника шоссейныхъ дорогъ, по которымъ ѣздили, и поэтому, еще передъ этимъ путешествіемъ я попросилъ у представителя фабрики Адлеръ, у котораго я купилъ осенью автомобиль, прислать мнѣ съ придворнымъ гаражемъ маленькую машину, для поѣздокъ съ Шаховскимъ. Онъ прислалъ намъ отличный открытый Адлерчикъ, совершенно новенькій и мы съ княземъ всюду поспѣвали за царскимъ караваномъ. Шоссе тутъ замѣчательныя, еще Екатерининскихъ временъ, это бывшій гужевой трактъ Москва-Ярославль, но такъ какъ параллельно ему идетъ желѣзная дорога, то шоссе мало используется, и потому въ отличномъ состояніи. Весь этотъ трактъ обсаженъ столѣтними деревьями, а еще по бокамъ устроены аллеи для пѣшеходовъ. Лѣсъ кругомъ замѣчательный, рѣчки кристально чисты и очень быстрыя, часто встрѣчаются домики смотрителей, которые ранѣе были постоялыми дворами. Шаховской, какъ начальство, повсюду встрѣчался съ помпой, мы входили въ очень чистенькія комнаты и насъ угощали крѣпкимъ квасомъ, что было очень пріятно въ эту жару. Ѣхали мы безъ шоффера, я самъ правилъ и иногда объѣзжалъ трактъ другими дорогами и обгонялъ царскіе автомобили. Въ одной, очень древней, деревянной церкви Государь прослушалъ конецъ обѣдни и когда какой то старичекъ обходилъ съ тарелкой, то Государь положилъ и свою лепту. Я ранѣе слышалъ, что въ такихъ случаяхъ Государь кладетъ особую монету, червонецъ, но не со своимъ профилемъ, какъ обыкновенно, а съ вензелемъ, или, какъ это называется, Высочайшимъ клеймомъ, т. е. шифромъ Н II-ой. Государь, по словамъ Дрентельна, очень рѣдко клалъ такую монетку, спеціально чеканившуюся для его личныхъ нуждъ и даже, собственно говоря, пользовался ими только въ лагерной церкви Преображенскаго полка, при чемъ офицеры немедленно обмѣнивали эти, совершенно исключительные по рѣдкости и значенію червонцы, на обыкновенныя деньги, а изъ нихъ дѣлали себѣ брелоки или вставляли въ портсигары. Я сейчасъ же подошелъ къ свѣчной стойкѣ, чтобы обмѣнять такой червонецъ, но Дрентельнъ меня предвосхитилъ, да впрочемъ онъ имѣлъ и больше правъ.

Въ Москвѣ были опять торжества изъ торжествъ, но Ниловъ старался увильнуть отъ всего, и такъ какъ пріѣхала его супруга, Маріанна Михайловна, то мы больше всего проводили время въ ресторанѣ Эрмитажъ, гдѣ пріятель адмирала, французъ Ла-

казъ, извѣстный метръ-д'отель, насъ отлично и заботливо кормилъ. Въ это время года и въ этомъ году было солнечное затмѣніе, и въ Эрмитажѣ раздавали всѣмъ посѣтителямъ закопченныя стекла, чтобы смотрѣть на этотъ феноменъ. Однако, всѣ только перепачкались, но никакого затмѣнія не видали.

Во время этихъ московскихъ торжествъ флагъ-капитанъ рѣшилъ пойти въ толпу и послушать, что въ ней говорятъ. Онъ приказалъ мнѣ одѣть защитный китель, самъ одѣлъ плащъ накидку, и мы вышли на какую то улицу, около гостинницы Славянскій Базаръ, по которой долженъ былъ проѣхать царскій кортежъ. Вся улица была обтянута стальнымъ канатомъ. Народу было много, и мы съ трудомъ протискались въ первые ряды. Народъ, однако, ничего не говорилъ о Царяхъ, а только ругательски ругалъ полицію за эти канаты, и что стѣсняютъ зря «православныхъ». Ихъ Величества долго не ѣхали и адмиралу надоѣло ждать, какъ вдругъ мы увидали, что изъ какого то трактира вышелъ человѣкъ, просто одѣтый, бережно неся какой то круглый предметъ въ красномъ платкѣ, завязанномъ углами. Сейчасъ же къ нему подошли, вѣроятно, охранные агенты, взяли подъ ручки, и увели подъ ворота сосѣдняго дома. Адмиралъ растолкалъ толпу и быстро пошелъ къ этому же дому. Во дворѣ мы увидали, что человѣка крѣпко держатъ за руки, а уже полиція, въ формѣ, осторожно развязываетъ узелъ. Въ ней оказалась крынка съ кислымъ молокомъ. Ниловъ сталъ всячески ругать полицію, но, по моему, агенты были правы задержать такого человѣка, который, передъ самымъ проѣздомъ Ихъ Величествъ, проходитъ съ какимъ то круглымъ предметомъ, завязаннымъ въ красный кумачевый платокъ. То же и о канатахъ, какъ было ихъ не протягивать, когда толпа вообще, а русская особенно, всегда такъ не дисциплинирована.

Въ Москвѣ былъ блестящій балъ въ Дворянскомъ Собраніи, наши княжны были душками и много танцовали. Ниловъ на балу пробылъ немного, и, къ моему сожалѣнію, увезъ и меня ужинать въ Метрополь, со своими московскими друзьями. Залъ былъ блестящъ, и почти весь изъ петербуржцевъ.

Изъ Москвы Ихъ Величества вернулись въ Царское Село, вскорѣ переѣхали въ Новый Петергофъ и затѣмъ ушли въ шхеры, отдохнуть послѣ всѣхъ этихъ торжествъ и празднествъ. Государыня даже первое время на яхтѣ лежала въ постелѣ, так она была утомлена, и нравственно повидимому и физически.

Новый командиръ «Штандарта», Р. Д. Зеленецкій, оказался, какъ, впрочемъ, всѣ и думали и знали, вполнѣ на высотѣ, и жизнь на яхтѣ текла своимъ обычнымъ порядкомъ, въ тишинѣ, покоѣ, среди прекрасной стихіи и природы.

Однако, надо сказать, что какая то незамѣтная тѣнь отсутствія нашего дорогого Чагина витала надъ его любимой яхтой. Вотъ это былъ человѣкъ, котораго трудно было замѣнить. Какъ онъ былъ спеціально сдѣланъ или подходящъ для такого поста или должности, какъ командиръ императорской яхты.

Такъ какъ, кое гдѣ въ печати можно встрѣтить описаніе случая ссоры въ это время между флагъ-капитаномъ и старшимъ офицеромъ яхты, флигель-адъютантомъ Н. П. Саблинымъ, и что будто бы, Государю пришлось выступить въ роли примирителя, то, пожалуй, можно отмѣтить, въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, заключалось это недоразумѣніе между двумя офицерами одной и той же части, и въ то же время между двумя чинами свиты Его Величества.

Надо сказать, что невозможно описать, до чего все это было непріятно. Началось съ того, что старшему офицеру пришло въ голову попросить назначить въ плаваніе на яхту гребцовъ съ баржи Его Величества, которая всегда стояла въ Петергофѣ, и на которой Государь, за всѣ десять лѣтъ моего пребыванія въ экипажѣ и на яхтѣ, никогда не ходилъ и не пользовался. Эти гребцы выбирались изо всхъ ротъ, а преимущественно изъ роты Ея Величества, самые рослые, красивые и статные. Они жили въ Петергофской военной гавани и, такъ какъ Государь никогда въ нихъ не нуждался, то они несли только караулъ на пристани. Эти гребцы баржи были какъ бы наслѣдіемъ команды придворныхъ гребцовъ, и представляли скорѣе традицію. Единственный разъ въ году, когда они выступали, было при открытіи навигаціи на Невѣ, когда комендантъ Петропавловской крѣпости переѣзжалъ рѣку и привозилъ Государю свѣжей невской воды въ золотомъ кубкѣ, въ который, въ благодарность ему, въ отдаленныя времена, насыпали червонцевъ, а теперь выдавалась извѣстная сумма въ усиленіе его содержанія.

Н. П. Саблинъ хотѣлъ имѣть этихъ гребцовъ, красивыхъ и здоровенныхъ матросовъ, чтобы придать болѣе импозантности и виду фронту своей команды. Но служить гребцами они не могли, потому что Государь и на яхтѣ никогда не ходилъ на баржѣ, ни подъ парусами, ни подъ веслами. Поэтому они были бы только украшеніемъ фронта команды, что и было естественнымъ желаніемъ всякаго старшего офицера всякаго судна, а не только императорской яхты.

Но флагъ-капитанъ, прежде всего, нашелъ, что эти люди такъ велики ростомъ, что и было справедливо — что имъ будетъ не только неудобно, но даже просто невозможно, спать въ подвѣсныхъ койкахъ, да и вообще, эти «жеребцы», какъ выразился адмиралъ, мастеръ на такія сравненія, только испортятъ весь

фронтъ команды своимъ черезчуръ выдающимся ростомъ. Кромѣ того, завѣдующими этими гребцами назначались капитаны 1 ранга нашего экипажа, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не были командирами яхтъ и судовъ, и состояли даже въ береговомъ составѣ флота. Но, чтобы предоставить имъ возможность получать морское довольствіе когда царскій катеръ былъ въ кампаніи, ихъ назначали завѣдующими онымъ. Въ это время таковымъ былъ капитанъ 1 ранга С. С. Всеволожскій. Онъ въ то же время завѣдовалъ нашей школой юнговъ, и мирно жилъ съ ними на дачѣ въ Ораннiенбаумѣ. Вотъ онъ пришелъ коо мнѣ и заявилъ, что разъ гребцы, по дошедшимъ до него слухамъ, будутъ назначены въ плаваніе на «Штандартъ», то онъ считаетъ, что и его мѣсто на яхтѣ, о чемъ и проситъ доложить флагъ-капитану.

С. С. Всеволожскій былъ прекрасный и душевный человѣкъ, но, много проплававъ въ молодости, въ этотъ періодъ своей морской карьеры отошелъ отъ моря, откомандовавъ напослѣдокъ пароходомъ «Онега», и перечислившись въ береговой составъ.

Онъ отлично завѣдывалъ школой юнговъ, рисовалъ замѣчательно талантливыя каррикатуры въ «Новомъ Времени», подъ псевдонимомъ Дядя Михѣй, и занимался устройствомъ нашего маленькаго каютъ-кампанейскаго музея. Я чувствовалъ, что такая его просьба никогда не будетъ уважена адмираломъ, и даже не могъ придумать, какъ мнѣ начать разговоръ, предвидя неудачу. Да и самъ я считалъ, что итти въ плаваніе этому почтенному и уважаемому старшему товарищу, штабъ офицеру, совершенно не зачѣмъ, даже каюты для него на яхтѣ не нашлось бы.

Такъ и вышло. Флагъ-капитанъ вышелъ изъ себя, накричалъ на меня, что эти «жеребцы» сидятъ вотъ гдѣ у него на шеѣ, и воспользовался этой исторіей, чтобы, вообще, отказать въ посылкѣ гребцовъ на яхту.

Но старшій офицеръ не отказался отъ этой несчастной мысли, чтобы поддержать свой авторитетъ, и, когда мы были уже въ плаваніи, Ниловъ получилъ приказаніе Государя выписать этихъ гребцовъ. Черезъ нѣсколько дней дежурный миноносецъ привезъ этихъ верзилъ, правда, очень статныхъ и великолѣпныхъ образчиковъ человѣческой породы отборнаго вида, но дѣлать имъ на яхтѣ было рѣшительно нечего. Государь ни разу не подумалъ о баржѣ, люди въ койкахъ спать не могли, или имъ было не удобно, и, въ концѣ концовъ, Ниловъ пошелъ къ Государю, и, также какъ Н. П. Саблинъ испросилъ разрѣшенія ихъ выписать — также Государь приказалъ Нилову ихъ немедленно списать съ яхты.

Однако, все это было въ высшей степени непріятно; флагъ-

капитанъ пересталъ разговаривать со старшимъ офицеромъ, хотя очень любилъ его и уважалъ, и до войны Н. П. Саблинъ былъ у него флагъ-офицеромъ, до гвардейскаго экипажа, когда Ниловъ былъ начальникомъ обороны Балтійскаго побережья.

Флагъ-капитанъ цѣлыми ночами изливался мнѣ по этому пустяковому случаю и, хотя потомъ враги примирились, но я думаю, что Ниловъ до самой своей смерти не могъ простить Н. П. Саблину въ сущности дѣла, не стоящаго выѣденнаго яйца.

Маленькимъ развлеченіемъ въ шкерахъ былъ приходъ эскадры Императорскаго Рѣчного Яхтъ Клуба на рейдъ Питкопасъ, который былъ въ двухъ-трехъ миляхъ отъ рейда Штандартъ. Пришло, я думаю, яхтъ двадцать, да моторныхъ катеровъ столько же. Флагъ вице-командора держалъ А. А. Мюзеръ на своей прелестной шхунѣ «Китти», которая имѣла вспомогательный двигатель — маленькую паровую машину, и поэтому паруса на ней были красно-кирпичнаго цвѣта. Я былъ хорошо знакомъ съ этимъ, весьма дѣятельнымъ, членомъ яхтъ клуба, потому что онъ былъ женатъ на сестрѣ моихъ друзей дѣтства, англичанъ Сандерсъ, которую звали Екатериной, потому и яхта называлась «Китти». Мы поѣхали съ флагъ-капитаномъ съ визитомъ на эту игрушечную и элегантную эскадру. Насъ очень хорошо принимали и всюду угощали прекрасными напитками, такъ что, если бы мы посѣтили всѣ сорокъ судовъ, то вѣроятно были бы хороши. На другой день всѣ яхточки прошли подъ кормой «Штандарта», вся семья была на ютѣ, и почетный президентъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, очень мило отдавалъ всѣмъ честь. Эскадра простояла два или три дня, и по вечерамъ я ѣздилъ на многія яхточки, гдѣ у меня были друзья. Между прочимъ, они просили разрѣшенія входа на рейдъ Штандартъ, который, во время пребыванія на немъ «Штандарта», былъ закрытъ для входа постороннихъ судовъ. Государь очень милостиво разрѣшилъ, и сказалъ, что всѣмъ будетъ пріятно видѣть эти изящные силуэты съ истинными любителями моря.

Первой пришла на рейдъ Штандартъ яхта П. П. Марсеру, старый, но славный іолъ, съ выносной бизанью, очень уютный въ помѣщеніяхъ, англійской постройки. Любезный хозяинъ пригласилъ флагъ-капитана на виски, и во время этого визита спросилъ, что слѣдуетъ дѣлать на яхтѣ, если Ихъ Величества, случайно, пройдутъ мимо. Мы посовѣтовали поставить команду, коей, впрочемъ, было всего два человека, во фронтъ, а владѣльцамъ снять шапки, а дамамъ дѣлать реверансы. На другой день Государь, какъ только пошелъ грести на байдаркѣ, направился прямо къ этой яхтѣ, подошелъ очень близко, и такъ какъ Марсеру былъ академикъ Академіи Художествъ, и имѣлъ извѣстный магазинъ художественныхъ вещей и фарфора на Большой Конюшенной

улицѣ, и былъ поставщикомъ почти всѣхъ членовъ Императорскаго Дома, то Государь, узнавъ его, подошелъ вплотную и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Всетаки, это было нѣкоторымъ развлеченіемъ. Потомъ пришла уже паровая, прекрасная яхта «Роксана», Императорскаго яхтъ-клуба, графа Стенбока, который былъ очень друженъ съ гофмаршаломъ, и я ѣздилъ съ ним на нее и мы очень мило проводили время. Стенбока приглашали къ завтраку на «Штандартъ» онъ плавалъ одинъ и былъ хорошимъ морякомъ.

Въ шкерахъ «Штандартъ» простоялъ недѣли три, послѣ чего Ихъ Величества пошли въ Ревель, на закладку крѣпости Петра Великого. Тамъ же Государь сдѣлалъ смотръ флоту и выходилъ въ море на крейсерѣ «Рюрикъ» на стрѣльбы и эволюціи. «Рюрикомъ» командовалъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ нашего флота, капитанъ 1 ранга М. К. Бахиревъ, который отлично управлялся своимъ крейсеромъ. Шли мы большимъ ходомъ и Государю понравилось, какъ онъ потомъ говорилъ, что Бахиревъ, вцѣпился въ поручни, почти легъ на нихъ, и такъ и велъ свой крейсеръ головнымъ, весь отдавшись управленію кораблемъ и стрѣльбой, не обращая вниманія, что на мостикѣ былъ и Государь, и масса начальства. Государь остался очень доволенъ всѣмъ виденнымъ, и со «Штандарта», передъ уходомъ, поднялъ благодарственный сигналъ всему флоту.

Послѣ Ревеля Ихъ Величества вернулись въ Петергофъ, откуда одинъ разъ ходили въ Кронштадтъ, на открытіе памятника адмиралу Макарову. Съ Государемъ было много свиты, Великій Князь Николай Николаевичъ, и нѣсколько министровъ. Вдова адмирала, всѣми уважаемая и любимая во флотѣ Капитолина Николаевна, была во всѣхъ своихъ грандерахъ, была также ея дочь съ мужемъ, Л. В. Голубевымъ. На обратномъ пути на «Александріи» состоялся Высочайшій завтракъ, но флагъ-капитанъ и я завтракали у адмирала въ каютѣ, потому что были на ходу. Передъ концомъ завтрака мы увидѣли, что яхта прійдетъ скоро въ Петергофъ, Высочайшій завтракъ не успѣетъ окончиться, и будетъ нарушена нѣкоторая церемонность. Поэтому адмиралъ послалъ меня на мостикъ сказать командиру, капитану 1 ранга Фалкъ, чтобы онъ взялъ мористѣе, и тѣмъ бы продолжилъ время перехода, давъ завтраку время кончиться.

Съ перемѣной курса, волна начала бить въ бокъ, и легкую «Александрію» начало чуть-чуть покачивать. Государь сейчасъ же прислалъ лакея спросить, почему это произошло, что показало наличіе у Его Величества извѣстной морской чувствительности и наблюдательности, что достигается лишь въ плаваніяхъ, и вообще въ морской обстановкѣ.

Скоро «Штандартъ» ушелъ въ Черное море, такъ какъ Ихъ Величества ѣхали осенью снова въ свою любимую Ливадію.

Въ Петергофѣ жизнь текла своимъ чередомъ. Государь ѣздилъ въ Красное Село на маневры гвардіи, а въ Петергофѣ состоялись смотры шефскимъ, двухъ старшихъ княженъ, кавалерійскимъ полкамъ — Елизаветградскому, 3-му гутарскому, Е. И. Выс. Вел. Кн. Ольги Николаевны, и Вознесенскому, 8-му уланскому, Е. И. В. Вел. Кн. Татіаны Николаевны. Прелестные Шефы ѣхали впереди своихъ полковъ и салютовали Своему Отцу. Въ доломанахъ и ментикахъ княжны были очаровательны и масса публики ихъ горячо привѣтствовала.

Въ Августѣ Ихъ Величества уѣхали въ Крымъ, и я помню что жара была нестерпимая, мы всѣ изнывали въ свитскомъ поѣздѣ. Въ Севастополѣ мы простояли нѣсколько дней, пока Государѣ дѣлалъ смотры флоту и крѣпостнымъ войскамъ, и затѣмъ яхта спокойно перешла въ Ялту. Наслѣдникъ былъ очень боленъ и ему привозили дважды въ неделю грязь изъ Саккъ, на дежурномъ миноносцѣ изъ охраны. Распутинъ былъ въ это время въ Ялтѣ, и какъ ни удивительно, но его молитвы помогали несчастному страдальцу. А ненависть къ старцу въ это время была такъ велика, что будто бы открыли заговоръ убить его, и что во главѣ заговора стоялъ рѣшительный, и до смерти преданный Ихъ Величествамъ, извѣстный генералъ, кавказецъ Думбадзе, бывшій начальникомъ гарнизона въ Ялтѣ.

Что было особенно печально и тягостно, что гдѣ бы не появлялся старецъ со своими поклонницами, тамъ же можно было видѣть плетеную крымскую коляску Вырубовой, и однажды мы съ адмираломъ застали въ Суукъ-Су цѣлую оргію Григорія съ дамами и разнымъ монашескимъ сбродомъ и отребьемъ.

Особенно адмиралъ былъ возмущенъ распространившимся слухомъ, что Григорій хочетъ постричься въ священники, и будто бы будетъ назначенъ на яхту. Я привожу этотъ гнустный слухъ только какъ образчикъ того невѣроятного, что въ это время ходило по устамъ, и что всѣхъ возмущало до безконечности. И, при этомъ, слухи эти распространяли не враги строя, соціалисты или революціонеры, а люди преданные идеѣ, престолу, и вполнѣ честно возмущавшіеся и печалившіеся.

Ихъ Величества продолжали пріѣзжать обѣдать на яхту, но опять витала тѣнь отсутствія бѣднаго нашего Чагина, и можно сказать, что обѣды и пріѣзды эти были то, что при Чагинѣ, да не то. Что значитъ личность, какъ одинъ человѣкъ можетъ порой давать тонъ и настроеніе всему! Очень всѣ жалѣли бѣдноаго нашего и прекраснаго командира!

Въ это время въ Ялту пріѣхала супруга адмирала, М. М. Ни-

лова съ одной своей пріятельницей, скорѣе даже демъ дэ компани. Распутинъ однажды зачѣмъ то уѣзжалъ въ Севастополь, и мы всѣ знали что онъ пріѣдетъ обратно съ вечернимъ пароходомъ. М. М. Нилова попросила меня провести ее съ компаніонкой къ мѣсту приставанія пассажирскаго парохода, чтобы поближѣ видѣть этого монстра, когда онъ будетъ сходить съ судна. Я устроилъ дамъ такъ, что ихъ не было видно за тюками шерсти, тогда какъ всѣхъ сходившихъ по сходнямъ можно было хорошо видѣть. Скоро грязный пароходъ присталъ и мы увидали Григорія на палубѣ, съ какой то очень хорошо одѣтой дамой. Онъ былъ въ поддевкѣ, въ плисовых штанахъ, и въ круглой мѣщанской шапкѣ. Въ рукахъ онъ держалъ букетикъ фіалокъ, который понюхивалъ и прикрывалъ ими лицо. Какъ только публику начали выпускать, Григорій разстался съ дамой и въ сопровожденіи какого то прислушника, медленно началъ сходить съ парохода.

Въ это время на яхтѣ сыграли «встрѣчу», и донеслось отвѣтное привѣтствіе команды. Какъ разъ Ихъ Величества обѣдали у насъ въ каютъ-кампаніи. Я удивился, что они пріѣхали такъ рано. Григорій шелъ ни на кого не смотря, но вѣроятно въ его глазахъ было что то притягательное, потому что дама компаніонка вдругъ бросилась впередъ и подошла вплотную къ сходнямъ. Распутинъ вперился въ нее глазами, и прямо-таки сверлилъ ими. Я стоялъ очень близко и видѣлъ эту патологическую сцену. Компаніонка тоже не могла оторваться отъ него. Это было удивительно.

Старецъ пошелъ по молу, и долженъ былъ пройти мимо яхты. Ниловъ, знавшій, конечно, о пріѣздѣ, предупредилъ меня, что если Распутинъ захочетъ подойти къ яхтѣ, то чтобы его не пускали, и приказалъ передать охраннику у трапа распоряженіе въ этомъ смыслѣ. Я шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ за старцемъ, и увидалъ что он направляется прямо ко входу на яхту. Но сейчасъ же къ нему подошелъ охранникъ и попросилъ его отойти на другую сторону. Старецъ ничего не отвѣтилъ, исполнилъ приказаніе, и пошелъ дальше, оборачиваясь на яхту и благословляя ее крестнымъ знаменемъ. Въ одномъ изъ полупортиковъ я замѣтилъ двѣ фигуры въ бѣломъ, которыя какъ то мистически выдѣлялись на черномъ лакированномъ фонѣ «Штандарта».

Все это было непонятно и непріятно. Ниловъ съ утра былъ въ отвратительномъ расположеніи духа, все время налеталъ на меня съ разносами, ворчалъ на все и, когда я поднялся на палубу, то онъ былъ внѣ себя. Я доложилъ ему что «кандидатъ», какъ съ большимъ презрѣніемъ и злобой въ каютъ-компаніи уже называли Григорія, прошелъ. Адмиралъ поблагодарилъ меня, и, сразу повеселѣвъ, далъ знакъ маленькому итальянскому оркест-

ру братьевъ Палладино начинать музыку къ обѣду. И когда эти прекрасные артисты заиграли чудный маршъ «Раккониджи», и когда подошли къ красиво и аппетитно накрытому закусочному столу — невольно пришло въ голову, смотря на эту величественную славную Семью, смотря на ихъ взаимную любовь и такую дружбу, на прекрасные наряды, на ихъ родовитость и породу, на блестящую свиту, которая была подобрана изъ умныхъ и интересныхъ людей, на насъ, простыхъ офицеровъ флота, на долю которыхъ выпало счастье и честь быть такъ близко къ этой незабвенной семьѣ — вотъ тогда думалось, въ чемъ тутъ дѣло, въ этомъ грязномъ мужикѣ, какая сила въ немъ, и что случилось, что никто не могъ отговорить эту святую семью отъ совершенно недопустимыхъ нападокъ и разговоровъ, отъ примѣшиванія къ нимъ всякихъ низкихъ исторій, и что за «Чертъ» сидѣлъ въ этомъ зломъ геніи Семьи, Династіи и Россіи, оглушенномъ выстрѣломъ въ Юсуповскомъ дворцѣ, т. е. огнемъ, брошеннымъ въ Неву, т. е. въ воду, и послѣ сожженія его трупа, развѣяннымъ по вѣтру, т. е. воздухъ, и что понадобилось три стихіи — огонь, вода и воздухъ, чтобы уничтожить этого «Черта», причину гибели всего Русскаго.

Обѣдъ былъ очень оживленнымъ, послѣ него играли въ лото, и вечеръ прошелъ весело и мило. Флагъ-капитанъ игралъ въ лото очень комично, путалъ номера, ничего нельзя было понять, что онъ выкрикивалъ, а Настасья Николаевна, этотъ удивительный живчикъ, все время выигрывала, такъ что ее безпрестанно провѣряли.

Дамы уѣхали въ полночь, а Государь остался къ легкому ужину.

Въ Ливадіи жизнь текла тихо и мирно, для княженъ устраивались маленькіе балы, и опять всѣ наши дамы бывали приглашены. Въ городѣ устроили благотворительный спектакль, въ которомъ участвовали офицеры съ охранныхъ миноносцевъ, и Ихъ Величества были очень довольны этимъ развлеченіемъ. Были балы у предводителя дворянства Попова, у княгини Барятинской, а Государь часто ѣздилъ на охоту, но не всегда удачную. Приходили турки, съ подарками отъ султана, при чемъ на ихъ яхтѣ было больше офицеровъ, чѣмъ матросовъ. Турки были очень милые люди, и прямо непонятно, какъ Россія всегда была съ ними въ какой то враждѣ. Между прочимъ, они считали, что Крымъ до сихъ поръ ихъ владѣніе, временно занятое Россіей, и поэтому то султанъ и присылалъ эту делегацію поздравлять Государя съ прибытіемъ въ ихъ владѣнія. Конечно, это была политическая шутка, но говорятъ, что такое мнѣніе въ Турціи дѣйствительно имѣло мѣсто.

Жизнь въ Ливадіи была встревожена внезапной сердечной болѣзнью дворцоваго коменданта, генерала Дедюлина, очень хорошаго человѣка и преданнаго царскаго слуги. Проболѣвъ два-три дня, бѣдный генералъ скончался. Штабъ флагъ-капитана принималъ участіе въ похоронахъ, вызвавъ транспортъ для перевозки тѣла въ Севастополь. Дедюлинъ былъ очень хорошій военный, можно сказать, отличный солдатъ, но совершенно не придворнаго образца человѣкъ. На яхтѣ онъ ни разу не плавалъ и, какъ говорится, былъ не ко двору въ такомъ обществѣ, какъ была свита и настоящіе, изъ поколѣнія въ поколѣніе, придворные люди. Служебныя заслуги его были довольно цѣнны, кромѣ, развѣ, трагическаго случая убійства Столыпина, гдѣ онъ промахнулся, о чемъ тогда открыто говорили среди свиты, объясняя это, впрочемъ, неопытностью и излишней довѣрчивостью, которую ловкіе люди и использовали. Ниловъ относился съ уваженіемъ къ покойному, но считалъ его солдафономъ.

При дворѣ заговорили о замѣстителѣ, а флагъ-капитанъ началъ удивляться, почему это гадаютъ и предполагаютъ, потому что онъ сразу сказалъ, что будетъ назначенъ генералъ Воейковъ, и больше никто. Такъ оно и оказалось. И Воейковъ, какъ разъ, почему то былъ въ Ялтѣ, и такъ какъ онъ родственникъ графа Фредерикса, а жена его пріятельница Вырубовой, то ясно, что Ниловъ поставилъ вѣрно. Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ генераломъ Воейковымъ у Ниловыхъ — это былъ очень любезный, чрезвычайно умный человѣкъ, и при этомъ настоящій придворный. Воейковъ всегда находилъ тонъ, какъ съ кѣмъ говорить, и при этомъ былъ обворожителенъ своей любезностью. Потомъ надъ генераломъ слегка подтрунивали съ его минеральной водой Кувака, но и самъ Воейковъ добродушно посмѣивался и не плохо зарабатывалъ на ней.

6-го Декабря въ Ялту пришелъ весь Черноморскій флотъ, пріѣхалъ Морской Министръ, и это былъ, какъ будто, морской какой то праздникъ. Государь обѣдалъ, какъ всегда, на яхтѣ, и былъ очень доволенъ провести свои имянины на своей «милой яхтѣ», какъ онъ отзывался въ своемъ дневникѣ о «Штандартѣ».

Я былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга за отличіе, которое Ниловъ видѣлъ въ организаціи путешествія по Волгѣ, которымъ Государь былъ очень очень доволенъ, на основаніи чего адмиралъ и испросилъ мнѣ эту пріятную награду.

Во все время пребыванія въ Крыму, происходили какія то тренія въ постройкѣ флота, и Ниловъ все время получалъ длиннѣйшія шифрованныя телеграммы отъ Зилотти, по личному шифру адмирала, ключъ отъ котораго былъ только у меня, и мнѣ приходилось цѣлыми днями мучиться надъ этой расшифровкой.

Кромѣ того, Зилотти забрасывалъ и меня лично телеграммами, прося срочно доложить то или другое адмиралу, пока не прійдутъ официальныя бумаги. Въ благодарность милый Зилотти прислалъ мнѣ даже пару погонъ капитана 2-го ранга, гвардейскаго экипажа, зная что таковыхъ я въ Крыму не найду, но одной пары было мало, и я такъ и проходилъ до Рождества въ оберъ-офицерскихъ погонахъ, пока мы не вернулись на сѣверъ.

Послѣ чудныхъ дней настали холода, и въ горахъ выпалъ снѣгъ.

Ихъ Величества перешли въ Севастополь и въ двадцатыхъ числахъ Декабря, и тотчасъ же уѣхали въ Царское Село. Яхта осталась зимовать въ порту, такъ какъ ранней весной Ихъ Величества опять должны были прiѣхать въ Крымъ.

Съ производствомъ въ штабъ-офицеры я не могъ оставаться адъютантомъ экипажа, но графъ Толстой все медлилъ въ выборѣ мнѣ замѣстителя, такъ что до февраля я исполнялъ должность адъютанта, когда былъ назначенъ лейтенантъ Н. П. Всеволожскiй 3-iй, который и былъ послѣднимъ адъютантомъ въ исторiи и существованiи гвардейскаго экипажа.

X.

1914 годъ.

Подъѣзжая по Литейному проспекту къ улицѣ Жуковскаго, автомобили и экипажи попадали въ скопленiе и толчею, которыя увеличивались на самой Жуковской, и въ самый Эртелевъ переулокъ почти нельзя было въѣхать. И, чтобы попасть скорѣе на встрѣчу Новаго Года къ А. И. Суворину, маститому публицисту и издателю «Новаго Времени», и его чрезвычайно милой и любезной женѣ, лучше было выйти изъ машины и дойти пѣшкомъ до извѣстнаго коричневаго дома съ громаднымъ, въ помпейской окраскѣ, вестибюлемъ, изъ котораго, въ большомъ лифтѣ, всѣ поднимались въ квартиру этого русскаго патрiота и направителя мыслей лучшей части нашей интеллигенцiи.

Мы, офицеры гвардейскаго экипажа, много лѣтъ подъ рядъ имѣли удовольствiе встрѣчать Новый Годъ у Сувориныхъ, потому что его дочь, Анастасiя, была замужемъ за нашимъ офицеромъ, капитаномъ 2-го ранга С. В. Мясоѣдовымъ-Ивановымъ, общимъ любимцемъ не только экипажа, но и большей части петербургскаго общества.

Я думаю, что многiе петербуржцы, и особенно, конечно, писатели, публицисты и артисты бывали въ этомъ гостепрiимномъ домѣ, и больше всего на этихъ новогоднихъ встрѣчахъ. Кого

только можно было не встрѣтить въ этотъ вечеръ и ночь у Сувориныхъ?!

Бывали мы и въ обыкновенные дни, и тогда А. С. Суворинъ любилъ, чтобы мы пріѣзжали прямо къ обѣду, въ тѣ времена — ровно къ шести часамъ, когда большой столъ въ нѣсколько темноватой столовой бывалъ накрытъ на неопредѣленное количество гостей.

Самъ А. С. Суворинъ сидѣлъ обыкновенно у себя въ кабинетѣ, громадной комнатѣ съ фонаремъ на улицу, и весь столъ его бывалъ заваленъ книгами и газетами. А въ глубинѣ стоялъ еще столъ, вродѣ прилавка, на которомъ лежали самыя свѣжія, только что выпущенныя его издательствомъ, газеты и книги. Добрѣйшій Суворинъ любилъ показать еще пахнущіе краской и клеемъ аккуратные томики, и ему доставляло удовольствіе, если кто либо изъ насъ просилъ у него одну изъ книгъ. Съ улыбкой, онъ, конечно, дарилъ ихъ, суя подъ локоть и еще двѣ-три. Разговоры съ нимъ и его разсказы были чрезвычайно интересны.

На Новый Годъ у Сувориныхъ собиралось, быть можетъ и неодновременно, человѣкъ двѣсти-триста. Среди артистовъ и артистокъ на первомъ мѣстѣ была Медея Фигнеръ, итальянцы, Варламовъ и Давыдовъ, вся труппа Малаго Театра и сотрудники Новаго Времени. Мы знали и Меньщикова, и Цезаря Кюи, и музыкальнаго критика Иванова, съ его замѣчательно красивыми дочерьми, полуитальянками, и просто невозможно перечислить, кого только не бывало въ эту ночь въ гостепріимныхъ залахъ Эртелева переулка № 6.

Это воспоминаніе о Сувориныхъ нашло на меня потому, что этотъ, 1914 годъ мы встрѣчали у моего адмирала, К. Д. Нилова, и послѣ торжественной минуты и взаимныхъ поздравленій, адмиралъ, послѣ ужина, какъ всегда, засѣлъ съ мужчинами опять за столъ, и началъ высказывать мысли о неправильной политикѣ нашего правительства, о чемъ, какъ разъ подъ Новый Годъ, много писалось въ Новомъ Времени.

Я не могу установить, кѣмъ былъ адмиралъ: германофиломъ, англоманомъ, или за союзъ съ Франціей. Нѣтъ сомнѣнія, что адмиралъ восхищался Вильгельмомъ, какъ монархомъ и автократомъ. Но надъ личностью самаго Кайзера онъ нерѣдко подтрунивалъ. Англичанъ онъ считалъ, прежде всего, торгашами. Онъ не любилъ ихъ за превосходство, но, конечно, покупалъ все въ Англійскомъ магазинѣ, и даже шилъ себѣ платье въ немъ-же.

Ниловъ обожалъ Парижъ, но называлъ французовъ «пьюпью» и великолѣпными «артистами».

Сражаясь въ молодости за освобожденіе славянъ, онъ презиралъ братушекъ, и особенно Фердинанда, котораго считалъ

очень умнымъ, но предателемъ. Онъ восхищался румынскимъ оркестромъ Оки-Альби у Кюба, и румынскими пѣвицами, очень уважалъ короля Карла и королеву писательницу Карменъ Сильву, и особенно молодой румынскій дворъ, гдѣ главенствовала красивая принцесса Марія, внучка Царя Освободителя.

Ниловъ жалѣлъ сербовъ, которыхъ считал безнадежными, и любилъ турокъ, полагая, что слѣдуетъ давно отнять у нихъ Константинополь, но только одну европейскую его часть, и переименовать въ Царьградъ.

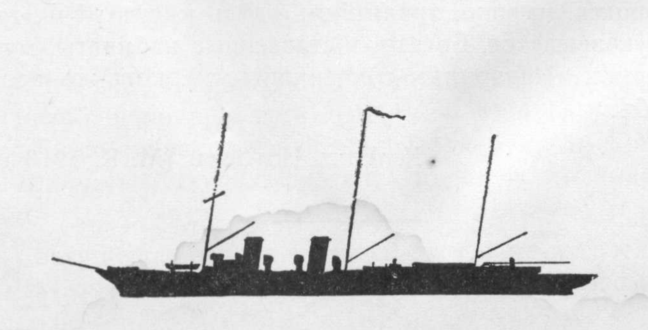
Въ этотъ новогодній вечеръ много говорили на эти темы, и въ концѣ концовъ Ниловъ высказался, что самая лучшая страна, и гдѣ лучше всего живется всѣмъ, особенно иностранцамъ, — это наша Россія. Безусловно, Ниловъ былъ большой патріотъ.

Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ впервые въ мысляхъ запала возможность войны. Однако, въ это время еще никто не произносилъ этого рокового слова. Наоборотъ, Петербургъ беззаботно веселился, и всѣ строили планы на масленницу, весну и Пасху.

Я сдалъ адъютантство только 25 Февраля, и мы переѣхали изъ казенной квартиры въ частный домъ на Крюковомъ каналѣ, недалеко отъ экипажа.

Однимъ изъ пріятныхъ воспоминаній въ экипажѣ была свадьба лейтенанта П. А. Воронова со «Штандарта», который женился на графинѣ О. К. Клейнмихель, семья коей была очень близка ко двору. Императрица была посаженной матерью. Всѣ наши офицеры были приглашены на свадьбу въ Царское Село, бракосочетаніе совершалось въ Феодоровскомъ соборѣ, присутствовалъ Государь съ княжнами. Потомъ былъ пріемъ у графини Клейнмихель, и Государь сдѣлалъ честь молодымъ, своимъ, съ княжнами, присутствіемъ на этомъ пріемѣ.

Продолженіе слѣдуетъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Очеркъ А. Тарсаидзе «Николаевская набережная, 17» въ IX томѣ «Морскихъ Записокъ» для всѣхъ насъ, съ любовью и благоданостью вспоминающихъ время нашего пребыванія въ Морскомъ Корпусѣ, является настоящимъ откровеніемъ. Никогда еще я не читалъ такого подробнаго отчета о происхожденіи и постепенномъ развитіи зданія Корпуса. Съ великой любовью, тщательностью и стараніемъ авторомъ собраны всѣ нужныя свѣдѣнія, что въ условіяхъ эмигрантской жизни заграницей представляетъ собою работу совершенно исключительной трудности.

Со своей стороны, могу добавить, что зданіе Морсского Корпуса сохранилось и по сіе время точно въ томъ видѣ, въ которомъ оно было въ 1918-омъ году. Никакимъ перестройкамъ оно съ тѣхъ поръ не подвергалось, отъ нѣмецкихъ бомбардировокъ за 1941-44 гг. совершенно не пострадало. Это подтверждается не только показаніями цѣлаго ряда военноплѣнныхъ (въ томъ числѣ и одного бывшаго воспитанника Корпуса), перебѣжчиковъ и дезертировъ, но и фотографическими снимками германской авіаціи. Въ февралѣ этого года у меня на рукахъ былъ снимокъ юго-западной части Петербурга, сдѣланный германской авіацией въ 1943 году и присланный мнѣ для отзыва однимъ пріятелемъ. На этомъ снимкѣ, охватывающемъ часть лѣваго берега Невы, Васильевскій островъ, Каменный островъ и Петропавловскую крѣпость, ясно видны два фронта зданія Морского Корпуса — на Николаевскую набережную и на 12-ую линію: отчетливо видны башня обсерваторіи и оба купола, 10 бѣлыхъ колоннъ и 2 подъѣзда главнаго фасада, а также громадныя полукруглыя окна столоваго зала на 12-ой линіи. Въ зданіи сейчасъ помѣщается совѣтское морское училище имени адмирала Нахимова. По замѣчанію совѣтскаго «Морского Сборника», «старинное зданіе, очевидно, до того пропитано традиціями, что и теперешніе воспитанники пролетарскаго происхожденія невольно переняли часть этихъ традицій». О какихъ, именно, традиціяхъ здѣсь идетъ рѣчь, въ «Сборникѣ» не указывается. Богато обставленные кабинеты, музей, картины и бригъ «Наваринъ» сохранились, церковь-же перестроена подъ клубъ.

К. фонъ Нотбекъ (М. К. 1913 г.).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Статья контръ-адмирала В. К. Пилкина въ IX-омъ томѣ «Морскихъ Записокъ» — «Два адмирала», весьма интересная по содержанію, приводитъ, однако, цѣлый рядъ неточныхъ данныхъ, значительно понижающихъ историческую цѣнность ея.

Будучи участникомъ описываемыхъ въ этой статьѣ событій и имѣя въ своемъ распоряженіи нѣкоторое количество записокъ и замѣтокъ, относящихся ко времени этихъ событій, считаю своимъ долгомъ исправить эти неточности, тѣмъ болѣе, что онѣ даютъ неправильное освѣщеніе боевой службы родной мнѣ Бригады Крейсеровъ и дѣятельности незабвеннаго Михаила Коронатовича Бахирева.

стр. 57.

Въ походѣ на новый годъ 1915 г. «Рюрикъ» былъ не одинъ, а въ сопровожденіи крейсеровъ «Адмиралъ Макаровъ», «Олегъ» и «Богатырь». Никакой непосредственной опасности «Рюрику» со стороны непріятеля не угрожало.

стр. 62.

Крейсеръ-заградитель — Альбатросъ» **не** былъ снятъ нѣмцами съ гряды у острова Эстергарнъ. Получивъ въ бою съ русскими крейсерами 19.6.15 (по н. ст. 2.7.15) 28 попаданій, въ томъ числѣ нѣсколько подводныхъ, съ разбитой лѣвой машиной и залитой носовой кочегаркой, потерпѣвъ значительный уронъ въ личномъ составѣ (среди убитыхъ былъ и командиръ, фрегаттенкапитанъ Вестъ), «Альбатросъ» выкинулся на каменную гряду у островка Эстергарнъ у Готланда. Команда его была снята шведами и интернирована въ Висби. Впослѣдствіи «Альбатросъ» былъ снятъ шведами и уведенъ въ гавань Висби, гдѣ и простоялъ до окончанія войны. Послѣ войны сданъ на сломъ.

стр. 62.

Стрѣльба «Рюрика» по «Роону» сильно затруднялась мглой, царившей весь день 19-го іюня 1915 года и, временами, переходившей въ густой туманъ. Кромѣ того, «Рюрикъ» уступалъ «Роону» въ скорости хода.

стр. 62.

Совершенно неправильно указано распредѣленіе судовъ въ Рижскомъ заливѣ передъ октябрьскими боями 1917 года.

Линейный корабль «Цесаревичъ» и крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ» простояли всю зиму 1916/17 въ Моонзундѣ у острова Шильдау. Лѣтомъ 1917 года они были замѣнены «Славой» и «Баяномъ». Передъ началомъ боевъ въ Рижскомъ заливѣ «Цесаревичъ» (теперь уже «Гражданинъ») и «Адмиралъ Макаровъ» снова были посланы въ Моонзундъ и къ нимъ еще прибавлена и «Діана». «Богатырь» же въ бояхъ въ Рижскомъ заливѣ не участвовалъ. Изъ вышеуказанныхъ кораблей «Баянъ» (подъ флагомъ вице-адмирала М. К. Бахирева), «Слава» и «Цесаревичъ» участвовали въ бою 5/18 октября 1917 года у южнаго выхода изъ Моонзунда противъ германскихъ дредноутовъ «Кэнигъ» и «Кронпринцъ Вильгельмъ», а «Адмиралъ Макаровъ» и «Діана» въ защитѣ Касарскаго плеса. — По углубленному и расширенному фарватеру Моонзунда уже въ 1916 году могли проходить не только крейсера типа «Баянъ», но и линейные корабли «Слава» и «Цесаревичъ».

стр. 63.

Совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Никакихъ затрудненій съ командой при тушеніи пожара на «Баянѣ» не было. Прошедшая строгую школу такихъ выдающихся старшихъ офицеровъ, какъ кавторанги П. О. Шишко и Б. Д. Коссаковскій, команда «Баяна» до самаго большевицкаго переворота сохранила дисциплину и, въ этомъ отношеніи, была одной изъ лучшихъ командъ всего флота. Именно, по этой причинѣ, М. К. Бахиревъ и выбралъ «Баяна» своимъ флагманскимъ кораблемъ. Да подъ ревъ разрывающихся кругомъ германскихъ двѣнадцатидюймовыхъ снарядовъ «товарищи» немедленно забыли весь революціонный угаръ, стремглавъ бросались исполнять приказанія офицеровъ и титуловали ихъ «Ваше Высокоблагородіе»!

стр. 63.

«Баянъ» и «Макаровъ» не были атакованы германской авіаціей въ Лайвикѣ, а еще въ Моонзундѣ, у острова Харилайдъ.

стр. 64.

Конечно, Рижскій заливъ не былъ очищенъ Бахиревымъ слишкомъ рано. Занятіе острововъ Эзель, Даго и Моомъ нѣмцами и прорывъ нѣмцевъ къ сѣверу отъ Моонзунда угрожали полнымъ окруженіемъ морскимъ силамъ Рижскаго залива. Немедленное очищеніе Рижскаго залива было насущнымъ требованіемъ момента.

стр. 65.

Въ походѣ къ Рюгену «Россія» не была одна, а въ сопровожденіи крейсеровъ «Олегъ» и «Богатырь» и эск. мин. «Новикъ» (всѣ 3 съ минами), а также крейсеровъ «Рюрикъ», «Адмиралъ Макаровъ» и «Баянъ» (безъ минъ, для артиллерійскаго прикрытія).

стр. 65.

Въ германскомъ флотѣ было много судовъ, значительно старшихъ нашего старѣйшаго боевого корабля, брон. крейсера «Россія». Для примѣра привожу только линейные корабли типа «Бранденбургъ», постройки начала 90-тыхъ годовъ, 8 броненосцевъ береговой охраны середины девяностыхъ годовъ, 9 линейныхъ кораблей типа «Кайзеръ Фридрихъ III» — конца девяностыхъ годовъ и др.

К. фонъ Нотбекъ (М. К. 1913 г.).

ФОНДЪ ПОМОЩИ ПРЕСТАРѢЛЫМЪ

ПРИЗЫВЪ ТОЛСТОВСКАГО ФОНДА

Чѣмъ дольше мы живемъ, тѣмъ скорѣе летятъ дни, мѣсяцы, годы... Сначала — нѣсколько сѣдыхъ волосъ, плохіе зубы, болѣзни, начинаетъ напоминать о себѣ сердце, перебои, одышка... И не успѣешь оглянуться, какъ на головѣ — бѣлый чепчикъ, собственные зубы замѣняются неудобными челюстями, на службѣ приходится уступать мѣсто молодымъ.

Старость, одиночество... Куда дѣваться? Что дѣлать? Неужеки знанія, опытъ всей жизни (а часто опытъ, накопившійся глубокими страданіями), никому больше не нужны? Человѣкъ долженъ жить одинъ, гдѣ нибудь в городской трущобѣ, получая небольшую пенсію, не хватающую на поддержаніе его жизни. Нѣтъ! Этого допустить мы не можемъ, не имѣемъ права! Люди стараго поколѣнія, съ ихъ традиціями и опытомъ — одна изъ самыхъ большихъ цѣнностей, которыя у насъ остались въ жизни, и мы должны не только беречь ихъ, но должны дать имъ сознаніе, что они, получая отъ насъ заботу, ее заслужили. Этихъ бездомныхъ людей необходимо не только устроить, накормить, ихъ надо ду-

шевно согрѣть, заполнить по возможности ихъ жизнь, дать имъ духовную пищу: церковь, библіотеку, гдѣ многіе изъ нихъ могли бы еще примѣнить свои способности и знанія.

НУЖНО ОРГАНИЗОВАТЬ ДОМА ДЛЯ ПРЕСТАРѢЛЫХЪ!

Что мы должны для этого сдѣлать?

Жертвовать стоимость двухъ пачекъ папиросъ въ мѣсяцъ — 50 центовъ, 3 доллара за шесть мѣсяцевъ, 6 долларовъ въ годъ.

Неужели русскіе, тѣ, которые работаютъ и зарабатываютъ, имѣютъ регулярный доходъ, не отзовутся на этотъ призывъ?

Знаетъ ли кто нибудь, что **насъ въ этой странѣ около милліона?** Если только 12.000 человѣкъ отвѣтятъ обѣщаніемъ **регулярно** жертвовать **полтинникъ** въ мѣсяцъ, **въ Фондъ помощи престарѣлымъ,** то это составитъ 72.0000 долларовъ въ годъ и можно будетъ немедленно открыть домъ на 50-55 человѣкъ (обоего пола), а если отзовутся 24.000 человѣкъ, то можно будетъ открыть два дома: одинъ на востокѣ, а одинъ на западѣ Америки. А 24.000 — это менѣе 10-ти процентовъ работающихъ русскихъ людей.

Чѣмъ дальше, тѣмъ нужда будетъ больше; съ любымъ изъ насъ можетъ стрястись бѣда, никто не гарантированъ отъ того, что черезъ пять, десять или пятнадцать лѣтъ онъ не останется одинокимъ и безпомощнымъ.

Давайте же всѣмъ міромъ поднимемъ это дѣло! Старость не должна никого страшить!

Я вѣрю, что никому не жаль дать въ мѣсяцъ 50 центовъ, но въ заботахъ каждаго дня и занятости нашей жизни намъ трудно пойти на почту, стоять въ очереди, сдѣлать переводъ... Посылайте полтинники (или доллары — за два мѣсяца) **прямо въ конвертѣ, въ Фондъ помощи престарѣлымъ.**

Конверты надо адресовать либо на главное отдѣленіе Толстовскаго Фонда: 300 Вестъ 58 улица, Нью Йорк Сити, или на отдѣленіе Толстовскаго Фонда въ Калифорніи: 320 Маркетъ стритъ. Санъ Франциско, Калифорнія.

Александра Толстая.

ИСПРАВЛЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ П. А. ВАРНЕКЪ
«Послѣдняя рота Морского, И. И. В. Наслѣдника Цесаревича Училища» — Томъ IX, Декабрь, 1951 г. «Морскія Записки».

стр.	строка	Стоитъ:	Слѣдуетъ читать:
30	12 снизу	тряпкѣ	трепнѣ
31	7-8 сверху	добровольческихъ	вольнонаемныхъ
32	3 сверху	въ Корниловскомъ походѣ	въ партизанскомъ отрядѣ есаула Чернецова
32	6 сверху	Шеметкинъ	Шеметкинъ Дмитрій
32	2 снизу	Данчинъ	Данчичъ
32	14 снизу	Оффенбахъ	Оффенбергъ
32	10 снизу	Пышковъ	Пышновъ
33	2 сверху	Значко-Яворскій Антонъ	Значко-Яворскій, Аполлонъ
33	2 сверху	Шеметкинъ	Шеметкинъ Дмитрій

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ, НЕ УКАЗАННЫЯ НА ОТДѢЛЬНОЙ СТРАНИЦѢ ТОМА IX

2	1 сверху	«Морскихъ Записокъ	«Морскихъ Записокъ»
2	8 сверху	1951	1950
87	11 снизу	ген. Штаба	Морского Ген. Штаба
87	11 снизу		(слѣдуетъ зачеркнуть)

136 Послѣ стр. 22 пропущена строка:

-института. Залъ этотъ служилъ для медицинского осмотра выдер-

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.
341

Изданія Исторической Комиссіи О-ва бывшихъ Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ.

ИМѢЮЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ ДЛЯ ПРОДАЖИ.

Цѣны съ пересылкой. $ ¢

1. «СЪ БЕРЕГОВЪ АМЕРИКИ». Юбилейный историческій сборникъ О-ва б. Р. М. О. А., 1923-1938 г. 3.50
2. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ I, 1943 г. (осталось лишь нѣсколько неполныхъ годовыхъ комплектовъ 4.00
3. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ II, 1944 г. 4.00
4. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ III, 1945 г. 4.00
5. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ IV, 1946 г. 4.00
6. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ V, 1947 г. 4.00
7. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ VI, 1948 г. — распроданъ.
8. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ VII, 1949 г. 3.00
9. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ VIII, 1950 .. .. 3.00
10. «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», томъ IX, 1951. (Годовой номеръ) 3.00
11. «ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСКЪ», къ 20-лѣтію О-ва б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ, Инк. (1923-1943). 1.35
12. «МОРСКОЙ КОРПУСЪ ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА». А. Тарсандзе. 1901-1925. 1.50
13. Описаніе дѣйствій Гвардейскаго Экипажа на сушѣ и на морѣ въ войну 1914-1917 гг. Ст. лейт. Бар. Г. Н. Таубе 0.50
14. «. . . И ТОЛЬКО ТОГДА НАСТУПИЛЪ МИРЪ . . .» Леонидъ Селезневъ-Скибъ. 1947 г. 1.50
15. «ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ» — 1923-1948 г. Къ двадцатипятилѣтію Общества б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ, Инк. 2.00
16. «КОЛЫБЕЛЬ ФЛОТА» — 1701-1951 г. Къ 250-ти лѣтію со дня основанія школы математическихъ и навигацкихъ наукъ. 3.65

Принимается подписка
на «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ» на 1952 годъ.
Цѣна $ 3.00 съ пересылкой.